

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023 Том 29 № 4

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Б.М. Фирсов, доктор филос. наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

С.В. Чесноков, кандидат техн. наук, независимый исследователь, Израиль

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State
University; Institute of Economics and Industrial Engineering of
the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent
Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech
Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State
Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, National Research
University Higher School of Economics, Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation "Public
Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, All-Russian Public Opinion
Research Center (VCIOM), Russian Federation

Boris M. Firsov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, European
University in St Petersburg, Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological
Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Sergey V. Chesnokov, Candidate of Chemical Sciences, Independent Researcher,
Israel

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 499. Оп. 1. Д. 276. Л. 126–127.
2. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; Под ред. К.А. Левинсона, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
3. *Харламов Н.А.* Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри // Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издат. и консалт. группа «Праксис», 2012. С. 7–58.
4. *Калинин С.Ю.* Библиографический аппарат научной работы // Библиография. 1993. № 2. С. 36–45.
5. *Silverman D.* Telling convincing stories: A plea for cautious positivism in case-studies // The qualitative-quantitative distinction in the social sciences / Ed. by V. Glassner, J. Moreno. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 57–77.
6. *Utz S.* Social information processing in MUDs: The development of friendships in virtual worlds // Journal of Online Behavior. 2000. Vol. 1. No. 1 [online]. Accessed 10.04.2001. URL: <http://www.behavior.net/JOV/v1n1/utz.html>
7. *Яницкий О.Н.* Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН; О.Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 21.12.2012. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» — <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. Факс: +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. ТОМ 29. № 4

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.30.4

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А.Б. Мартыненко

- 8–30 Разработка инструментария
для измерения эмоциональной составляющей
волонтерской деятельности и его апробация

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

И.Л. Сизова, Н.С. Орлова, Е.Д. Елагина

- 31–55 Компетентность работников в условиях
социально-экономической неопределенности

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

О.Б. Солодовникова, Е.Е. Малькова

- 56–76 Исследование удовлетворенности преподавателей
своей работой: концептуальная рамка для России

П.А. Амбарова

- 77–99 Целостность, структурность и функциональность
повседневных практик научного наставничества
как предмет микросоциологического анализа

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

Н.Л. Русинова, В.В. Сафронов

- 100–122 Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье:
значение культуры доверия между людьми

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Г.А. Погосян

123–140 Общие контуры национальной идентичности
у современных армян

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

Г.Г. Татарова

141–150 «Батыгин был глубоко мыслящим социальным
философом, но мог спуститься на уровень
эмпирической социологии» /
Интервью подготовил *Д.М. Рогозин*

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

А.Н. Малинкин

151–168 Концепция социальной философии С.Л. Франка.
Опыт сравнительного анализа:
Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

С.В. Орлов, Д.В. Чернышков

169–186 Феномен советской заводской социологии
(на примере города Бийска)

187–190 **УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2023 ГОДУ**

CONTENTS

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023. VOL. 29. No. 4

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.30.4

THEORY AND METHODOLOGY

Martynenko, A.B.

- 8–30 Developing and Testing Tools for Measuring
the Emotional Dimension of Volunteering

SOCIOLOGY OF LABOR

Sizova, I.L., Orlova, N.S., Elagina, E.D.

- 31–55 Employee Competence in Conditions
of Socio-Economic Uncertainty

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Solodovnikova, O.B., Malkova, E.E.

- 56–76 Academic Job Satisfaction Research:
Conceptual Framework for Russia

Ambarova, P.A.

- 77–99 Integrity, Structurality and Functionality
of Everyday Practices of Scientific Mentoring
as a Subject of Micro-sociological Analysis

SOCIOLOGY OF MEDICINE

Rusinova, N.L., Safronov, V.V.

- 100–122 The Impact of Network Status Resources on Health:
Moderation by Cultural Context

ETHNOSOCIOLOGY

Poghosyan, G.A.

123–140 General Outlines for the National Identity
of Modern Armenians

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

Tatarova, G.G.

141–150 “Batygin was a Deep-Thinking Social Philosopher, but
could Come Down to the Level of Empirical Sociology”.
Interview prepared by D.M. Rogozin

HISTORY OF SOCIAL THOUGHT

Malinkin, A.N.

151–168 The Concept of Social Philosophy by S.L. Frank.
Experience of Comparative Analysis:
G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler

HISTORY OF SOCIOLOGY

Orlov, S.B., Chernyshkov, D.V.

169–186 The Phenomenon of Soviet Factory Sociology
(Based on Biysk City)

187–190 **INDEX, 2023**

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.1

EDN: GHJNHC

*А. Б. МАРТЫНЕНКО*¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО АПРОБАЦИЯ¹

Аннотация. Волонтерство — неотъемлемая часть общественной жизни. Вместе с тем это сложный конструкт, который сопряжен с эмоциональными дилеммами, ведь эмоции волонтеров имеют ключевое значение для их деятельности. Однако данная тема мало освещается в российском научном дискурсе — как содержательно, так и методологически. В этой статье представлены результаты методической разработки количественных индикаторов эмоциональной составляющей волонтерской деятельности. На примере онлайн-опроса 274 волонтеров следующих направлений — социальное, экологическое, событийное, спортивное, зооволонтерство, волонтерство общественной безопасности — апробируются полученные показатели путем поиска связи с факторами эмоций волонтеров. В ходе исследования были разработаны и описаны индикаторы эмоциональной составляющей волонтерской деятельности: валентный индекс, эмоциональное выгорание, природа эмоций и эмоциональный интеллект. Валентный индекс учитывает два типа (две валентности) эмоций волонтеров — положительную и отрицательную. Эмоциональное выгорание выражается в виде модели факторного анализа — причин выгорания. Эмоциональный интеллект представлен как сумматорный показатель эмоциональных процессов (например, обмена, контроля и т. д.). Природа эмоций репрезентируется интервальными семантическими дифференциалами при построении модели кластерного анализа. Путем апробации полученных методик выясняется, что формальные и неформальные добровольцы обладают одинаково высоким эмоциональным интеллектом

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

и одинаково подвержены эмоциональному выгоранию. Самые низкие значения валентного индекса наблюдаются у событийных волонтеров, самые высокие — у волонтеров общественной безопасности. С возрастом возможность выгореть по причине наличия постоянной радости и веселья уменьшается, по причине излишней жалости — увеличивается, по причине усталости от сочувствия — уменьшается. Женщины по сравнению с мужчинами склонны в наибольшей степени испытывать эмоции — как положительные, так и отрицательные, то есть у них выше валентный индекс и эмоциональный интеллект.

Ключевые слова: измерение эмоций; количественные индикаторы; волонтерство; эмоции; эмоциональный интеллект; эмоциональное выгорание; эмоциональная валентность; природа эмоций; социология эмоций.

Для цитирования: Мартыненко А.Б. Разработка инструментария для измерения эмоциональной составляющей волонтерской деятельности и его апробация // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.1 EDN: GHJNHC

Введение

Волонтерство — это укорененный в социальной реальности феномен [16], один из ключевых векторов развития гражданского общества и некоммерческого сектора [5], важный источник социальных изменений и фактор развития человеческого потенциала [3]. Согласно Д. Уилсону, «волонтерство (добровольчество) — это любая деятельность, в которой время отдается свободно на благо другого человека, группы или дела» [27].

В данной работе волонтерство понимается как добровольная безвозмездная помощь, общественно полезная деятельность, направленная на других людей, не являющихся для волонтера членами семьи или другими родственниками.

В России добровольчество изучается в контексте общих количественных показателей: эффективности и результатов этой деятельности на разных уровнях, влияния волонтерства на экономику, политику и цели национального развития [1]. Оценка числа добровольцев в стране включена Росстатом в национальный проект «Образование»². Изучение волонтерства развивается в области макроуровневых и мезоуровневых показателей. При этом данные аспекты не относятся к самому волонтеру и его *мироощущению, социальности и психологии* его деятельности. Одним из таких малоизучаемых аспектов микроуровня

---

² Приказ Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежи) «Об утверждении методики расчета показателей федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование» от 3 апреля 2020 г. Росстат, 2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 03.09.2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/metod/fed-proekt/met090005.pdf>

являются *эмоции* волонтеров. В данном исследовании эмоции определяются как социально-психологические конструкторы, возникающие в виде как базовых телесно-голосовых реакций, так и глубинно-смысловых ответов, данных действиям индивидов, социальным событиям и среде, в которой разворачивается жизненный мир человека.

Добровольчество (особенно связанное с работой с уязвимыми группами людей) может быть подвержено *турбулентностям*: определенным моральным и психологическим трудностям, институциональным ограничениям. Нередко в контексте волонтерства можно услышать о проблеме *эмоционального выгорания* волонтеров.

Согласно данным многих НКО, привлекающих волонтеров, в них не ведется работа по предотвращению эмоционального выгорания, и очень часто эмоциональная составляющая волонтерской деятельности *замалчивается или игнорируется* не только в исследованиях, но и самими волонтерами или менеджерами, которые ими руководят. Более того, в реальности оценка волонтерской активности часто сопровождается социально-ролевыми *стереотипами*, что добровольцы и индивиды в помогающих сферах всегда счастливы и довольны происходящим. С точки зрения идеалов общество придает большое значение состраданию и сочувствию, и эти чувства, согласно теориям альтруизма и идентичности, ожидают от волонтеров [24]. Но на пути волонтера ждут моральные дилеммы и эмоциональные циклы — например, волонтер может задуматься: «Если люди злы или больны, то зачем им помогать?» [18].

В статье утверждается, что эмоции на разных этапах волонтерства (начало деятельности, погружение в нее) играют большую роль в жизни добровольца. Они определяют его отношение к благополучателям, его желание заниматься своим делом. Такие эмоциональные состояния, как злость, солидарность и сочувствие, усталость, являются источником *эффективности волонтерской деятельности*, желания *продолжать заниматься* ею [8; 17; 23; 26].

Волонтеры в своей работе постоянно испытывают *спектр эмоций*, которые могут быть как *позитивными, так и негативными, выражаться и контролироваться по-разному*. И это не может не влиять на психологическое состояние, на идентичность волонтера и восприятие им себя, на оценку собственных способностей справляться с трудностями и проблемами других людей [8; 10; 15; 26].

Также эмоции могут менять изначальную мотивацию волонтера. Например, *позитивные эмоции* могут быть источником мотивации, если человек только собирается стать волонтером [8], однако такие эмоции, как гнев и злость, могут изменить мотивацию волонтера с идеологической на материальную или вовсе лишить добровольца мотивационного поля. А *чрезвычайно интенсивные эмоции* (паника и ярость) могут

прерывать работу волонтеров путем постоянного перенаправления внимания с самого дела на эмоции [19]. Злость и огорчение из-за несправедливости могут привести к помощи жертвам насилия [26], горе от собственных потерь — к желанию заниматься паллиативной помощью в хосписах [9], а усталость от сочувствия — наоборот, к выгоранию и последовательному разочарованию в деятельности волонтеров и уходу из нее [22; 23].

Действительно, эмоции могут быть различными с точки зрения *валентностей* [12; 25]. Например, волонтеры могут испытывать *положительные* (благодарность, радость, удовольствие, интерес, восторг, счастье [16]) и *отрицательные* (возмущение [26], усталость, скука и угнетение [11], отвращение, злость) эмоции.

Эмоции могут быть различными по *выраженности* (степени эмоциональности), передаваться путем *эмоционального обмена* волонтеров и групп помощи, волонтеров и их организаций. Некоторые исследователи утверждают, что разные эмоции могут испытываться на *различных волонтерских позициях*, но в большинстве случаев это позиции помощников [2].

Таким образом, благодаря концептуализации эмоциональных состояний можно приблизиться к пониманию того, каких эмоций стоит, например, *избегать*, какие эмоции важно *выражать внутри коллективов*, какие эмоции могут *негативно влиять на состояние самих волонтеров*.

При этом эмоции появляются и развиваются под влиянием на них разного рода факторов, поэтому эмоции волонтеров важно рассматривать в совокупности с характеристиками, присущими данной сфере. Так, например, если говорить о форме волонтерства, то 40% россиян, по данным на 2019 г., вовлечены в добровольческую деятельность через различные общественные и некоммерческие организации, инициативные группы [6]. Безусловно, изучение неформальных практик волонтерства [7] и особенностей эмоций в таких условиях также представляет интерес, поэтому в статье обращается внимание на связь эмоциональной составляющей волонтерства и *формы* волонтерства (формальное или неформальное) как фактора определенных эмоциональных состояний.

Перспективно рассмотрение эмоционального контекста среди волонтеров разных направлений деятельности — социальных, событийных и т. д. Так, например, волонтеры, не являющиеся событийными, могут быть охарактеризованы высоким уровнем осознания смысла их деятельности, очевидным отсутствием ожидания получить материальное вознаграждение, ответственным отношением к своей работе, к людям, которым оказывается помощь [7; 14]. Направление волонтерства, как представляется, имеет определяющее влияние на эмоции волонтеров.

Важно отметить, что исследований, посвященных эмоциям волонтеров и их аспектам, проявлениям и связям с разными факторами, не так много, особенно в российском научном дискурсе. За рубежом вопросы *сравнения эмоций* в разных направлениях и формах волонтерства тоже еще не изучены. Эмоции могут изучаться в контексте отдельных направлений волонтерской деятельности — например, экологического [11] или спортивного [13], но не в сравнительной парадигме, что значительно сужает аналитический потенциал эмоциональной составляющей в добровольчестве.

Что касается измерения эмоциональной составляющей волонтерства, то в некоторых работах применяется количественный подход [16; 26], но он представлен без содержательного погружения в различные важные аспекты. Это погружение возможно в качественных исследованиях эмоций волонтеров — через фокус-группы, глубинные интервью и наблюдения за работой волонтеров [11]. Данный подход представляется наиболее очевидным в силу персонифицированного и глубинного смысла эмоциональных контекстов. В исследовании применялся смешанный подход, а в данной статье описываются результаты количественного этапа и работы по созданию количественных метрик для измерения четырех аспектов эмоциональной составляющей волонтерской деятельности, на основе которых могут быть получены содержательные выводы.

Методология исследования и характеристики выборки

Целью исследования является разработка методики измерения эмоций волонтеров — количественных показателей аспектов эмоциональной составляющей волонтерской деятельности и факторов, обуславливающих различия в данных аспектах.

Исследовательский вопрос работы: как описать многогранное эмоциональное поле волонтерской деятельности, содержащее определенные реакции, паттерны поведения и эмоциональные типы, и каким социологическим инструментарием воспользоваться для его измерения? Также актуально измерение связи с такими факторами, свойственными сфере добровольчества и влияющими на эмоции волонтеров, как направление (сфера) деятельности, форма волонтерства, добровольческая роль, опыт в сфере волонтерства и социально-демографические характеристики.

Эмпирическим объектом исследования выступили формальные и неформальные волонтеры города Москвы по шести направлениям волонтерства: социальное, спортивное, событийное, экологическое, зооволонтерство, волонтерство общественной безопасности.

Социальное, событийное, спортивное и экологическое направления волонтерства были выбраны как самые популярные в России на основе исследования, проведенного Центром исследований граж-

данского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2019 г. в рамках мониторинга состояния гражданского общества совместно с Агентством стратегических инициатив (N = 16 721). Направление помощи животным (зооволонтерство) было включено, поскольку оно достаточно амбивалентно: эта область получает небольшую государственную поддержку, хотя и считается важной для гражданского общества. Добровольчество в области общественной безопасности связано с практическими импликациями данного исследования, ведь это направление имеет ценность для государственной повестки [4].

Использовались невероятностная процедура отбора респондентов и неслучайная квотная выборка. Квотирование производилось по двум квотам: по форме волонтерства и полу. Эти квоты по итогу оказались сопоставимы по количеству с минимально допустимыми (согласно формуле В.О. Рукавишникова).

В процессе сбора данных были получены ответы 274 респондентов (валидный процент тех, кто занимался волонтерством за последние полгода, составил 93% из 290 опрошенных респондентов).

В выборку попали волонтеры по следующим соотношениям признаков: 14% волонтеров мужского и 86% волонтеров женского пола. Представителей формального (организованного) волонтерства в выборке оказалось 59,6%, а неформальных (самостоятельных) волонтеров — 40,4%.

Данное распределение напоминает реальное распределение по полу в генеральной совокупности российских волонтеров, потому что, как известно, волонтеров мужского пола гораздо меньше, чем женского, в частности, исследования ЦИГОиНС НИУ ВШЭ утверждают, что это соотношение равно 30% : 70%.

Среди опрошенных респондентов наиболее популярными являются событийное волонтерство (27,2%), социальное волонтерство (21,3%) и помощь животным (15,8%). Возраст опрошенных волонтеров варьируется от 15 до 67 лет (среднее = 26,48, ст. отклонение = 10,8). Наиболее часто в выборке встречаются волонтеры 19 лет (15,1%), 18 лет (12,5%), 20 лет (11%), 21 года (9,2%).

В рамках концепта «инфраструктура волонтерства», помимо направления и формы волонтерства, рассматривалась роль (функционал) волонтера. Всего в выборке представлены четыре типа ролей: «занимаюсь оказанием только прямой помощи» (32,4%), «занимаюсь оказанием только непрямой помощи» (11,6%), «смешанный тип помощи» (32%), «оказываю любого рода помощь, а также управляю волонтерами (являюсь их менеджером)» (24%).

Индикаторы эмоциональной составляющей волонтерства

Решение исследовательских задач предполагало не только поиск связей, но концептуализацию и измерение показателей. Так, был

разработан и измерен количественный индикатор *валентный индекс*. Основной его целью является учет многообразия положительных и отрицательных эмоций, играющих разную роль в опыте волонтера. Он также решает проблему чувствительности вспоминания определенных эмоций, потому что для измерения респондентам предлагался список из 46 эмоций — 23 положительных и 23 отрицательных, которые были отобраны на основе 1) теоретических данных, 2) беседы с информантами на качественном этапе.

Наиболее часто выбираемыми эмоциями (более 70% респондентов) оказались: благодарность, вдохновение, воодушевление и восхищение, интерес и любознательность, осознание, что все не зря, надежда, радость, удовлетворение, эмпатия и сочувствие, энтузиазм и желание что-то делать. Некоторые отрицательные эмоции тоже встречаются довольно часто: например, усталость (63,3%), грусть и расстройство (55,8%), тревога и переживание (47,1%).

Вторым предположением при построении валентного индекса стало то, что отрицательные и положительные эмоции играют разную роль в жизни волонтеров. Эмпирическим путем были получены веса валентностей эмоций: респонденты распределяли 10 баллов между двумя валентностями по степени значимости каждой в их опыте. При такой постановке задачи отрицательные эмоции также получили оценку (так как методика распределения оценок дает возможность сопоставить два полюса и обозначить, в каких ситуациях преобладает один, а в каких — другой).

Оценки значимости валентностей усреднялись, и были получены веса: для положительных — 0,738, для отрицательных — 0,262. Валентный индекс вычислялся по следующей формуле:

$$N_{\text{положит. эмоции}} * \omega_{\text{ПЭ}} (0,738) + N_{\text{отриц. эмоции}} * \omega_{\text{ПЭ}} (0,262).$$

Число положительных и отрицательных эмоций считалось как число выбранных конкретным респондентом эмоций из каждой связки 23 эмоций. Данный индикатор является интервальной переменной. Минимальное значение — 0,74, максимальное — 23, среднее — 12,22, стандартное отклонение — 4,43. Согласно тесту Колмогорова — Смирнова, распределение валентного индекса является нормальным.

Очень маленькие значения валентного индекса означают, что респондент испытывает немного отрицательных и положительных эмоций (в равной пропорции) либо что отрицательных эмоций у него больше. Доверительный интервал для среднего: 11,7–12,7.

Далее мы рассмотрели такой аспект эмоциональной составляющей волонтерства, как *эмоциональное выгорание*. Оно может проявляться явно и неявно. Явное выгорание измерялось с помощью прямого вопроса респондентам, было ли у них эмоциональное выгорание

(18% респондентов затруднились ответить, 54% ответили, что было, а у 28% выгорания не было). Валидный процент выгоравших волонтеров — 65,8%, соответственно, 34,2% не испытывали выгорания.

Неявное эмоциональное выгорание измерялось согласно методологии, предложенной К. Маслач и С. Джексон. Исследовательницы разработали научный индикатор выгорания [20], где респонденты оценивали утверждения по двум параметрам: частоте (от 1 до 6) и интенсивности (от 1 до 7). Нулевое значение присваивалось, если респондент указывал, что он никогда не испытывал описанных чувств или отношений.

Полученные данные были подвергнуты факторному анализу с ортогональным (варимаксным) вращением. Были получены следующие факторы эмоционального выгорания: эмоциональное истощение (усталость, разочарование, избыток работы), личные достижения (эффективность решения проблем, влияние на жизнь других людей), деперсонализация (обезличивание, черствость к другим). При этом более высокие средние баллы по субшкалам эмоционального истощения и деперсонализации соответствовали более высоким степеням пережитого выгорания. Более низкие средние баллы по субшкале личных достижений соответствовали более высоким степеням пережитого выгорания.

Эта методология была незначительно изменена в данном исследовании. Респонденты оценивали не суждения, а эмоции (всего 14 — по 7 каждой валентности), с которыми они уже работали ранее. Эмоции также оценивались по двум шкалам: частоте и интенсивности. Показатели оценивались по одинаковым семибалльным шкалам, где 1 — «не испытывал эмоцию, или она не частая/не интенсивная». В модель эксплораторного факторного анализа попали 28 наблюдаемых переменных: 14 для частоты и 14 для интенсивности эмоций. Оценивались следующие эмоции: удовлетворение, грусть, радость, страх, гордость, жалость, усталость, эмпатия, надежда, веселье, ненависть, любовь, стыд, злость, то есть в основном базовые эмоции.

Критерий Кайзера-Мейера-Олкина (критерий КМО) продемонстрировал высокий уровень корреляции, равный 0,799 (есть компактные скопления коррелированных переменных). Данные оказались несферичные, в модели не было выпадающих общностей. По критерию Кайзера в нее попало семь факторов, которые совокупно объясняли 75% информации. Применялось вращение Varimax. Описание факторов эмоционального выгорания представлено в таблице 1.

Таблица 1

Факторы (причины) эмоционального выгорания волонтеров

Фактор	Эмоции	Интерпретация
Переизбыток социально обусловленного негатива	Довольно частая и довольно интенсивная грусть, очень частая и очень интенсивная ненависть, очень частая и очень интенсивная злость, средней интенсивности страх	Причиной эмоционального выгорания является переизбыток негатива, грусть возможна из-за осознания глубины каких-либо общественных проблем, есть чувства ненависти и злости к обществу за сохранение этих проблем, страх за будущие поколения
Активный эвдемонизм без осмысления	Довольно частое и довольно интенсивное удовлетворение, очень частая и очень интенсивная радость, очень частое и очень интенсивное веселье	Частый и сильный переизбыток положительных эмоций поднимает вопрос о том, способны ли волонтеры вообще на серьезность и сочувствие, или же без опоры на эти эмоции они могут быстро выгореть
Любовь и надежда без «подушки безопасности»	Довольно частая и довольно интенсивная эмпатия, очень частая и очень интенсивная надежда, очень частая и очень интенсивная любовь	Очень интенсивные чувства к другим, неблизким людям, надежда на хорошую жизнь для них могут быть подорваны, если нет «подушки безопасности» в виде положительных эмоций: удовлетворения или веселья
Излишняя жалость	Очень частая и очень интенсивная жалость	Жалость без других чувств может оказаться во вред обеим сторонам волонтерского процесса и становится катализатором быстрого выгорания
Стыд за свои действия и боязнь санкций	Довольно частый и довольно интенсивный страх, очень частый и очень интенсивный стыд	Главенствующую роль играет стыд за то, что волонтер делает что-то недостаточно хорошо, отчего он боится, что его лишат статуса волонтера, боится что-то потерять. Эта боязнь и приводит к выгоранию
Усталость от сочувствия	Очень частая и очень интенсивная усталость, довольно частая и довольно интенсивная эмпатия	Compassion fatigue (усталость от сочувствия в социологии эмоций): постоянное сочувствие к другим, смешанное с нестабильностью волонтера, и, как следствие, усталость от эмпатии

Продолжение таблицы 1

Фактор	Эмоции	Интерпретация
Слепая гордость своим волонтерством или организацией	Очень частая и очень интенсивная гордость, средней частоты удовлетворение	Слепое «обожание» своей волонтерской организации, чрезмерная гордость чреватая разочарованием, если произойдет конфликт. Гордость должна также сопровождаться рефлексией действий коллег и координаторов, чтобы волонтерская организация не находилась на одном уровне с «сектой». Если у волонтера это осознание отсутствует, его риски выгореть сильно возрастают

Следующим ключевым эмоциональным индикатором оказался *эмоциональный интеллект*. Исследователям удалось на основе факторного анализа утверждений об эмоциональном интеллекте выделить такие факторы, как «оптимизм/регуляция настроения», «оценка эмоций», «социальные навыки» и «использование эмоций» [21].

В ходе исследования было принято решение опираться на данные факторы и соотнести их с имеющимися порядковыми показателями онлайн-инструментария (*эмоциональный контроль (положительных и отрицательных эмоций)*, *эмоциональный обмен*, *эмоциональные перемены*, *эмоциональность*, *эмоциональное проживание*, *подстраивание под общий фон эмоций других, то есть заражение*), чтобы создать сумматорный показатель *эмоционального интеллекта*.

Данный индикатор соотносится с теоретическим понятием эмоционального труда, разработанным американским социологом Арли Хохшильд. Так, эмоциональный труд четко связывает между собой положительные и отрицательные эмоции (эмоциональные валентности в данной работе), уместные и неуместные эмоции (локус контроля эмоций в организации). Эмоциональный труд — это «управление чувствами для создания публично наблюдаемого лицевого и телесного выражения» [2], в ходе которого определяется уместность эмоций для достижения собственных целей, определенных эмоциональной идеологией.

Таким образом, эмоциональный интеллект — это сумма показателей контроля положительных и отрицательных эмоций (фактор «оптимизм/регуляция настроения», эмоциональный труд), эмоциональности и эмоционального проживания (фактор «оценка эмоций»), эмоциональных обменов и эмоционального подстраивания-заражения

(фактор «социальные навыки»), эмоциональных перемен (фактор «использование эмоций»).

Минимально возможное значение индекса эмоционального интеллекта — 7, максимально возможное — 35. Чем выше балл по шкале, тем выше эмоциональный интеллект волонтера, складывающийся из склонности эффективно контролировать эмоции, обмениваться ими, подстраиваться под их изменения и т. д. Минимальное значение полученного индекса эмоционального интеллекта — 7, максимальное — 28, среднее — 21,01, стандартное отклонение — 2,94. Согласно тесту Колмогорова — Смирнова и на уровне доверительной вероятности 90% распределение индекса эмоционального интеллекта является нормальным.

Высокие значения индекса характеризуют очень высокую эмоциональность, глубокое проживание эмоций (рефлексивное разрешение испытывать те или иные эмоции), большой контроль отрицательных эмоций и частое включение в общий эмоциональный фон других участников волонтерского процесса. Доверительный интервал для среднего: 20,66–21,36.

Далее был классифицирован такой показатель, как *природа эмоций*. Это довольно важный концепт, так как, зная, откуда и каким образом возникают эмоции, мы сможем прогнозировать их развитие. Эмоциональная природа в онлайн-опросе репрезентировалась тремя интервальными (10 баллов) семантическими дифференциалами: 1 (личные, от сердца эмоции) — 10 (эмоции формируют другие люди); 1 (зависят от внутренних факторов самого волонтерства) — 10 (зависят от внешних факторов, не связанных с волонтерством); 1 (стихийные, ситуативные эмоции, в моменте) — 10 (есть стабильный базовый уровень эмоций, который трудно разрушить). Через кластеризацию методом *k*-средних была получена следующая модель эмоциональной природы волонтеров (табл. 2).

Интересно, что среди представителей кластера один валентный индекс значимо выше, чем у респондентов с иной природой эмоций (ANOVA, *p*-value = 0,033). Валентный индекс имеет одну особенность — он про эмоции, а не про процессы, происходящие с ними, а одна из основных гипотез исследования — что волонтеры из разных ниш (с различающейся природой эмоций) априори подвержены получению разных эмоций, и валентный индекс эту дисперсию эмоциональных возможностей учитывает.

В исследовании также были проверены связи индикаторов эмоционального состояния между собой. Среди тех волонтеров, кто испытывал эмоциональное выгорание, среднее значение эмоционального интеллекта выше, чем среди тех, кто выгорания не испытывал

(t-тест для независимых выборок, p-value = 0,015 при принятии гипотезы критерия Ливиня).

Таблица 2

Кластерные центры 3-кластерной модели природы эмоций

Природа эмоций (интервальные шкалы)	Кластеры		
	1 (138 волонтеров)	2 (55 волонтеров)	3 (79 волонтеров)
	Ситуативный индивидуализм внутри границ волонтерства	Стабильный и свободный от границ коллективизм	Стабильный индивидуализм внутри границ волонтерства
1 (личные, от сердца эмоции) — 10 (эмоции формируют другие люди)	4	7	2
1 (эмоции зависят от внутренних факторов самого волонтерства) — 10 (эмоции зависят от внешних факторов, не связанных с волонтерством)	3	5	3
1 (стихийные, ситуативные эмоции, в моменте) — 10 (есть стабильный базовый уровень эмоций, который трудно разрушить)	3	7	7

Это можно объяснить тем, что ситуация выгорания является критическим для волонтера опытом, когда он оказывается в эмоциональной воронке собственных чувств, многие из которых вынужден переосмыслить. Если волонтер выходит из ситуации выгорания, то учится лучше контролировать эмоции. Если до выгорания он, например, мало внимания уделял интеракциям с другими, что привело к тому, что он почувствовал полное одиночество, то теперь усиливает частоту эмоциональных обменов с другими. Поэтому и растет его эмоциональный интеллект по сравнению с теми, кто через эмоциональное выгорание не прошел.

Выявляем также среднюю прямую корреляцию Пирсона между валентным индексом и показателем эмоционального интеллекта. Действительно, чем обширнее спектр испытываемых эмоций, тем важнее и масштабнее становятся процессы, связанные с ними (контроль, обмен), соответственно, увеличивается эмоциональный интеллект.

Далее в статье будут представлены результаты апробации полученных количественных индикаторов. Такие показатели, как валентный индекс, эмоциональное выгорание, природа эмоций и эмоциональный интеллект, будут проиллюстрированы на конкретных примерах деятельности опрошенных волонтеров Москвы (274 человека) из следующих направлений добровольчества: социальное, экологическое, событийное, спортивное, зооволонтерство, волонтерство общественной безопасности. Приведенные выводы будут актуальны как для генеральной совокупности волонтеров Москвы из данных направлений, так и для конкретной выборки в силу подтверждения и опровержения определенных статистических гипотез о связи эмоциональных показателей с тремя типами факторов: с инфраструктурными, социально-демографическими и опытными.

Связь эмоций и инфраструктурных факторов

Инфраструктура волонтерства — совокупность таких характеристик, как направление, форма волонтерства, а также роль (тип помощи) волонтера. Так, среди формальных и неформальных волонтеров не наблюдается различий в уровне эмоционального интеллекта. Мы также не можем сказать, что формальные волонтеры чаще неформальных эмоционально выгорают. Форма волонтерства не влияет на показатель валентного индекса: качество эмоций в организованном и самостоятельном волонтерстве может не различаться. Можно сделать вывод, что нахождение волонтера в конкретной организации для оказания помощи не создает ему преимуществ в эмоциональном поле, так как аналогичные по значимости показатели наблюдаются среди добровольцев, занимающихся волонтерством самостоятельно (вне организации).

Как валентный индекс, так и эмоциональный интеллект различаются среди волонтеров из разных направлений помощи (ANOVA, p -value = 0,036 и 0,000 соответственно). Наибольшие значения валентного индекса встречаются среди зооволонтеров и волонтеров общественной безопасности, наименьшие — среди социальных и событийных волонтеров. Это можно объяснить следующим образом: большие значения валентного индекса означают, что либо человек испытывает очень много положительных эмоций, либо он подвержен самым разным эмоциям (и положительным, и отрицательным). Зооволонтерство и волонтерство общественной безопасности как раз относятся к таким направлениям, помощь в которых сопровождается двойственными эмоциями: жалость и злость из-за происходящего с подопечными, эмпатия и разочарование и т. д.

Эмоциональный интеллект оказывается выше у спортивных волонтеров и зооволонтеров, наименьшие показатели встречаются

у социальных волонтеров и волонтеров общественной безопасности. Это объясняется низкой способностью контроля и отсутствием полного цикла проживания эмоций у представителей последних направлений добровольчества в силу работы с уязвимыми категориями людей, с тяжелыми и даже опасными случаями. Социальные и спортивные волонтеры принадлежат к группам тех волонтеров, у кого в эмоциональной природе есть стабильность эмоций, а событийные — к тем, у кого эмоции стихийны. Исходя из предположения о стабильной эмоциональной природе спортивных волонтеров, можно говорить об их склонности контролировать свои эмоции и разумно обращаться с ними (что свидетельствует о высоком эмоциональном интеллекте).

Если обратить внимание на роль волонтера, то наибольшее значение валентного индекса встречается в группе тех волонтеров, у кого в функционале присутствует управленческий аспект, наименьшее — у тех, кто оказывает только прямую помощь. Менеджеры, отвечающие за взаимодействие с разными волонтерами, имеют возможность получать больше различных эмоций. Волонтеры «первой линии», оказывающие прямую помощь, сталкиваются только со своими конкретными задачами: помощь подопечному, навигация в определенной локации. Тем самым они сужают эмоциональную сторону своего опыта, так как каждый раз он примерно одинаков. При этом роль волонтера не влияет на уровень эмоционального интеллекта.

Если рассмотреть связь инфраструктуры и причин эмоционального выгорания, то будут обнаружены значимые различия. Например, по причине «переизбытка социально обусловленного негатива» чаще выгорают зооволонтеры, реже всего — спортивные волонтеры. Действительно, зооволонтеры часто сталкиваются с несправедливостью, живодерством, подбрасыванием большого количества животных в приюты — с теми факторами, которые и формируют общественно резонирующий негатив, приводящий к эмоциональному выгоранию.

Связь эмоций и социально-демографических факторов

Валентный индекс и эмоциональный интеллект значимо различаются среди волонтеров женского и мужского пола на уровне доверия 90% (t-тест для независимых выборок, p-value = 0,065 и 0,006 соответственно). Так, оба показателя выше среди волонтеров женского пола, то есть они по сравнению с мужчинами склонны в наибольшей степени испытывать эмоции — как положительные, так и отрицательные, а также проживать эмоциональные процессы.

На данные показатели не оказывают влияние семейное положение, уровень религиозности и возраст волонтеров. При этом можно наблюдать, что валентный индекс выше у волонтеров с очень низ-

ким материальным положением, а эмоциональный интеллект выше у волонтеров со средним материальным положением. Это можно объяснить тем, что невысокое и среднее материальное положение, скорее всего, означают отсутствие постоянной работы или наличие непостоянной работы, что, в свою очередь, влияет на время и частоту волонтерства. Эти факторы способны в долгосрочной перспективе расширять спектр испытываемых эмоций и развивать эмоциональный интеллект. Валентный индекс и эмоциональный интеллект выше у тех волонтеров, у кого есть друзья-волонтеры, что может объясняться социально-культурным бэкграундом волонтерской деятельности.

Обнаруживается значимое влияние уровня образования на эмоциональный интеллект: он выше у тех волонтеров, у кого уже есть высшее образование. Это можно объяснить тем, что человек с высшим и послевузовским профессиональным образованием уже получил достаточно социальных навыков, компетенций для работы, чтобы применять их в волонтерстве, благодаря чему лучше контролирует свои эмоции или знает цену эмоциональным обменам, то есть повышает свой эмоциональный интеллект. Данный показатель также заметно ниже у волонтеров родом из сельской местности и выше у тех, кто родился в среднем городе (от 50 тыс. до 500 тыс. жителей).

Если обратиться к концепту эмоционального выгорания, то различия по полу будут наблюдаться (ANOVA) на уровне доверия 90% для таких причин, как «переизбыток социально обусловленного негатива» ($p\text{-value} = 0,032$, более свойствен мужчинам), а также «любовь и надежда без “подушки безопасности”» ($p\text{-value} = 0,000$), «излишняя жалость» ($p\text{-value} = 0,071$), «усталость от сочувствия» ($p\text{-value} = 0,035$), которые более распространены среди волонтеров женского пола, что подтверждает их большую склонность испытывать различные по характеру эмоции.

Связь (невысокая линейная) причин эмоционального выгорания наблюдается и с возрастом: при повышении возраста возможность выгореть по причине наличия постоянной радости и веселья уменьшается, по причине излишней жалости — увеличивается, по причине усталости от сочувствия — уменьшается. При взрослении у волонтеров могут появиться дети, что, по утверждению исследователей, повышает их шансы на такую эмоцию, как жалость. С возрастом развивается большая осознанность, когда человек становится способным рассчитывать свои эмоциональные ресурсы и взвешивать, насколько он эмпатичен и насколько разрешает себе устать от этой эмоции.

Связь эмоций и опытных факторов

Предполагалось, что более частое и более длительное волонтерство характерно для волонтеров с более стабильной и не только личной

эмоциональной природой, однако подобных различий между группами волонтеров не было обнаружено. Можно предположить, что волонтерство действительно является уникальным социальным действием с точки зрения альтруистической мотивации и происхождения в системе отношений «человек — человек», из-за чего эмоции у волонтеров появляются (но не развиваются) без привязки к временным континуумам длительности и частоты опыта добровольчества, а с учетом других ранее рассмотренных факторов.

При реализации процедуры однофакторного дисперсионного анализа обнаружилось, что длительность опыта волонтерства связана с эмоциональным интеллектом и валентным индексом на уровне доверия 90% (p -value = 0,053 и 0,013 соответственно). Оба показателя значимо выше у тех волонтеров, кто занимается добровольчеством более двух лет. Предполагается, что с таким стажем волонтер успевает пройти больше эмоциональных стадий и пережить совокупность сопровождающих их процессов. Аналогичный вывод делается о связи индикаторов с частотой опыта: те волонтеры, которые занимаются добровольчеством от трех раз в неделю, обладают более высокими эмоциональным интеллектом и валентным индексом (то есть имеют более выраженную способность к развитию эмоциональности и сопровождающих ее процессов). Также возможна следующая интерпретация: индивиды, изначально имеющие высокий эмоциональный интеллект, выражают готовность дольше и чаще заниматься добровольчеством, проходя тем самым «психологическую проверку» на прочность.

Обсуждение и заключение

Волонтерство можно считать социальным действием, в котором конструируются и развиваются эмоции. Эмоции как социально-психологические конструкторы, выраженные в реакциях и ответах на действия индивидов и события социальной реальности, концептуализируются на разных уровнях (положительные и отрицательные, личные и формируемые другими людьми, стабильные и ситуативные). Более того, они амбивалентны — например, иногда негативные эмоции чаще позитивных могут оказывать влияние на начало добровольческой деятельности индивида.

Волонтерство подвержено турбулентностям — моральным и психологическим дилеммам, которые опосредуются эмоциями. Например, из-за большой открытости неформальных объединений волонтером может стать кто угодно, но из-за неподготовленности он может быстро разочароваться и уйти.

С учетом этих социальных фактов, а также рассмотрев эмоциональную составляющую волонтерской деятельности с методоло-

гической точки зрения и с использованием социологических, психологических и организационных подходов, мы пришли к выводу о существовании таких показателей, как эмоциональная валентность, эмоциональное выгорание, природа эмоций и эмоциональный интеллект.

Эмоциональная валентность представляет собой количественный индикатор, сочетающий тип и количество эмоций (положительных и отрицательных) с оценкой их значимости в опыте волонтеров (то есть с весом). Эмоциональное выгорание представлено в виде факторов, полученных путем факторизации эмоций по их частоте и интенсивности. Среди обнаруженных факторов (причин) выгорания: «переизбыток социально обусловленного негатива», «активный эвдемонизм без осмысления», «любовь и надежда без “подушки безопасности”», «излишняя жалость», «стыд за свои действия и боязнь санкций», «усталость от сочувствия», «слепая гордость своим волонтерством или организацией».

Природа эмоций представлена в виде кластеров, построенных на семантических дифференциалах типов эмоций (личные — формируемые другими людьми, ситуативные — стабильные, внутренние — внешние). К формам природы эмоций относятся «ситуативный индивидуализм внутри границ волонтерства», «стабильный и свободный от границ коллективизм», «стабильный индивидуализм внутри границ волонтерства». Эмоциональный интеллект измеряется как сумматорный показатель пятибалльных шкал контроля положительных и отрицательных эмоций (эмоционального труда), эмоциональности и эмоционального проживания, эмоциональных обменов и эмоционального подстраивания-заражения, эмоциональных перемен. В ходе исследования были выделены инфраструктурные, опытные и социально-демографические факторы, влияющие на данные показатели.

Так, к инфраструктуре волонтерства были отнесены направление, форма волонтерства и роль добровольца. В результате апробации полученных метрик определено, что форма волонтерства не оказывает влияния на эмоциональные индикаторы. Наибольшие значения валентного индекса по направлению волонтерства встречаются среди зооволонтеров и волонтеров общественной безопасности, наименьшие — среди социальных и событийных волонтеров. Эмоциональный интеллект оказывается выше у спортивных волонтеров и зооволонтеров, ниже — у социальных волонтеров и волонтеров общественной безопасности, а наибольшее значение валентного индекса встречается в группе тех волонтеров, у которых в функционале присутствует управленческий аспект.

Среди волонтеров женского пола, а также тех, кто занимается добровольчеством более двух лет и с частотой более трех раз в неделю, показатели как эмоционального интеллекта, так и валентного индекса выше. При повышении возраста возможность выгореть по причине наличия постоянной радости и веселья уменьшается, по причине излишней жалости — увеличивается, по причине усталости от сочувствия — уменьшается.

Данные результаты можно считать достоверными для генеральной совокупности волонтеров Москвы перечисленных направлений благодаря подтверждению статистических гипотез. Таким образом, в отношении данных содержательных выводов полученные метрики демонстрируют эффективность и методологическую целостность. Однако остаются выводы, которые применимы только для исследуемой выборки, что является ограничением исследования и указывает на необходимость развития полученных методик. Данные индикаторы обладают свойством методологической новизны, однако требуют дальнейшей апробации на больших выборках и в другие периоды времени. Поскольку данный опрос проводился в начале 2021 г., когда волонтерское сообщество еще находилось под влиянием эпидемиологических ограничений, его результаты могут иметь смещенные оценки. Тем не менее применение таких метрик представляет большой потенциал для анализа микроуровневых характеристик волонтеров, для развития социологии эмоций в целом и темы эмоций в помогающих сферах в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беневоленский В.Б. и др.* Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. — 69 с. EDN: XMMXFN
2. *Вандышева Л.В.* Эмоциональный труд волонтеров: анализ опыта реализации // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9. С. 838–842. EDN: SKFJDT
3. *Горбулева М.С.* Добровольчество: генезис и мотивы // *Вестник ТГПУ*. 2015. Т. 5. № 158. С. 140–146. EDN: TVSXKN
4. *Мерсиянова И.В.* Участие россиян в волонтерской деятельности. М.: Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, 2019. — 36 с.
5. *Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И.* Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 170 с. EDN: ТНКЕФА
6. Мониторинг состояния гражданского общества (четырнадцатая волна) // Портал НИУ ВШЭ. 2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 16.09.2022. URL: <https://www.hse.ru/org/projects/275854240>

7. *Певная М.В.* Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 1. № 135. С. 145–151.
8. *Barraza J.A.* Positive emotional expectations predict volunteer outcomes for new volunteers // *Motivation and Emotion*. 2011. Vol. 35. No. 2. P. 211–219. DOI: 10.1007/s11031-011-9210-4 EDN: BHZGPL
9. *Baugher E., Chenher J.E.* Pathways Through Grief to Hospice Volunteering // *Qualitative Sociology*. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 305–326. DOI: 10.1007/s11133-015-9307-2
10. *Davis M.H., Hall J.A., Meyer M.* The First Year: Influences on the Satisfaction, Involvement, and Persistence of New Community Volunteers // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. No. 2. P. 248–260. DOI: 10.1177/0146167202239050 EDN: JPBCCP
11. *DiEnno C.M., Thompson J.L.* For the love of the land: How emotions motivate volunteerism in ecological restoration // *Emotion, Space and Society*. 2013. Vol. 6. P. 63–72. DOI: 10.1016/j.emospa.2012.02.002
12. *Domagalski T.A.* Emotion in Organizations: Main Currents // *Human Relations*. 1999. Vol. 52. No. 6. P. 833–852. DOI: 10.1177/001872679905200607 EDN: INTMTU
13. *Gellweiler S., Fletcher T., Wise N.* Exploring experiences and emotions sport event volunteers associate with ‘role exit’ // *International Review for the Sociology of Sport*. 2019. Vol. 54. No. 4. P. 495–511. DOI: 10.1177/1012690217732533
14. *Hustinx L., Haski-Leventhal D., Handy F.* One of a Kind? Comparing Episodic and Regular Volunteers at the Philadelphia Ronald McDonald House // *The International Journal of Volunteer Administration*. 2008. Vol. 25. No. 3. P. 50–66.
15. *Ingen E., Wilson J.* I Volunteer, Therefore I am? Factors Affecting Volunteer Role Identity // *Non-profit and Voluntary Sector Quarterly*. 2017. Vol. 46. No. 1. P. 29–46. DOI: 10.1177/0899764016659765
16. *Jiménez M.L.V., Fuertes F.P.* Positive Emotions in Volunteerism // *The Spanish Journal of Psychology*. 2005. Vol. 8. No. 1. P. 30–35. DOI: 10.1017/S1138741600004935
17. *Karakayali S.* Feeling the Scope of Solidarity: The Role of Emotions for Volunteers Supporting Refugees in Germany // *Social Inclusion*. 2017. Vol. 5. No. 3. P. 7–16. DOI: 10.17645/si.v5i3.1008
18. *Maestri G., Monforte P.* Who Deserves Compassion? The Moral and Emotional Dilemmas of Volunteering in the ‘Refugee Crisis’ // *Sociology*. 2020. Vol. 54. No. 5. P. 920–935. DOI: 10.1177/0038038520928199
19. *Maitlis S., Vogus T.J., Lawrence T.B.* Sensemaking and emotion in organizations // *Organizational Psychology Review*. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 222–247. DOI: 10.1177/2041386613489062
20. *Maslach C., Jackson S.E.* The measurement of experienced burnout // *Journal of Organizational Behaviour*. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 99–113. DOI: 10.1002/job.4030020205

21. *Nawi N.H., Ahmad P.H.M.* Emotional Intelligence and Religious Orientation among Volunteers and Non-Volunteers in Malaysia // *Asian Social Work Journal*. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 1–12. DOI: 10.47405/aswj.v3i1.24
22. *Pardess E., et al.* Dispositional attachment orientations, contextual variations in attachment security, and compassion fatigue among volunteers working with traumatized individuals // *Journal of Personality*. 2014. Vol. 82. No. 5. P. 355–366. DOI: 10.1111/jopy.12060
23. *Slocum-Gori S., et al.* Understanding compassion satisfaction, compassion fatigue and burnout: A survey of the hospice palliative care workforce // *Palliative Medicine*. 2013. Vol. 27. No. 2. P. 172–178. DOI: 10.1177/0269216311431311
24. *Smith D.H.* Altruism, volunteers, and volunteerism // *Journal of Voluntary Action Research*. 1981. Vol. 10. No. 1. P. 21–36. DOI: 10.1177/089976408101000105 EDN: JONRVZ
25. *Thoits P.A.* The Sociology of Emotions // *Annual Review of Sociology*. 1989. No. 15. P. 317–342. DOI: 10.1146/annurev.so.15.080189.001533 EDN: HFCWPX
26. *Thomas E.F., Rathmann L., McGarty P.* From “I” to “We”: Different forms of identity, emotion, and belief predict victim support volunteerism among nominal and active supporters // *Journal of Applied Social Psychology*. 2017. Vol. 47. No. 4. P. 213–223. DOI: 10.1111/jasp.12428
27. *Wilson J.* Volunteering // *Annual Review of Sociology*. 2000. No. 26. P. 215–240. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215 EDN: HEYVET

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартыненко Анна Борисовна — заместитель директора, Центр лидерства и волонтерства; аналитик, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора; преподаватель, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (951) 567-51-77. **Электронная почта:** amartynenko@hse.ru

Дата поступления: 10.03.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 4. P. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.1

Research Article

ANNA B. MARTYENKO¹

¹HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

DEVELOPING AND TESTING TOOLS FOR MEASURING THE EMOTIONAL DIMENSION OF VOLUNTEERING

Abstract. Volunteering is an essential part of society. It is considered to be a complex phenomenon which is potentially associated with emotional dilemmas. Emotions of volunteers are crucial for their activity. However, their scientific investigation is lacking,

especially when it comes to the methodological aspect. This article presents the results of the methodological development of quantitative indicators of the emotional dimension of volunteering. Using the example of an online survey of 274 social, environmental, event, sports, animal welfare and public safety volunteers, the obtained indicators are tested by searching for a connection with the factors of volunteers' emotions. As part of our methodology, we have developed new emotional indicators of volunteer activity. Based on the results of the study, we proposed such indicators as valence index, emotional burnout, emotional nature and emotional intelligence. The valence index considers two types (two valences) of volunteers' emotions — positive and negative. Emotional burnout is expressed as a factor analysis model — the causes of burnout. Emotional intelligence is presented as a summary indicator of emotional processes — for instance, exchange, control, etc. The nature of emotions is represented by interval semantic differentials when building a cluster analysis model. By testing the obtained methods, it turns out that formal and informal volunteers have equally high emotional intelligence and are equally susceptible to burnout. The lowest values of the valence index are found among event volunteers, the highest — among public safety volunteers. With age, the chances of burning out decrease with the presence of constant joy and fun, increase due to excessive pity, and decrease due to compassion fatigue. Compared to men, women are more prone to experiencing emotions: both positive and negative, that is, they have a higher valence index and emotional intelligence.

Keywords: measurement of emotions; quantitative indicators; volunteering; emotions; emotional intelligence; emotional burnout; emotional valence; emotional nature; sociology of emotions.

For citation: Martynenko, A.B. Developing and Testing Tools for Measuring the Emotional Dimension of Volunteering. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.1

Acknowledgement: The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

REFERENCES

1. Benevolensky V.B., et al. *Volunteering and charity in Russia and the tasks of national development*. Moscow: Izd. dom VShE publ., 2019. 69 p. (In Russ.)
2. Vandysheva L.V. Emotional labor of volunteers: analysis of the experience of implementation. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2014. No. 9. P. 838–842. (In Russ.)
3. Gorbuleva M.S. Volunteerism: genesis and motives. *Vestnik TGPU*. 2015. Vol. 5. No. 158. P. 140–146. (In Russ.)
4. Mersiyanova I.V. *Participation of Russians in volunteer activities*. Moscow: Tsentr issledovaniy grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora publ., 2019. 36 p. (In Russ.)
5. Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. *Non-governmental non-profit organizations: institutional environment and efficiency of activity*. Moscow: Izd. dom VShE publ., 2007. 170 p. (In Russ.)
6. Monitoring the state of civil society (the fourteenth wave). *Vysshaya shkola ekonomiki* — 2019. Accessed 16.09.2022. URL: <https://www.hse.ru/org/projects/275854240> (In Russ.)
7. Pevnaya M.V. Russian volunteers of the third sector: characteristics of community and managerial perspectives. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2015. Vol. 1. No. 35. P. 145–151. (In Russ.)

8. Barraza J.A. Positive emotional expectations predict volunteer outcomes for new volunteers. *Motivation and Emotion*. 2011. Vol. 5. No. 2. P. 211–219. DOI: 10.1007/s11031-011-9210-4
9. Baugher E., Chenher J.E. Pathways Through Grief to Hospice Volunteering. *Qualitative Sociology*. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 305–326. DOI: 10.1007/s11133-015-9307-2
10. Davis M.H., Hall J.A., Meyer M. The First Year: Influences on the Satisfaction, Involvement, and Persistence of New Community Volunteers. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. No. 2. P. 248–260. DOI: 10.1177/0146167202239050
11. DiEnno C.M., Thompson J.L. For the love of the land: How emotions motivate volunteerism in ecological restoration. *Emotion, Space and Society*. 2013. Vol. 6. P. 63–72. DOI: 10.1016/j.emospa.2012.02.002
12. Domagalski T.A. Emotion in Organizations: Main Currents. *Human Relations*. 1999. Vol. 52. No. 6. P. 833–852. DOI: 10.1177/001872679905200607
13. Gellweiler S., Fletcher T., Wise N. Exploring experiences and emotions sport event volunteers associate with ‘role exit’. *International Review for the Sociology of Sport*. 2019. Vol. 54. No. 4. P. 495–511. DOI: 10.1177/1012690217732533
14. Hustinx L., Haski-Leventhal D., Handy F. One of a Kind? Comparing Episodic and Regular Volunteers at the Philadelphia Ronald McDonald House. *The International Journal of Volunteer Administration*. 2008. Vol. 25. No. 3. P. 50–66.
15. Ingen E., Wilson J. I Volunteer, Therefore I am? Factors Affecting Volunteer Role Identity. *Non-profit and Voluntary Sector Quarterly*. 2017. Vol. 46. No. 1. P. 29–46. DOI: 10.1177/0899764016659765
16. Jiménez M.L.V., Fuertes F.P. Positive Emotions in Volunteerism. *The Spanish Journal of Psychology*. 2005. Vol. 8. No. 1. P. 30–35. DOI: 10.1017/S1138741600004935
17. Karakayali S. Feeling the Scope of Solidarity: The Role of Emotions for Volunteers Supporting Refugees in Germany. *Social Inclusion*. 2017. Vol. 5. No. 3. P. 7–16. DOI: 10.17645/si.v5i3.1008
18. Maestri G., Monforte P. Who Deserves Compassion? The Moral and Emotional Dilemmas of Volunteering in the ‘Refugee Crisis’. *Sociology*. 2020. Vol. 54. No. 5. P. 920–935. DOI: 10.1177/0038038520928199
19. Maitlis S., Vogus T.J., Lawrence T.B. Sensemaking and emotion in organizations. *Organizational Psychology Review*. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 222–247. DOI: 10.1177/2041386613489062
20. Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout. *Journal of Organizational Behaviour*. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 99–113. DOI: 10.1002/job.4030020205
21. Nawi N.H., Ahmad P.H.M. Emotional Intelligence and Religious Orientation among Volunteers and Non-Volunteers in Malaysia. *Asian Social Work Journal*. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 1–12. DOI: 10.47405/aswj.v3i1.24
22. Pardess E., et al. Dispositional attachment orientations, contextual variations in attachment security, and compassion fatigue among volunteers working with traumatized individuals. *Journal of Personality*. 2014. Vol. 82. No. 5. P. 355–366. DOI: 10.1111/jopy.12060
23. Slocum-Gori S., et al. Understanding compassion satisfaction, compassion fatigue and burnout: A survey of the hospice palliative care workforce. *Palliative Medicine*. 2013. Vol. 27. No. 2. P. 172–178. DOI: 10.1177/0269216311431311
24. Smith D.H. Altruism, volunteers, and volunteerism. *Journal of Voluntary Action Research*. 1981. Vol. 10. No. 1. P. 21–36. DOI: 10.1177/089976408101000105
25. Thoits P.A. The Sociology of Emotions. *Annual Review of Sociology*. 1989. No. 15. P. 317–342. DOI: 10.1146/annurev.so.15.080189.001533

26. Thomas E.F., Rathmann L., McGarty P. From “I” to “We”: Different forms of identity, emotion, and belief predict victim support volunteerism among nominal and active supporters. *Journal of Applied Social Psychology*. 2017. Vol. 47. No. 4. P. 213–223. DOI: 10.1111/jasp.12428
27. Wilson J. Volunteering. *Annual Review of Sociology*. 2000. No. 26. P. 215–240. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna B. Martynenko — Deputy Director, Center for Leadership and Volunteering; Analyst, Center for Civil Society and Non-Profit Sector Studies; Lecturer, Department of Sociology, HSE University.

Phone: +7 (951) 567-51-77. **Email:** amartynenko@hse.ru

Received: 10.03.2023.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.2

EDN: GNOOWE

И.Л. СИЗОВА¹, Н.С. ОРЛОВА¹, Е.Д. ЕЛАГИНА¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет.
191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹

Аннотация. В статье на базе социологической литературы исследуется феномен компетентности работников в современных условиях. В первой части статьи мы попытались сформулировать социологическую концепцию неопределенности и проследить ее эволюцию в зависимости от стадий общественного развития. Неопределенность постиндустриального времени трактуется как комплексность процессов и явлений, предполагающих большую автономию жизни, чувствительность к нефиксированной окружающей среде и множество открывающихся альтернатив решений и действий. В этих условиях появляются высочайшие возможности для раскрытия творческого потенциала людей, но одновременно возрастают неуверенность и тревожность, социальная изолированность и неравенство. Во второй части статьи в контексте текущей социально-экономической неопределенности исследуется феномен компетентности современных работников. Хотя компетентность создавалась на базе индустриальной модели профессиональной подготовки работников, в настоящее время она переживает новый эволюционный сдвиг. В условиях обновления капитализма компетентность индивидуализируется, связывается с багажом культурного капитала, чертами личности и биографией, формируется как уникальная, обладающая внутренней комплексностью и подвижностью. Новая компетентность приветствуется там, где критериями являются высокая квалификация и современные знания, развиваются наиболее передовые и культурно-креативные отрасли экономики, пространства и формы трудовой деятельности. Для неидеальных работников компетентность отражает рациональную стратегию ситуативного приспособления своих навыков и умений к текущим требованиям рынка труда. В этом же на-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00011.

правлении развиваются новые образовательные и политические инициативы, предполагающие воспроизводство «способности к занятости» среди основной массы трудящихся. Одновременно рынки труда и организации начинают функционировать по принципу «машин для воспроизводства неравенства». Несмотря на то что вокруг современной компетентности складывается целая индустрия посредников, ее достижение оказывается трудной задачей для общества.

Ключевые слова: неопределенность; контингентность; страхи; культурный капитализм; профессионализм; компетентность; профиль работника; рекрутмент.

Для цитирования: Сизова И.Л., Орлова Н.С., Елагина Е.Д. Компетентность работников в условиях социально-экономической неопределенности // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 31–55. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.2 EDN: GNOOWE

Введение

Фундаментальные вызовы и риски современности повсеместно заставляют обращаться к теме устойчивого развития. Данный дискурс характерен для политической повестки, общественной практики и социальных наук. Социологи часто прибегают к концепции «текущей современности» З. Баумана [1], чтобы обозначить ключевые проблемы постиндустриального общества, или пользуются исключительно технической терминологией в оценке действительности (кризис, трансформация, турбулентность и проч.). Однако глобальные процессы и события, происходящие в мире начиная с 2008 г., стимулируют дальнейшие размышления о природе перемен. В последнее время в международном поле социальных наук интенсивно используется категория «неопределенность», вокруг которой складываются новые версии и интерпретации реальности.

В данной статье мы попытались систематизировать социологический дискурс о текущей неопределенности и представить авторский взгляд на то, как она воздействует на социально-трудовую сферу общества. В частности, мы сконцентрировались на изучении одного из центральных феноменов современности — компетентности работников. Отметим некоторые особенности авторской логики и ключевые ограничения нашего исследования. Плохо фиксируемый во времени контекст неопределенности трактуется в статье исключительно в русле признанных классических и современных социологических концепций и идей. Трансформация социально-трудовой сферы, как и феномен компетентности, рассматриваются с учетом конкретно-исторических условий и затрагивают специфику современного состояния этой сферы в России и в ряде наиболее развитых стран. Несмотря на то что многие аспекты, упоминаемые в статье, глубоко и подробно изучены и отражены в российской и зарубежной литературе, жанр нашей статьи

не должен восприниматься как обзор научных публикаций, поскольку мы надеялись прежде всего обобщить это развитие. Используя наиболее общие теоретические работы и концепции, мы стремились выяснить фундаментальные условия трансформации социально-трудовой сферы и, в частности, наиболее близкого нам в исследовательской области феномена компетентности работников. При этом немногочисленное цитирование русскоязычной литературы не говорит о ее нехватке или незначимости. Мы учитывали плодотворно изучаемую коллегами-экономистами (Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон, С.Ю. Рошин и др.) специфику российского рынка труда и занятости, а также выводы российских социологов, исследующих различные аспекты социально-трудовой сферы (Ж.Т. Тощенко, С.Г. Климова, Р.И. Анисимов, Т.В. Гаврилюк, В.Ю. Бочаров и др.), но в рамках поставленных задач не ссылались на частные аспекты в этой обширной области исследования.

Обозначим новизну нашего подхода в изучении заявленной темы:

1) социологическая интерпретация концепта неопределенности; 2) анализ компетентности работников, действующих в условиях социально-экономической неопределенности; 3) авторская трактовка тенденции замещения профессионализма компетентностью в современной экономике; 4) характеристика содержательных аспектов компетентности и социальных последствий, которые она привносит на рынок труда и в занятость населения.

Статья состоит из четырех разделов. Вначале представлены эволюция и современные черты неопределенности (раздел 1); затем характеризуются общие особенности и основания современного состояния экономики и ее социально-трудовой сферы (раздел 2); далее анализируется развитие компетентности работников во взаимосвязи с идеей профессионализма индустриального времени (раздел 3). В четвертом разделе описываются наиболее существенные последствия, среди которых выделяются проблемы роста нового неравенства на рынке труда и сложности в оценке человеческого капитала, а также противоречивое поведение трудящихся. Все разделы дополнены авторскими размышлениями на тему развития негативных явлений в мире труда, спровоцированных текущими переменами.

Социологическая интерпретация неопределенности

Традиционно в социологии социальные феномены рассматриваются как контекстуально зависящие от стадии общественного развития. Это касается как опасностей, сопровождающих человеческую жизнь, так и стратегий их преодоления: они всецело определяются этапами общественной эволюции. Если в традиционном обществе управление рисками было сильно ограниченным, то в индустриальном мире XX в. все проблемы рассматривались с точки зрения

их причинно-следственного характера. Стабильность/безопасность на этом основании признавалась базовой человеческой потребностью и, соответственно, желаемой целью общественного развития [52, S. 17–36]. Возрастающая рациональность эпохи отобразилась в социологической теории. Если в концепциях аномии и социального контроля Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и Р. Мертона неопределенность толковалась еще только как негативный контекст [7], то У. Бек в конце этого периода сформулировал идею, согласно которой общественные проблемы являлись следствием неправильного расчета рисков либо отсутствия необходимых предупредительных действий [2]. Таким образом, в индустриальную эпоху сформировалась непоколебимая уверенность в поступательном развитии и сложилась универсальная социальная логика жизни, при которой стабильность наступала при обязательном соблюдении общих правил [18, с. 306]. Одновременно социальная структура приобрела пирамидальный облик, а все общественные силы направлялись на решение функциональных задач и на заботу о поддержании статуса [46, S. 69].

Во второй половине XX в. в социологической теории постепенно происходит отказ от объяснений происходящего при помощи правил каузальности. Н. Луман описывал «контингентную» реальность, характеризуя тем самым любое состояние или процесс как содержащие множество возможных альтернатив [9, с. 151–193]. Хотя социальное развитие им все еще мыслилось как (слабо) детерминированное (а функциональная логика анализа к тому же доминировала в его собственной теории общества), сам выбор или основы для принятия решений уже не рассматривались как очевидные, а прогнозы — как надежные и достижимые. Одновременно в его концепции контингентности ослабевает негативная интерпретация неопределенности. Скорее, она рассматривается в нефиксированной социальной системе как состояние, требующее внимания к наличию ряда эквивалентных действий. Или, иначе, устойчивое развитие невозможно без постоянных адаптационных усилий и безусловного простора для творчества (выявления наилучших возможностей), что само по себе переопределяет контингентность в позитивном эмансипаторском смысле [9, с. 153]. Помимо этого, в концепции заметно изменение логики построения общества: место иерархического принципа (хотя социальная стратификация все еще сохраняет свое значение) занимает дифференциация функциональных сфер, которая вносит еще более заметное напряжение (неопределенность), поскольку между сферами отсутствуют упорядочивающие универсалии (общие нормы и ценности). В целом в вопросе о толковании стабилизации общественного развития теория Н. Лумана стоит в ряду тех диагнозов современности, в которых полностью отрицаются какие-либо возможности предвидения и воздействия. Так, с каждым разом становится все сложнее дать

определение комплексной реальности и выстроить свободную от недостатков общую стратегию управления [38]. Неопределенность в форме контингентности все больше сопрягается с живой (и текущей) событийностью, внутри которой все вовлеченные фигуры руководствуются исключительно внутренними побуждениями и сконструированными смыслами «своего» мира [7, с. 387–388]. В контингентном мире вместо общности, планирования и контроля на первый план выходят автономия, чувствительность (по отношению к окружению), эволюция (альтернативные варианты развития) и динамика (непостоянство, незафиксированность среды) [9].

По сравнению с теорией контингентности современный постиндустриальный мир характеризуется не одной, а множеством неопределенностей, которые трудно упорядочить даже в категориях отдельных сфер: технологической, экономической, политической, военной, социальной или культурной. Неопределенности проявляются в противоречивых структурах, множественных конфликтах и асимметричном развитии [42, S. 8–19]. Это говорит о том, что, хотя современный мир продолжает стремительно дифференцироваться, сами принципы уже не являются функциональными. В новых исследованиях подчеркивается движение к сингулярности (уникальности), при котором пространства/сферы и объекты/субъекты стремятся к непосредственной собственной ценности (сакральности), из-за чего они не могут быть заменены на другие — эквивалентные им — образцы. Любые единицы (будь то институт, организация, город, время или человек), обладая внутренней комплексностью и уникальностью, дифференцируют мир и сами выступают центрами притяжения [14, с. 41, 43]. Следующей отличительной чертой является скорее эволюционное производство сингулярностей (то есть более зависимое от выбора и условий внешней среды), чем рациональное (то есть связанное с функциональным назначением или полезностью). То, что становится (и признается) уникальным, противостоит типизации и сведению к выполнению функциональной роли. Вместе с тем сингулярное оказывается и под чужим воздействием, поскольку оно не фиксировано: вещи и субъекты постоянно трансформируются и социально конструируются. На этом основании они часто также являются конфликтными [14, с. 48–55].

Развитие «общества сингулярностей» уже достигло значительного масштаба в современности. Ему постоянно сопутствует интенсивная аффектированность (чувствительность, эмоциональность, множественные ощущения, переживания и проч.). Сопровождающие эмоции крайне субъективны и не всегда внешне позитивно оцениваются [46, S. 63–69]. Мир сингулярностей видит свою опору в реальных или потенциальных реакциях со стороны (публики), но также достижение аффектов (индивидуально или сообща) может превращаться в самоцель, поскольку они способны «дарить» разные эмоции (в том

числе чувство защищенности), оставаясь при этом непредсказуемым и рискованным процессом [14, с. 56–58, 67]. В целом современность в социологии характеризуется двойственно. Ее важной частью все еще остается радикализованная рациональность и решение функциональных задач в области производства и накопления. Вместе с тем нарастают процессы сингуляризации, которые безусловны и дистанцированы от необходимости. Если функциональная дифференциация и рационализация социального в большей степени соответствуют общественной реакции на проблему нехватки ресурсов и порядка, то сингуляризация распространяется на зону осмысленной жизни и мотивации и применяется там, где элементарные потребности в целом удовлетворены или близки к тому [14, с. 68–69]. В тех местах, где произошло масштабное расширение потребления, культурные процессы все больше привязываются не к государству/политике, а к экономике. Возникает феномен «гиперкультуры» [14, с. 86, 182], при котором все товары сориентированы на самореализацию прежде всего центральной социальной группы — лиц с высшим образованием (обладающих наибольшим культурным капиталом), а главные ориентиры потребления и стандарты жизни сместились в сторону обладания особенным.

В отношении к человеческому сингулярность можно рассматривать как поиск уникального и аутентичного опыта или в контексте роста мотива успешной самореализации, результат которой позволяет удовлетворить представления о самом себе и обеспечить чувство эмоциональной насыщенности жизни. В нисходящей траектории итогом выступают состояния забвения и обесценивания, способные образовать массовый феномен. С этой точки зрения, общество снова стремится к поляризации и радикальной асимметрии (успешности и неуспешности товаров, трудящихся, образов жизни, социальных пространств, политики) [14, с. 87]. Доминирующая мораль успешной самореализации [19, с. 382–388] приводит к тому, что вместо прошлой стабильности (функционального) выбора уже даже в пределах одного поколения разворачиваются многочисленные и доступные возможности. Они заставляют индивидуумов сомневаться в полноте и правильности сделанного выбора. В своеобразных условиях особенного и уникального повышается значение культуры инстинкта, в которой основная ставка делается на риск, случай или авантюру [11, с. 281]. Поскольку любые типы реакций не ведут к ясному прогнозу (возможного результата), на первый план выходит поисковое поведение, но также задействуются креативность и эксперимент [24, S. 12, 19]. На этом основании К. Лэш [10] и Х. Роза [43] характеризуют атмосферу современной цивилизации как наполненную отчуждением, анонимностью, страхами и неуверенностью, из-за чего индивидуумы вынуждены тратить все свои силы на овладение искусством социального выживания.

Природа современных социальных страхов также сильно отличается от эпохи индустриального мира. Согласно концепции М. Фуко [20, с. 56–57], страхи включались в повседневные реакции людей и играли дисциплинирующую роль. Страхи должны были побудить хотя бы задуматься о том, как исправить негативную ситуацию. Они связывались с планированием будущего и направлялись на согласование поведения с общественными нормами и правилами [22]. В настоящее время эти страхи подавлены, но одновременно сами страхи превращаются в тему, которая волнует всех [26, S. 10]. Во-первых, они используются и даже насаждаются там, где это приносит выгоду (например, бизнесом, рекламой, политиками, СМИ для привлечения внимания) [6, с. 22]. Во-вторых, распространяется новый тип страхов, связанных с ростом неуверенности из-за опасности совершить фатальную ошибку в условиях множественного выбора (не тот университет, неподходящие работа, партнер и проч.) в обществе, где вместо гарантий защиты распространяются угрозы исключения. Таким образом, современное «общество страха» отличается высокой тревожностью с подавленным гневом и тихой обидой. Новые страхи сразу заполняют вакуум, если случаются непонятные сбои или воздействия (пандемия, санкции, военное противостояние). Такие тревоги не социализируются, они остаются уделом каждого в отдельности [26, S. 10], а мир, заселенный тревожными и неуверенными субъектами, не способен адекватно определять происходящее и структурировать пространство будущего [30]. Общество оказывается плохо подготовленным к новым шокам еще и потому, что длительное стабильное существование сделало любые сценарии катастроф почти нереальными [48, S. 28]. Однако события XXI в. показали обратное. В результате тревожность сопрягается еще и с глубоким кризисом доверия и ростом неудовлетворенности. В последнее время всеобщее разочарование особенно заметно в нарративе (либерального) общественного прогресса, предложенного «коллективным Западом» после 1990 г. [42]. В целом новая неопределенность с присущей ей стремительной дифференциацией и автономией, поляризацией и изоляцией, немотивированными страхами и избыточной аффектированностью, снабженная интенсивной культурацией жизненных смыслов, делает действительность все более необозримой и неустойчивой — в ней преобладают негативные тенденции и состояние дискомфорта [37].

Экономика и рынок труда в условиях неопределенности

Выделенные черты неопределенности играют важную роль в анализе когнитивных, сетевых и культурных черт современного капитализма. Его обновление особенно ярко проявляется в передовых сферах деятельности: высокотехнологичных отраслях (например, электроника, аэрокосмическая промышленность, биотехнологии,

производство аппаратного и программного обеспечения); в сильном секторе бизнеса, включая правовые и финансовые услуги; в творческой работе, в которой доминируют эстетика и символика (мода, архитектура, дизайн). Ядро экономики также формируют креативные отрасли и цифровизация, создающие основания для развития «культурного капитализма» [15], направленного прежде всего на удовлетворение этических, эстетических, игровых и иных потребностей.

На этом фоне происходит трансформация человеческого капитала и трудовой системы общества. В частности, растет число рабочих мест и представителей новых профессий, связанных с культурно-креативной экономикой, размещенных, как правило, в крупных городах и на привлекательных территориях. В менее развитых пространствах, напротив, преобладает занятость в сфере низкоквалифицированных услуг [47]. Цифровая экономика стимулирует разделение труда на высококогнитивный, с одной стороны, и рутинный — с другой [48, S. 11, 18]. В этой системе неизбежно возрастает неравенство между группами трудящихся. Одни работники характеризуются высокой квалификацией, ценными навыками и креативностью, их труд хорошо оплачивается. Другие вовлечены в сферу предоставления услуг, где не требуются знания и заработная плата невысока. В целом современная социально-экономическая ситуация амбивалентно влияет на труд: в группе высококвалифицированных креативных работников положение исключительно благоприятное, однако общие тенденции иные. Как показало изучение восьми ведущих рынков мира (США, Великобритания, Франция, Германия, Австралия, Новая Зеландия, Япония и Индия), снижается производительность труда, ухудшается трудовая культура, исчезают инновации [32].

Изменения в социально-экономической системе затронули и рынок труда. Его задачей сегодня является не только регулирование количества людей, которые могут получить работу. Новая цель заключается в определении того, кто, какую работу и в каких условиях может получить [23, S. 2]. Точно так же, как и в обществе в целом, рынки труда все чаще рассматриваются как «машины по производству неравенства». Помимо рисков безработицы, соискатели вынуждены конкурировать в условиях, когда внимание к ним становится селективным и одновременно дефицитным (например, на интернет-ресурсах, где действуют цифровые алгоритмы и рекомендательные системы), предлагаются очень разные зарплаты, условия труда и карьерные шансы. В частности, повсеместно отмечается повышенный интерес работодателей к IT-специалистам, медицинским работникам, архитекторам и педагогам [51, p. 20]. Если рынки одних отраслей и территорий бурно развиваются, то других — остаются далеко позади [16]. В исследованиях, посвященных изучению отбора кандидатов на должности, прямо ука-

зывается, что среда становится все более изменчивой, неопределенной, комплексной и двусмысленной [41, p. 159].

В последнее время неопределенность усугубляется событиями, которые не дают возможности проконтролировать даже их влияние на отдельные трудовые биографии. Так, пандемия COVID-19 способствовала принудительному изменению условий труда и неожиданно повлияла на карьеры [50, S. 114]. В жестких условиях кризиса отдельных отраслей работники были вынуждены снижать свои требования к рабочему месту и заработной плате, осваивать работу на дому, искать занятость в совершенно новых сферах деятельности [33, S. 27].

Профессионализм versus компетентность

При взгляде на новый мир можно сразу же предположить, что компетентность должна заменить устаревшую (индустриальную) модель профессиональной подготовки работников. Например, на глазах происходит разрушение нормативного представления, что дипломы подтверждают готовность выпускников к выполнению строго оговоренных трудовых задач в рамках полученной «профессии»/«специальности» на определенном уровне («квалификации»). В индустриальном обществе сертифицирование образования приводило также к созданию социально-профессиональных групп, на которые могли ориентироваться предприятия [49, S. 53]. Институт профессий вовлекал трудящихся в сообщества (профессионалов) с полностью закрытыми и защищенными от внешнего мира границами, внутри которых осуществлялась стандартизация знаний, умений и навыков [45, p. 68, 84]. П. Бурдьё еще более решительно определял суть «профессии», назвав ее «идеологией» или дисциплинирующим механизмом, за которым закрепилось право создавать различия и разделения (между группами трудящихся, видами деятельности и т. д.) [3].

Сегодня же экономические субъекты, ориентируясь на потребителей, отдают предпочтение более гибкой специализации, контролю затрат и управлению производительностью труда. Возникло «рыночное сопротивление» тому, что называют индустриальной «профессией». Кроме того, сами знания становятся трудно кодифицируемыми и все более политизируются [39, p. 770]. Исследователи отмечают, что место профессиональной автономии постепенно занимает «гибридный профессионализм», означающий, как минимум, открытость профессионала и его знаний внешнему миру, то есть прежде всего ориентацию на потребности и правила организации/рынка. Из-за этого во многих странах в учебные программы профессионального образования включается все больший объем знаний, а дисциплины зачастую набираются случайным или произвольным образом [27, S. 15–16].

Все более абстрактная передача знаний через системы профессионального обучения сопрягается с ослаблением института массовых

профессий [13] и с разворотом в сторону развития индивидуализированных форматов. Последние особенно характерны для инновационной и наукоемкой деятельности, которая не может быть охвачена только базовыми направлениями подготовки [44, S. 5]. В целом многообразии профессий и определений профессионализма приводит к тому, что они практически перестают выполнять сигнальные функции на рынке труда и играть роль механизма социальной интеграции (присвоения социального статуса трудящемуся). Инфляция «профессий» и индивидуализация подготовки к труду разрушают и силу сообществ как «надежных убежищ», не затронутых рыночной логикой [45, p. 90]. С одной стороны, любой профессионализм подвергается все большему контролю извне (со стороны рыночных агентов). С другой стороны, чем больше становится профессий, тем сложнее их стандартизировать по уровню вознаграждения и социальных гарантий. Другими словами, получение рыночной версии профессии означает ориентацию не на развитие личности, а на предполагаемое/текущее место работы [15]. Как раз на это направлена вся Болонская система: студент должен за кратчайшие сроки получить образование (бакалавра), ориентированное на практические нужды. Однако эта модель там, где она действует, вызывает негативные отклики работодателей, недовольных не только общим качеством образования, но и недостатком методических, социальных знаний и личностного развития у бакалавров [44, S. 14].

В настоящее время западные страны сформировали политический курс на развитие квалифицированных сил, способных к занятости (*employability*). Хотя профессиональная подготовка и повышение квалификации в этом стремлении все еще играют существенную роль [53, S. 9], значительно изменился сам процесс получения и использования знаний. Прежде всего, вся ответственность за подготовку и результаты возлагается на трудящихся, которые проинтерпретировали ее как необходимость подгонки знаний к требованиям работодателей. В целом можно утверждать, что современные профессии становятся все менее константными и функционально ориентированными [36, S. 6], а профессионализм трудящихся — все более рефлексивным, то есть гибким, включающим перманентное добавление знаний и умений. Данные изменения особенно заметны на примере ИТ-сферы, которая заполняется работниками с самым разным профессиональным образованием [27, S. 2]. Помимо этого, необходимость в коллективном соблюдении профессиональной системы отпадает в силу развития автоматизации и цифровизации. Поэтому на рынке труда и в системе занятости требуется, чтобы работники в индивидуальном порядке стремились к развитию своего профессионального профиля [14, с. 146].

Уникальный профиль трудящихся не может быть сформирован внутри одной профессии, скорее это набор определенных знаний

и умений, используемых (и не используемых) работником для реализации трудовых задач на рабочем месте. Однако в литературе и на практике компетентность рассматривается широко. Одни называют компетенциями углубленные профессиональные знания (*hard skills*) [31, S. 7], другие — дополнительные умения (*soft skills*), характеризующие личность работника (например, такие как способность к обучению, планированию, коммуникации, выносливость, концентрация внимания) [49, S. 53–54]. На наш взгляд, развитие человеческих активностей в занятости в комплексной бизнес-среде в условиях технологического прогресса приводит к распространению множества плохо структурируемых форматов. Кроме того, по своей природе компетентность долгое время находилась в комплементарной взаимосвязи с процессом обретения профессии. Если обратиться к социологической теории, то уже М. Вебер в модели «рациональной бюрократии» связывал компетенции с определенными обязанностями, полномочиями, выполняемыми работником на занимаемой должности [5, с. 256–261]. Н. Луман различал компетенции профессиональные и специальные, связанные с включением работника в организационную иерархию. Если первые работник привносил в организацию, то вторые должны были сформироваться уже в процессе занятия должности [31, S. 10]. К рационалистической модели постепенно добавлялись компетенции, связанные с новым отношением к труду, в частности с вниманием к интерактивному пространству или другим его аспектам². Т. Парсонс первым обратил внимание на то, что взрывной рост знаний имеет следствием их все большую неопределенность. Соответственно, появилась цель когнитивного обучения выбору [40]. Огромные пласты современного знания и все меньшая его сопоставимость с тем знанием (XX в.), которое Ю. Хабермас назвал «технично-инструментальным разумом» (то есть применением в трудовом процессе технологий, основанных на законах естественных наук), привели к возрастающей зависимости деятельности работников от их интерпретативных способностей, то есть от креативности и рефлексии. Подобное осознание человеческих ресурсов легло в основу теории инкорпорированного культурного капитала П. Бурдьё [4], где способности вкупе с образованием в процессе социализации становятся сложными производными качествами, востребованными на современном рынке труда [35, p. 495–496].

---

² Изначально труд характеризовался как исключительно инструментально-предметный и планово-рациональный. Социальный уровень отношений выносился за скобки [25, S. 10]. Значительный вклад в развитие концепции трудовой деятельности внесли Ю. Хабермас (коммуникативные компетенции), А. Хохшильд (эмоциональный обмен), И. Гофман (рабочие взаимодействия, связанные с ловким управлением конкретной ситуацией), М. Кастельс (управление информацией).

Именно поэтому в обществе возобладали ценность выбора для молодых поколений «правильных» школы, вуза, профессии [14, с. 275].

В современности уместнее разделять компетенции на высококвалифицированные (ценные, дорогие) и функциональные (простые, полезные). Первые, обладая внутренней комплексностью и инаковостью [14, с. 107], нацелены на решение сложных задач, связанных с риском и инновациями, то есть с действиями в ситуации неопределенности. Иногда такие компетенции сравнивают с талантом. По мере развития творческого труда и его проникновения в различные сферы деятельности востребованность ценных компетенций может привести к негативным последствиям. Среди них называют возобновление стратификации, нагнетание конкуренции и нового неравенства по доходам внутри групп работников. Причинами являются большая свобода действий у «талантливых» сотрудников; всеобщее восхищение, которое они вызывают (остальные игнорируются); дополнительные преимущества в развитии индивидуальных навыков [34, р. 149, 152] и вознаграждение по принципу «победитель получает все» [12]. В «экономике суперзвезд», с одной стороны, выделяются меньшинство чрезвычайно успешных и большинство легко заменяемых работников. С другой стороны, внутри самих организаций небольшая часть работников начинают позиционироваться в качестве ведущих или элитных, что, в свою очередь, еще больше усиливает различия: равные квалификации у работников внутри и вовне организации начинают резко контрастировать [14, с. 175–176].

В целом компетентность работника включает многофакторный набор детерминант, взаимодействующих между собой мультипликативным образом. Наличие одной — даже очень важной — компетенции недостаточно для того, чтобы гарантировать качественную занятость. Добавленную стоимость приносят, например, метакомпетенции, к которым относят навыки координации действий, ведение переговоров, принятие различных точек зрения [35, р. 521]. В современном мире даже черты личности или характера (субъектность, чувства, телесность) и интерактивные качества могут стать профессиональными активами. Кроме того, среда высококвалифицированных специалистов требует особого языка общения, понятного всем (например, уметь отделить важное от второстепенного, ясно презентовать сложные узкоспециальные знания и проч.). Эти же качества помогают справляться с неопределенностью в собственной трудовой карьере. Вместе с тем компетентность сильно отличается от привычной целерациональности, поскольку совершаемые на ее базе действия только частично подвластны планированию и управлению [25, S. 15]. В итоге компетентность работника требует неустанной заботы и внимания на разных этапах трудового пути: в процессе обучения, при поиске работы и после трудоустройства. Кроме того, разнообразные предложения

в образовательной сфере, специализированные практики управления человеческими ресурсами в организации, сама организационная культура предприятия, посредники в лице профессиональных консультантов [49, S. 13], даже алгоритмизированные рекомендательные системы способствуют регулярному проникновению постороннего контента в профили трудящихся [39], что делает их очень подвижными. Так, например, сейчас переформируются требования к ИКТ-культуре современного работника, в которую включается компетенция по развитию «цифрового мышления» (digital mindset) [54, p. 29].

Особенности современной оценки и формирования компетентностного профиля работников на рынке труда

Как воспринимаются призывы к развитию компетентности работников в экономике? Передовые предприятия и отрасли хозяйства, зависящие от качества персонала, разрабатывают особое направление деятельности, связанное с комплексной оценкой потенциальных кандидатов (people analytics). На этой стороне рынка имеются проблемы. Прежде всего, человеческий капитал по своей природе очень чувствительный и детализированный. Помимо традиционной оценки (основанной на работах Г. Беккера и Т. Шульца), включающей пол, возраст, состояние здоровья, знания, профессиональный опыт работников, могут оцениваться самые разнообразные данные, вплоть до сведений из социальных сетей о социальном окружении и фактах биографии кандидата. Правда, для этого необходимы особые аналитические средства, техническая оснащенность, базы данных, которых зачастую не хватает. К тому же количественная оценка признается уже недостаточной, поскольку в ней не принимается во внимание качественное разнообразие человеческого капитала. Само по себе использование количественных показателей унижает достоинство человека и может негативно повлиять на его трудовую биографию [28, p. 410–418].

В целом стимулирование множества уникальных компетентностных профилей в современном мире сильно осложнило задачи рекрутмента. Работодатели используют все большее количество фильтров для проверки образования и квалификации соискателей при приеме на работу [29, S. 49]. Из-за возрастания неопределенности в образовательных системах и разрушения ассоциаций держателей профессий встает вопрос об определении формы, содержания и уровня компетентности трудящихся. Часто компетенции на практике рассматриваются только в качестве требований к работникам, записанных в вакансиях. Более серьезная оценка сложных компетенций осуществляется на уровне специалистов (HR, руководителей и проч.). Вокруг этого складывается целая индустрия посредников занятости, представленных каналами по поиску работы, автоматизированными платформами и алгорит-

мами, различными службами профессионального консультирования [49, S. 62]. Вся эта деятельность подчас направлена не на накопление и поддержание индивидуальных ресурсов и способностей, а на инсценирование компетентности в глазах работодателей или заказчиков (в форме профилей, резюме, устной презентации). В связи с этим важно отметить, что компетентность формируется в области не только содержания труда, но и поиска работы [16, с. 53–54]. Среди множества умений и навыков работников особенно выделяются: наличие хороших знакомств, способствующих трудоустройству; упорство и настойчивость в поиске работы; отлично подготовленные документы для соискания вакансии; мотивация и искренний интерес к месту работы; подтвержденное повышение квалификации; опыт прохождения практики или временного трудоустройства в фирму [33, S. 45].

В итоге создание любой компетенции или целостного профиля в экономике неопределенностей выглядит как креатив [14, с. 117]. Имеющиеся у соискателя базовые знания выступают только точкой отсчета, от которой отталкиваются, чтобы осуществить отбор на должность. Для создания целостного профиля необходимы время и трудовой опыт, то есть профиль формируется в течение всей карьеры. К тому же во внимание принимаются контекстные условия, например, плотность рынка труда, то есть возможность сменить место работы без смены специальности [17, с. 130]. А. Реквиц указывает, что «“профиль” — это физиогномическая метафора: профиль субъекта характеризует его так же однозначно и четко, как силуэт его лица... Профиль в переносном смысле обозначает уникальное сочетание различных характеристик индивида, которые в то же время образуют идентифицируемое целое» [14, с. 165].

Ориентация на формирование компетентностных профилей провоцирует разные реакции со стороны работников. С одной стороны, работники могут сами себя подвергнуть оптимизации (повышают квалификацию, наращивают знания и навыки) или их принуждают к этому фирмы и клиенты (например, при помощи специализированных техник HRM или из-за необходимости преодолевать трения, связанные с отношениями между людьми³). С другой стороны, среди трудящихся возрастает разочарование, люди теряют мотивацию к труду и даже простую веру в то, что можно найти подходящую работу. Вместо

---

³ Это происходит в силу усложнения бизнес-процессов и из-за растущей роли логистики. Кроме того, выделяются специфические зоны труда, в которых результатом выступает так называемая «отношенческая работа» (здравоохранение или социальный уход). В них особенно приветствуется чувствительность, которой нельзя научить, но которую сотрудники могут развивать. Такое качество рассматривается как средство труда (нащупывание верных действий в отношении клиента на основе ситуаций и реакций, часто скрытых и нечетких) [25, S. 20].

активного поиска работы повсеместно распространяется практика пассивного позиционирования на рынке труда, включающая размещение резюме или портфолио на специализированных сайтах или иных интернет-площадках с ожиданием предложений о работе [51, р. 7–19]. Но таким образом найти работу становится все сложнее, в том числе из-за ряда негативных особенностей интернет-технологий: обилия неинтересных предложений, «мусорных» массовых рассылок, прямых мошенничеств и т. д. [16]. Дополнительные проблемы приносят интеллектуальные системы и алгоритмы в подборе персонала. Они часто способствуют снижению активности соискателя. Человек начинает полагаться на рекомендации, а не на собственные усилия, умения и потребности: «...как в случае с необученными мышцами, способность сотрудников к суждениям и аргументации со временем атрофируется, и их способность принимать независимые решения может постепенно угаснуть» [28, р. 427]. Поскольку трудовые законодательства реформируются медленнее, чем растут потребности в сфере занятости, среди трудящихся распространяются неконструктивные страхи, беспомощность и недееспособность. Современный труд для них становится все менее предсказуемым по сравнению с недавним прошлым.

Заключение

Индивидуальные биографии и целые области жизни все больше зависят от состояния и динамики глобальных явлений и процессов. В последние десятилетия они часто приобретают форму фундаментальных рисков и вызовов, из-за чего мир становится все менее стабильным и определенным. Для глубоких трансформаций и чрезвычайных событий («турбореальность») зачастую невозможно найти ясного обозначения и границ. В социологической теории с 2000-х гг. активизировались исследования, представляющие социальную реальность апокалипсически в виде «общества страха», «отчуждения», «дискомфорта», «травмы» и «кризиса доверия».

В нашей работе мы попытались проследить эволюцию социологической интерпретации общественной неопределенности и ответить на вопрос о ее природе и свойствах в современном мире. Сопоставляя эти итоги с текущим положением дел в экономике и социально-трудовой сфере, мы постарались выделить наиболее общие тенденции, намеренно избегая особенностей ситуации в отдельных странах. Такая специфика в тенденциях развития рынка труда и занятости населения существует не только в национальных или региональных, но и в менее масштабных пространствах. Она должна приниматься во внимание и детально изучаться.

Используя один из важных современных феноменов — компетентность работников, мы показали, как на фоне увеличения сложности социальной жизни и изменчивости социальной среды скла-

дываются ее основные формы. Так, компетентность является одним из достижений современного капитализма, стремящегося поставить под контроль культурные процессы в обществе. По этой причине компетентность характеризует современные смыслы и стили жизни высокообразованных слоев населения, обладающих наибольшим культурным капиталом. Для всех других компетентность — это стратегия рационализации сферы занятости, при которой предпочтение отдается тем быстро обретаемым навыкам и знаниям, которые востребованы на рынке труда. В общем смысле компетентность сегодня выражает определенный объем и качество накопленных способностей работника в широком диапазоне возможностей, позволяющем (или не позволяющем) ему функционировать в трудовой сфере, где минимум определен наличием стабильной занятости, а максимум — достижением статуса уникального специалиста.

В реальном жизненном контексте речь идет, скорее, о некоем наборе компетенций или индивидуальном профиле работника, который может быть востребован или нет в зависимости от рыночной ситуации и сферы деятельности. При этом само разделение компетенций и профилей работников на рынке труда не представляется серьезной проблемой. В большей степени озабоченность вызывает рост неравенства в шансах на трудоустройство, в самих условиях труда и занятости, а также в преимуществах, обретаемых работниками. Как показывают исследования, новое неравенство вызывает снижение производительности, ухудшение трудовой культуры, спад инноваций. Предприятия, стремящиеся найти идеальных работников, создают изощренные механизмы отбора персонала, которые в большинстве случаев неэффективны и унижают человеческое достоинство. Гонка за талантами умножает негативные реакции со стороны трудящихся (возрастают пассивность, разочарование, снижается самооценка и проч.) и неконструктивные страхи, что еще сильнее повышает уровень непредсказуемости и нестабильности в мире труда.

В современной рыночной среде, где на глазах разрушаются прошлые индустриальные модели и множатся индивидуализированные форматы подготовки специалистов, процесс интеграции экономики и образования на первый взгляд выглядит малоуправляемым. Однако в России, как и в других странах, возникают позитивные практики. К ним относятся, например, множество низовых (саморегулируемых) инициатив в среде специалистов (сайты программистов, чаты маркетологов с обсуждением проблем и прочие виды цифровых сообществ). Вместе с тем власти и ресурсные работодатели реализуют пилотные проекты, например образовательно-производственные центры (кластеры), нацеленные на обновление среднего профессионального образования в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. С.А. Комаров. СПб.: Питер, 2008. — 238 с. EDN: QOABEJ
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с. EDN: RAYTKJ
3. *Бурдьё П.* Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. Ч. 2. / Пер. с англ., фр., нем., итал.; Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 373–429.
4. *Бурдьё П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74 [электронный ресурс]. Дата обращения 12.02.2023. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 EDN: OYUVRD
5. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4-х т. Т. 1 / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. М.: ВШЭ, 2016. — 445 с. EDN: XZYVED
6. *Гарднер Д.* Страх. Почему мы неправильно оцениваем риски, живя в самое безопасное время в истории / Пер. с англ. Ю. Константиновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 320 с.
7. *Йоас Х., Кнёбль В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций / Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2015. — 840 с.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 606 с.
9. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиев. СПб.: Наука, 2007. — 641 с. EDN: QOHQND
10. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубовича. М.: Логос; Прогресс, 2002. — 224 с.
11. *Маффесоли М.* У каждого свои трибы: от контракта к пакту / Пер. с фр. М. Пророковой // Посредник. Массмедиа, общество и культура / Науч. ред. В.А. Подорога; Отв. ред. А.А. Парамонов. М.: Р. Валент, 2016. С. 281–291.
12. *Мертон Р.* Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 256–276.
13. *Профессии на российском рынке труда: Аналитический доклад НИУ ВШЭ / Отв. ред. Н.Т. Вишневская. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. — 155 с.*
14. *Реквиц А.* Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна / Пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. М.; Берлин: DirectMEDIA, 2022. — 400 с.
15. *Сизова И.Л., Каранетян Р.В., Орлова Н.С.* Особенности цифровизации труда современных российских работников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5 (171). С. 231–256. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2246 EDN: DZUBDW

16. Сизова И.Л., Русакова М.М., Александрова А.А. Рынок труда соискателей и трения в поиске работы на современных онлайн-платформах // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 5. С. 45–77. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-5-45-77 EDN: TERUQA
17. Стародубровская И., Лободанова Д. Креативный класс и креативный город: российское преломление // Экономическая политика. 2013. № 5. С. 127–149. EDN: RQYQEL
18. Сувалко А. Прощание с иллюзиями: анализ общества позднего модерна Андреаса Реквитца // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 305–322. DOI: 10.17329/1728-192x-2021-2-305-322 EDN: XBNNDY
19. Тейлор Ч. Секулярный век / Пер. с англ.; Под ред. А. Бодрова. М.: ББИ, 2017. — 967 с.
20. Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2005. — 431 с.
21. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. В 2-х т. / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь мир, 2022. — 878 с.
22. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Пер. с нем. А.М. Руткевич. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. — 382 с.
23. Abraham M., Hinz T. Wozu Arbeitsmarktsoziologie? // Arbeitsmarktsoziologie. Probleme, Theorien, empirische Befunde / Hrsg. M. Abraham, T. Hinz. Wiesbaden: Springer VS, 2018. S. 1–8. DOI: 10.1007/978-3-658-02256-3_1
24. Böhle F., Wehrich M. Ungewissheit, Uneindeutigkeit, Unsicherheit – Braucht die Theorie reflexiver Modernisierung eine neue Handlungstheorie? // Handeln unter Unsicherheit / Hrsg. F. Böhle, M. Wehrich. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2009. S. 9–21 [online]. Accessed: 30.01.2023. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-531-91674-3_1
25. Böhle F., Wehrich M. Das Konzept der Interaktionsarbeit // Zeitschrift für Arbeitswissenschaft. 2020. No. 74. S. 9–22. DOI: 10.1007/s41449-020-00190-2
26. Bude H. Gesellschaft der Angst. Hamburg: Verlag des Hamburger Instituts für Sozialforschung, 2014. — 169 S.
27. Elsholz U., Neu A. Akademisierung der Arbeitswelt — Das Ende der Beruflichkeit? // AIS-Studien. 2019. Jahrgang 12. Heft 1. S. 6–18. DOI: 10.21241/ssoar.64880
28. Giermindl L.M., Strich F., Christ O., Leicht-Deobald U., Redzepi A. The dark sides of people analytics: reviewing the perils for organisations and employees // European Journal of Information Systems. 2021. Vol. 31. No. 3. P. 410–435. DOI: 10.1080/0960085X.2021.1927213
29. Theorien des Arbeitsmarktes: Ein Überblick // Arbeitsmarktsoziologie. Probleme, Theorien, empirische Befunde / Hrsg. M. Abraham, T. Hinz. Wiesbaden: Springer VS, 2018. S. 17–68. DOI: 10.1007/978-3-531-91192-2_2

30. *Hartmann M.* “Moderne Gesellschaften brauchen mehr Vertrauen”: Interview mit Martin Hartmann. 2016. Vhs-Programm Böblingen/Sindelfingen [online]. Accessed 25.01.2023. URL: https://www.unilu.ch/fileadmin/fakultaeten/ksf/institute/philesem/PDFs/vhsProgrammFeb2016_HartmannInterviewVertrauen.pdf
31. *Kurtz Th., Pfadenhauer M.* (Hrsg.). *Soziologie der Kompetenz*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2010. — 291 S. [online]. Accessed 30.01.2023. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-531-91951-5>
32. *Leichsenring H.J.* Neudefinition von Produktivität in Zeiten der Unsicherheit. Wandel, Arbeitskultur und Innovation // *Der Bank Blog*. 7. Dezember 2022 [online]. Accessed: 30.01.2023. URL: <https://www.der-bank-blog.de/neudefinition-produktivitaet-unsicherheit/studien/37692567/>
33. *Liechti D., Suri M., Möhr T., Arni P., Siegenthaler M.* Methoden der Stellensuche und Stellensucherfolg. *Arbeitsmarktstudie // Grundlagen für die Wirtschaftspolitik*. Februar, 2022. No. 33. — 116 S. [online]. Accessed: 30.01.2023. URL: https://www.seco.admin.ch/seco/de/home/Publikationen_Dienstleistungen/Publikationen_und_Formulare/Arbeit/Arbeitsmarkt/Informationen_Arbeitsmarktforschung/methoden_stellensuche_stellensucherfolg.html
34. *Menger P.-M.* The Market for Creative Labour. Talent and Inequalities // *The Oxford Handbook of Creative Industries / Ed. by C. Jones, M. Lorenzen, J. Sapsed*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 148–170. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199603510.001.0001
35. *Menger P.-M.* Sociologie du travail créateur // *L’annuaire du Collège de France*. 2020. No. 118. P. 495–525. DOI: 10.4000/annuaire-cdf.15908
36. *Meyer R., Haunschild A.* Individuelle Kompetenzentwicklung und betriebliche Organisationsentwicklung im Kontext moderner Beruflichkeit — berufspädagogische und arbeitswissenschaftliche Befunde und Herausforderungen // *bwp@*. Berufs- und Wirtschaftspädagogik — online. 2017. No. 32. S. 1–20 [online]. Accessed 30.01.2023. URL: http://www.bwpat.de/ausgabe32/meyer_haunschild_bwpat32.pdf
37. *Nassehi A.* Vertrauen und Vertrauenskrisen in der modernen Welt. Rede auf dem Kirchentag 2017 in Berlin // *Evangelische Theologie*. 2017. Vol. 77. No. 5. S. 396–400. DOI: 10.14315/evth-2017-0510
38. *Nassehi A.* Mit der Unsicherheit wächst die Unzufriedenheit // *Handelsblatt*. 20 Oktober 2020. No. 203. S. 6–7 [online]. Accessed 30.01.2023. URL: <https://www.lsl.soziologie.uni-muenchen.de/personen/professor/nassehi/publikationen/2020/handelsblatt201020.pdf>
39. *Noordegraaf M.* From “Pure” to “Hybrid” Professionalism: Present-Day Professionalism in Ambiguous Public Domains // *Administration & Society*. 2007. Vol. 39. No. 6. P. 761–785. DOI: 10.1177/0095399707304434
40. *Parsons T., Platt G.* *The American University*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. — 463 p.

41. *Potočník K., Anderson N.R., Born M., Kleinmann M., Nikolaou I.* Paving the way for research in recruitment and selection: recent developments, challenges and future opportunities // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 159–174. DOI:10.1080/1359432x.2021.1904898
42. *Reckwitz A.* Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne. Berlin: Suhrkamp, 2019. — 305 S.
43. *Rosa H.* Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. 3. Auflage. Berlin: Suhrkamp, 2020. — 815 S.
44. *Rosendahl A., Wahle M.* Debatten zur Krise von Beruf und Beruflichkeit: A Never Ending Story? // *awp@. Berufs- und Wirtschaftspädagogik* — online. 2016. No. 29. S. 1–23 [online]. Accessed 30.01.2023. URL: http://www.bwpat.de/ausgabe29/rosendahl_wahle_bwpat29.pdf
45. *Schinkel W., Noordegraaf M.* Professionalism as Symbolic Capital: Materials for a Bourdieusian Theory of Professionalism // *Comparative Sociology*. 2011. No. 10. P. 67–96. DOI: 10.1163/156913310X514083
46. *Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Auflage. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2005. — 612 S.
47. *Scott A.J.* A World in Emergence. Cities and Regions in the 21st Century. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. — 240 p.
48. Sicherheit und Gesundheit in der digitalisierten Arbeitswelt. Kriterien für eine menschengerechte Gestaltung. 1. Auflage / Hrsg. A. Tisch, S. Wischniewski. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co., 2022. — 338 S. DOI: 10.5771/9783748927372
49. *Traue B.* Kompetente Subjekte: Kompetenz als Bildungs- und Regierungsdispositiv im Postfordismus // *Soziologische Kompetenzforschung* / Hrsg. T. Kurtz, M. Pfadenhauer. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2009. S. 49–67. DOI: 10.1007/978-3-531-91951-5_3
50. Wirtschaft, Arbeit und Leben mit und nach der Corona-Krise. 1. Auflage / Hrsg. M. Wannöffel, Y. Gensterblum. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co.KG, 2022. — 181 S. DOI: 10.5771/9783748927730
51. *Weitzel T., Maier Ch., Weinert Ch., Pfluegner K., Oehlhom C., Witth J.* Social Recruiting and Active Sourcing. Centre of Human Resources Information Systems, 2020. — 36 S. [online]. Accessed 30.01.2023. URL: https://www.uni-bamberg.de/fileadmin/uni/fakultaeten/wiai_lehrstuehle/isdl/Recruiting_Trends_2020/Studien_2020_01_Social_Recruiting_Web.pdf
52. *Wohlrab-Sahr M.* Unsicherheit als Thema der Soziologie // *Biographische Unsicherheit. Biographie & Gesellschaft*. Vol. 15. Leske+Budrich, 1993. — 363 S. DOI: 10.1007/978-3-322-93662-2_2
53. *Ziegler B., Tenberg R.* (Hrsg.). Berufsbildung 4.0. Steht die berufliche Bildung vor einem Umbruch? Bonn: Bundesinstitut für Berufsbildung, 2020. — 166 S.
54. *Zirnig Ch., Klein B.* Wer, Wie, Was — Diskrepanzen zwischen bestehenden Qualifizierungen und neuen erforderlichen Berufsbildern durch die Datafizierung // *AIS-Studien*. 2019. Vol. 12. No. 2. S. 23–34. DOI: 10.21241/ssaar.64925

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сизова Ирина Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (965) 003-46-86. **Электронная почта:** sizovai@mail.ru

Орлова Наталья Сергеевна — аспирант, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (921) 861-89-10. **Электронная почта:** orloka135t@mail.ru

Елагина Елена Дмитриевна — аспирант, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. **Телефон:** +7 (930) 710-94-31. **Электронная почта:** muhanova.el@yandex.ru

Дата поступления: 25.04.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 4. P. 31–55. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.2

Research Article

IRINA L. SIZOVA¹, NATALIA S. ORLOVA¹, ELENA D. ELAGINA¹

¹ St Petersburg State University.

1/3, Smolny str., 9th entrance, 191124, Saint Petersburg, Russian Federation.

EMPLOYEE COMPETENCE IN CONDITIONS OF SOCIO-ECONOMIC UNCERTAINTY

Abstract. Using sociological literature as a foundation, this article examines such a phenomenon as employee competence in the current landscape. In part one of the article we sought to formulate the sociological concept of uncertainty and trace its evolution depending on the stage of social development. Uncertainty in the post-industrial period is defined as a plethora of processes and phenomena associated with increasingly autonomous living, susceptibility to an environment that's constantly changing, as well as a multitude of potential alternative solutions and actions. These conditions foster massive opportunities for people to unlock their creative potential, the downside being increased anxiety and insecurity, social isolation and inequality. The second part of the article focuses on studying such a phenomenon as the competence of modern-day workers, given the current context of socio-economic uncertainty. Although competence has developed based on the industrial model of professional training, it is currently transitioning to the next stage of its evolution. With modern capitalism undergoing rejuvenation, competence is sort of individualizing, becoming defined by one's cultural capital, personality traits and biography, turning out to be unique and possessing internal complexity and flexibility. This new sort of competence is welcome in places where the main criteria are high level of qualification and up to date knowledge, that contribute to developing the most cutting edge and creative sectors of the economy, new spaces and forms of work activity. When it comes to non-ideal workers, for them competence embodies a rational strategy of situational adaptation of their skills and abilities to the current labor market. Certain new educational and political initiatives are developing in that same general direction, with them aiming to reproduce "aptitude for employment" among the vast majority of the working population. But at the same time labor markets and organizations are starting to function as "machines that reproduce

inequality”. Despite the fact that modern competence is being engulfed by an entire industry of intermediaries, achieving it is proving to be a difficult task for modern society.

Keywords: uncertainty; contingency; fears; cultural capitalism; professionalism; competence; employee profile; recruitment.

For citation: Sizova, I.L., Orlova, N.S., Elagina, E.D. Employee Competence in Conditions of Socio-Economic Uncertainty. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 31–55. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.2

Acknowledgement: The research was supported by RSF (project No. 23-28- 00011).

REFERENCES

1. Bauman Z. Fluid modernity. [Russ. ed.: *Tekuchaya sovremennost'*. Transl. from Eng. by S.A. Komarov. St Petersburg: Peter publ., 2008. 238 p.]
2. Beck U. Risk Society. On the way to another modernity. [Russ. ed.: *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Transl. from Germ. by V. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya publ., 2000. 384 p.]
3. Bourdieu P. Experience of reflexive sociology. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: V 2 ch.* [Theoretical sociology: Anthology: In 2 parts.] Part 2. Transl. from Eng., French, Germ., Ital.; Comp. and ed. by S.P. Bankovskaya. Moscow: Knizhnyi dom “Universitet” publ., 2002. P. 373–429. (In Russ.)
4. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. Accessed 02.12.2023. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (In Russ.)
5. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. In 4 volumes. Vol. 1. [Russ. ed.: *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii*. Vol. 1. Transl. from Germ.; Ed. by L.G. Ionin. Moscow: HSE publ., 2016. 445 p.]
6. Gardner D. Fear. Why we misjudge risks while living in the safest time in history. [Russ. ed.: *Strakh. Pochemu my nepravil'no otsenivaem riski, zhivya v samoe bezopasnoe vremya v istorii*. Transl. from Eng. by Yu. Konstantinova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber publ., 2019. 320 p.]
7. Joas H., Knobl V. Social theory. Twenty introductory lectures. [Russ. ed.: *Sotsial'naya teoriya. Dvadsat' vvodnykh lektzii*. Transl. from Germ. by K.G. Timofeev. St Petersburg: Aletheya publ., 2015. 840 p.]
8. Castells M. Information era: economics, society and culture. [Russ. ed.: *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Transl. from Eng.; Ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: HSE publ., 2000. 606 p.]
9. Luhmann N. Social systems. Essay on general theory. [Russ. ed.: *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. Transl. from Germ. by I.D. Gaziev. St Petersburg: Nauka publ., 2007. 641 p.]
10. Lash K. Revolt of the elites and betrayal of democracy. [Russ. ed.: *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii*. Transl. from Eng. by J. Smithee, K. Golubovich. Moscow: Logos publ.; Progress publ., 2002. 224 p.]
11. Maffesoli M. Everyone has their own tribes: from contract to pact (translated from French M. Prorokova. *Posrednik. Massmedia, obshchestvo i kul'tura*. [Mediator. Mass media, society and culture.] Ed. by V.A. Podoroga, A.A. Paramonov. Moscow: R. Valent publ., 2016. P. 281–291. (In Russ.)
12. Merton R. The Matthew Effect in Science, II: Accumulation of Advantages and the Symbolism of Intellectual Property. *Thesis*. 1993. Vol. 3. P. 256–276. (In Russ.)
13. *Professii na rossiiskom rynke truda: Analiticheskii doklad NIU VShE*. [Professions on the Russian labor market: Analytical report of the National Research University Higher

- School of Economics.] Ed. by N.T. Vishnevskaya. Moscow: HSE publ., 2017. 155 p. (In Russ.)
14. Reckwitz A. Society of Singularities. On the structural changes of the modern era. [Russ. ed.: *Obshchestvo singulyarnosti. O strukturnykh izmeneniyakh epokhi moderna*. Transl. from Germ. by T.Yu. Adamenko, I.G. Sokolovskaya. Moscow, Berlin: DirectMEDIA publ., 2022. 400 p.]
  15. Sizova I.L., Karapetyan R.V., Orlova N.S. Features of the Digital Work Culture of Modern Russian Workers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2022. No. 5 (171). P. 231–256. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2246 (In Russ.)
  16. Sizova I.L., Rusakova M.M., Aleksandrova A.A. The Job Seekers Market and the Frictions of Finding Jobs on Online Platforms. *Ekonomicheskaya sotsiologia*. 2022. Vol. 23. No. 5. P. 45–77. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-5-45-77 (In Russ.)
  17. Starodubrovskaya I., Lobodanova D. Creative class and creative city: Russian refraction. *Ekonomicheskaya politika*. 2013. No. 5. P. 127–149. (In Russ.)
  18. Suvalko A. Farewell to Illusions: Analysis of the Late Modern Society by Andreas Reckwitz. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 305–322. DOI: 10.17329/1728-192x-2021-2-305-322 (In Russ.)
  19. Taylor C. Secular Age. [Russ.ed.: *Sekulyarnyi vek*. Transl. from Eng.; Ed. by A. Bodrov. Moscow: BBI publ., 2017. 967 p.]
  20. Foucault M. Abnormal. Course of lectures given at the Collège de France in the 1974–1975 academic year. [Russ. ed.: *Nenormal'nye. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu*. Trans. from French by A.V. Shestakov. St Petersburg: Nauka publ., 2005. 431 p.]
  21. Habermas Yu. Theory of communicative activity. [Russ. ed.: *Teoriya kommunikativnoi deyatel'nosti*. Transl. from Germ. by A.K. Sudakov. In 2 Vols. Moscow: The whole world publ., 2022. 878 p.]
  22. Elias N. About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research. Vol. 2. Changes in society. Project of the Theory of Civilization. [Russ. ed.: *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. T. 2. Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii*. Transl. from Germ. by A.M. Rutkevich. Moscow, St Petersburg: University Book publ., 2001. 382 p.]
  23. Abraham M., Hinz T. Wozu Arbeitsmarktsoziologie? *Arbeitsmarktsoziologie. Probleme, Theorien, empirische Befunde*. Hrsg. M. Abraham, T. Hinz. Wiesbaden: Springer VS, 2018. S. 1–8. DOI: 10.1007/978-3-658-02256-3_1
  24. Böhle F., Wehrich M. Ungewissheit, Uneindeutigkeit, Unsicherheit – Braucht die Theorie reflexiver Modernisierung eine neue Handlungstheorie? *Handeln unter Unsicherheit*. Hrsg. F. Böhle, M. Wehrich. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2009. S. 9–21. Accessed: 30.01.2023. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-531-91674-3_1
  25. Böhle F., Wehrich M. Das Konzept der Interaktionsarbeit. *Zeitschrift für Arbeitswissenschaft*. 2020. No. 74. S. 9–22. DOI: 10.1007/s41449-020-00190-2
  26. Bude H. *Gesellschaft der Angst*. Hamburg: Verlag des Hamburger Instituts für Sozialforschung, 2014. — 169 S.
  27. Elsholz U., Neu A. Akademisierung der Arbeitswelt — Das Ende der Beruflichkeit? *AIS-Studien*. 2019. Jahrgang 12. Heft 1. S. 6–18. DOI: 10.21241/ssoar.64880
  28. Giermindl L.M., Strich F., Christ O., Leicht-Deobald U., Redzepi A. The dark sides of people analytics: reviewing the perils for organisations and employees. *European Journal of Information Systems*. 2021. Vol. 31. No. 3. P. 410–435. DOI: 10.1080/0960085X.2021.1927213

29. Theorien des Arbeitsmarktes: Ein Überblick. *Arbeitsmarktsoziologie. Probleme, Theorien, empirische Befunde*. Hrsg. M. Abraham, T. Hinz. Wiesbaden: Springer VS, 2018. S. 17–68. DOI: 10.1007/978-3-531-91192-2_2
30. Hartmann M. “Moderne Gesellschaften brauchen mehr Vertrauen”: Interview mit Martin Hartmann. 2016. *Vhs-Programm Böblingen/Sindelfingen*. Accessed 25.01.2023. URL: https://www.unilu.ch/fileadmin/fakultaeten/ksf/institute/philssem/PDFs/vhsProgrammFeb2016_HartmannInterviewVertrauen.pdf
31. Kurtz Th., Pfadenhauer M. (Hrsg.) *Soziologie der Kompetenz*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2010. — 291 S. Accessed 30.01.2023. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-531-91951-5>
32. Leichsenring H.J. Neudefinition von Produktivität in Zeiten der Unsicherheit. Wandel, Arbeitskultur und Innovation. *Der Bank Blog*. 7. Dezember 2022. Accessed: 30.01.2023. URL: <https://www.der-bank-blog.de/neudefinition-produktivitaet-unsicherheit/studien/37692567/>
33. Liechti D., Suri M., Möhr T., Arni P., Siegenthaler M. Methoden der Stellensuche und Stellensucherfolg. Arbeitsmarktstudie. *Grundlagen für die Wirtschaftspolitik*. Februar, 2022. No. 33. — 116 S. Accessed: 30.01.2023. URL: https://www.seco.admin.ch/seco/de/home/Publikationen_Dienstleistungen/Publikationen_und_Formulare/Arbeit/Arbeitsmarkt/Informationen_Arbeitsmarktforschung/methoden_stellensuche_stellensucherfolg.html
34. Menger P.-M. The Market for Creative Labour. Talent and Inequalities. *The Oxford Handbook of Creative Industries*. Ed. by C. Jones, M. Lorenzen, J. Sapsed. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 148–170. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199603510.001.0001
35. Menger P.-M. Sociologie du travail créateur. *L'annuaire du Collège de France*. 2020. No. 118. P. 495–525. DOI: 10.4000/annuaire-cdf.15908
36. Meyer R., Haunschild A. Individuelle Kompetenzentwicklung und betriebliche Organisationsentwicklung im Kontext moderner Beruflichkeit — berufspädagogische und arbeitswissenschaftliche Befunde und Herausforderungen. *bwp@. Berufs- und Wirtschaftspädagogik — online*. 2017. No. 32. S. 1–20. Accessed 30.01.2023. URL: http://www.bwpat.de/ausgabe32/meyer_haunschild_bwpat32.pdf
37. Nassehi A. Vertrauen und Vertrauenskrisen in der modernen Welt. Rede auf dem Kirchentag 2017 in Berlin. *Evangelische Theologie*. 2017. Vol. 77. No. 5. S. 396–400. DOI: 10.14315/evth-2017-0510
38. Nassehi A. Mit der Unsicherheit wächst die Unzufriedenheit. *Handelsblatt*. 20 Oktober 2020. No. 203. S. 6–7. Accessed 30.01.2023. URL: <https://www.ls1.soziologie.uni-muenchen.de/personen/professor/nassehi/publikationen/2020/handelsblatt201020.pdf>
39. Noordegraaf M. From “Pure” to “Hybrid” Professionalism: Present-Day Professionalism in Ambiguous Public Domains. *Administration & Society*. 2007. Vol. 39. No. 6. P. 761–785. DOI: 10.1177/0095399707304434
40. Parsons T., Platt G. *The American University*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. 463 p.
41. Potočník K., Anderson N.R., Born M., Kleinmann M., Nikolaou I. Paving the way for research in recruitment and selection: recent developments, challenges and future opportunities. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 159–174. DOI:10.1080/1359432x.2021.1904898
42. Reckwitz A. *Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne*. Berlin: Suhrkamp, 2019. 305 S.
43. Rosa H. *Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung*. 3. Auflage. Berlin: Suhrkamp, 2020. 815 S.
44. Rosendahl A., Wahle M. Debatten zur Krise von Beruf und Beruflichkeit: A Never Ending Story? *awp@. Berufs- und Wirtschaftspädagogik — online*. 2016. No. 29. S. 1–23.

- Accessed 30.01.2023. URL: http://www.bwpat.de/ausgabe29/rosendahl_wahle_bwpat29.pdf
45. Schinkel W., Noordegraaf M. Professionalism as Symbolic Capital: Materials for a Bourdieusian Theory of Professionalism. *Comparative Sociology*. 2011. No. 10. P. 67–96. DOI: 10.1163/156913310X514083
  46. Schulze G. *Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart*. 2. Auflage. Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag, 2005. — 612 S.
  47. Scott A.J. *A World in Emergence. Cities and Regions in the 21st Century*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. 240 p.
  48. *Sicherheit und Gesundheit in der digitalisierten Arbeitswelt. Kriterien für eine menschengerechte Gestaltung*. 1. Auflage. Hrsg. A. Tisch, S. Wischniewski. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co., 2022. 338 S. DOI: 10.5771/9783748927372
  49. Traue B. Kompetente Subjekte: Kompetenz als Bildungs- und Regierungsdispositiv im Postfordismus. *Soziologische Kompetenzforschung*. Hrsg. T. Kurtz, M. Pfadenhauer. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2009. S. 49–67. DOI: 10.1007/978-3-531-91951-5_3
  50. *Wirtschaft, Arbeit und Leben mit und nach der Corona-Krise*. 1. Auflage. Hrsg. M. Wannöffel, Y. Gensterblum. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co.KG, 2022. 181 S. DOI: 10.5771/9783748927730
  51. Weitzel T., Maier Ch., Weinert Ch., Pfluegner K., Oehlhom C., Witth J. *Social Recruiting and Active Sourcing. Centre of Human Resources Information Systems*, 2020. 36 S. Accessed 30.01.2023. URL: https://www.uni-bamberg.de/fileadmin/uni/fakultaeten/wiai_lehrstuehle/isdl/Recruiting_Trends_2020/Studien_2020_01_Social_Recruiting_Web.pdf
  52. Wohlrab-Sahr M. Unsicherheit als Thema der Soziologie. *Biographische Unsicherheit. Biographie & Gesellschaft*. Vol. 15. Leske+Budrich, 1993. 363 S. DOI: 10.1007/978-3-322-93662-2_2
  53. Ziegler B., Tenberg R. (Hrsg.). *Berufsbildung 4.0. Steht die berufliche Bildung vor einem Umbruch?* Bonn: Bundesinstitut für Berufsbildung, 2020. 166 S.
  54. Zirinig Ch., Klein B. Wer, Wie, Was — Diskrepanzen zwischen bestehenden Qualifizierungen und neuen erforderlichen Berufsbildern durch die Datafizierung. *AIS-Studien*. 2019. Vol. 12. No. 2. S. 23–34. DOI: 10.21241/ssoar.64925

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina L. Sizova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Sociology, St Petersburg State University. **Phone:** +7 (965) 003-46-86. **Email:** sizovai@mail.ru

Natalia S. Orlova — Postgraduate Student, Faculty of Sociology, St Petersburg State University. **Phone:** +7 (921) 861-89-10. **Email:** orloka135t@mail.ru

Elena D. Elagina — Postgraduate Student, Faculty of Sociology, St Petersburg State University. **Phone:** +7 (930) 710-94-31. **Email:** muhanova.el@yandex.ru

Received: 25.04.2023.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.3

EDN: HOATOR

О.Б. СОЛОДОВНИКОВА¹, Е.Е. МАЛЬКОВА¹

¹ Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.
119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11.

ИССЛЕДОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СВОЕЙ РАБОТОЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ДЛЯ РОССИИ¹

Аннотация. Цифровая трансформация, пересмотр принципов Болонской системы, новые направления академических контактов — далеко не полный перечень вызовов, стоящих перед вузами России. Отвечать на них в первую очередь приходится преподавателям высшей школы, что чревато повышенным уровнем стресса и требует более внимательного контроля за динамикой общей удовлетворенности работой (УР) профессорско-преподавательского состава (ППС). Несмотря на наличие исследований, посвященных УР в вузе, их взаимная верификация затруднена, так как общая теоретико-методологическая рамка такого рода исследований отсутствует, а набор показателей УР, как правило, не адаптирован для российских реалий. Кроме того, большой проблемой опросов преподавателей высшей школы является административная дистанция между инициаторами или заказчиками исследования и самими преподавателями, превращенными в объект исследования со сниженной агентностью. Авторы данной статьи предлагают подход, основанный на опыте проведения мониторинга отношения ППС к актуальным вызовам, который бы сочетал количественные и качественные методы опроса и ориентировался на универсальные домены УР в вузе. На взгляд авторов, такой подход может способствовать переходу преподавателя-респондента с пассивной позиции объекта исследования на активную позицию его участника и стать залогом оптимизации условий труда ППС. Выбор релевантных доменов УР, всесторонне характеризующих условия труда преподавателя в высшей школе, должен быть обоснован в ходе серии апробирующих исследований, а главное — внутренней дискуссии отраслевой социологии.

Ключевые слова: удовлетворенность работой; удовлетворенность условиями труда; преподаватели высшей школы; автоэтнография; количественные и качественные исследования.

---

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания РАНХиГС.

Для цитирования: *Солодовникова О.Б., Малькова Е.Е.* Исследование удовлетворенности преподавателей своей работой: концептуальная рамка для России // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 56–76. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.3 EDN: HOATOR

Введение

Сфера высшего образования в России последовательно сталкивалась с разнообразными вызовами: по завершении пандемии и связанного с ней перехода к дистанционному обучению начались дискуссии об эффективности Болонской системы, а также целесообразности перенесения научно-образовательных контактов с глобального Запада на глобальный Восток. Весной этого года глава Минобрнауки РФ Валерий Фальков на заседании Российского союза ректоров выступил с докладом о необходимости создания национальной системы высшего образования, косвенно подтвердив тот факт, что процесс реформирования высшей школы далек от завершения и стоит на повестке дня². В таких условиях работа в академической среде оказывается сопряжена с повышенным уровнем неопределенности, что, в свою очередь, чревато стрессом профессорско-преподавательского состава (ППС) и снижением общей удовлетворенности условиями работы.

Симптоматично, что исследования удовлетворенности работой (УР) российских преподавателей стали особенно востребованными в последнее время. Стоит упомянуть Информационный бюллетень НИУ ВШЭ «Удовлетворенность работой, карьерные стратегии и планы преподавателей российских вузов» [8], а также статью Г.З. Ефимовой, А.С. Латышева «Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения» [2], опубликованную в первом номере «Вопросов образования» за 2023 г. В основе двух работ — количественные опросы преподавателей: мониторинг экономики образования 2020–2021 гг. и мониторинг самочувствия ППС ТюмГУ в 2018, 2019, 2020 и 2022 гг. И в том и в другом исследовании авторы стремились не только сообщить об уровне общей удовлетворенности условиями труда преподавателей или о его динамике, но и проанализировать факторы, в наибольшей степени влияющие на высокие показатели удовлетворенности работой в российском вузе. На первый план в каждом из исследований вышел фактор материальной обеспеченности и карьерных перспектив: должность и зарплата во многом определяли субъективную удовлетворенность работой опрошенных преподавателей (заметим, что для совместителей, по данным НИУ ВШЭ,

---

² Валерий Фальков выступил с докладом о создании национальной системы высшего образования на заседании Российского союза ректоров // Министерство науки и высшего образования [электронный ресурс]. — URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66846/> (дата обращения 30.05.2023).

ситуация выглядит иначе: они в первую очередь мотивированы нематериальными факторами работы в вузе [8, с. 7]). Указанная корреляция заработной платы и удовлетворенности работой, однако, не является специфической характеристикой академической сферы, и само повышение заработной платы требует анализа внутренних характеристик среды, в которой оно будет осуществляться: какого рода деятельность стоит стимулировать, какие результаты и процессы в первую очередь поощрять, чтобы обеспечить наибольшую УР в конкретном вузе — все это открытые вопросы. Работа сотрудников Южного федерального университета, посвященная анализу удовлетворенности трудом в академической сфере, предлагает теоретико-методологический конструкт по интересующей нас теме [4], однако он целиком построен на заимствовании зарубежной методологической рамки оценки удовлетворенности работой (не только в академической сфере), предложенной Альфонсо Соуза-Позой и Андресом Соуза-Позой [23]. Представляется, что исчерпывающий список факторов, влияющих на УР в российском вузе, должен быть, во-первых, более обширным, во-вторых, более обоснованным отечественным материалом. Скажем, среди предложенных индикаторов удовлетворенности работой отсутствует такой специфический для вуза, как качество освоения студентами предлагаемых программ. Актуальной видится задача представить удовлетворенность работой в более сложной и многомерной методологической перспективе, учитывающей как российский, так и академический контекст ее измерений.

Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИНСАП РАНХиГС) при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ также с 2020 г. проводит мониторинг отношения ППС вузов к текущим вызовам, стоящим перед системой высшего образования. Серия проведенных исследований [7; 5], основанная на количественных административных опросах (около 15 000 опрошенных преподавателей в каждой из волн), привела авторов к выводу о необходимости создания надежного опросного инструментария для оценки удовлетворенности преподавателей условиями труда, который бы позволил систематизировать анализ вклада различных факторов в удовлетворенность ППС и сделал бы соизмеримыми, взаимно верифицирующими друг друга различные исследования, посвященные данной теме. Несомненно, появление национальной модели (или моделей) оценки удовлетворенности ППС условиями труда потребует длительной экспертной дискуссии, и данная работа может восприниматься только как предложение начать ее. Мы рассмотрим популярные подходы к количественным измерениям УР в академической сфере, обсудим их принципиальную недостаточность, а также сформулируем основы количественно-качественного подхода к исследованию интересующей нас темы.

Количественные исследования

Исследования удовлетворенности работой, основанные на данных количественных опросов, имеют длительную историю как в России, так и за рубежом и с самого начала тяготеют к концептуализации. Скажем, уже в раннем сборнике В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова «Человек и его работа» [9] ставится цель выделить и структурировать факторы, определяющие удовлетворенность трудом. Поскольку советская социология в основном интересовалась ситуацией на предприятиях и меньше внимание уделяла интеллектуальному труду, при оценке удовлетворенности ППС наиболее популярным подходом современных российских авторов стала интерпретация зарубежных моделей. Назовем лишь некоторые из них, максимально приближенные к нам по времени появления.

Двухфакторная теория рабочей мотивации Херцберга [16] позволила профессору Линде Хагедорн в 2000 г. сформировать концептуальную рамку для анализа удовлетворенности работой академических сотрудников (Conceptual Framework for Academic Job Satisfaction) [15]. Для данной рамки характерно разделение «медиаторов» и «триггеров» удовлетворенности. К первым профессор Хагедорн относит: мотивационные (стимулирующие) и «гигиенические» (препятствующие неудовлетворенности, по Херцбергу) факторы, например признание со стороны коллег или размер заработной платы; социально-демографические факторы (пол, национальность, позиция в институте и т. д.), а также фактор окружения, связанный с взаимоотношениями ППС с коллегами, администрацией и т. д. Триггерами в концепции Хагедорн оказываются «изменения или трансформации»: будь то подъем по карьерной лестнице или смена семейного статуса. Задача исследователя, таким образом, сводится к анализу вклада всех медиаторов и триггеров в общую удовлетворенность работой ППС.

Несколько иную рамку предложила профессор Мария де Лурдес Мачадо-Тейлор [18]. Фактически она сгруппировала все возможные (и встречавшиеся в более ранних исследованиях) факторы удовлетворенности преподавателей своей работой в 12 доменов, характеризующихся оригинальным набором показателей. Список доменов включает: учебный климат; руководство отдела / подразделения / института, коллеги, неакадемический персонал, физические условия труда, условия трудоустройства, личностный рост и повышение квалификации, институциональная культура и ценности, престиж учебного заведения, условия для исследовательской работы, общая удовлетворенность работой и жизнью. Приведем пример индикаторов, используемых для оценки вклада отдельных доменов в общую удовлетворенность (табл. 1) [18, р. 547].

Таблица 1

Показатели отдельных доменов удовлетворенности работой

Домен	Индикаторы
Руководство института / отдела / подразделения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Кто занимает высшие руководящие должности в учреждении 2. Кто занимает высшие руководящие должности в своем департаменте / организационном подразделении 3. Общение с менеджерами 4. Реакция руководства на потребности профессорско-преподавательского состава 5. Способность руководителей внедрять инновации 6. Время, которое требуется руководителям для удовлетворения потребностей ППС
Коллеги	<ol style="list-style-type: none"> 1. Навыки ППС конкретной кафедры / подразделения 2. Научное качество ППС конкретной кафедры / института по сравнению с преподавательским составом других аналогичных учреждений 3. Педагогические качества ППС конкретной кафедры / института по сравнению с преподавательским составом других аналогичных учреждений 4. Взаимодействие между преподавателями разных курсов 5. Сотрудничество с коллегами из разных отделов / подразделений 6. Открытость к изменениям, демонстрируемая преподавателями конкретного факультета / института

Апробация предложенной рамки М.Л. Мачадо-Тейлор в ходе опроса 4529 преподавателей из Португалии показала, что наибольший положительный вклад в уровень удовлетворенности респондентов внесли три домена: «неакадемический персонал», «коллеги» и «учебный климат», в то время как наименьший уровень удовлетворенности наблюдался в отношении доменов «условия для исследовательской работы» и «условия трудоустройства» [18].

Наконец, большим влиянием пользуются исследования удовлетворенности ППС, основанные на теории рабочих запросов и ресурсов (Job Demands and Resources Theory, или кратко JR-D) [11]. Согласно этой теории, рабочая среда может оказывать на сотрудников двойственное воздействие: рабочие запросы, требующие постоянных усилий и связанные с физическими и психологическими издержками, предсказуемо снижают уровень благополучия человека, в то время как рабочие ресурсы — факторы, способствующие достижению намерен-

ных целей, стимулирующие личностный рост, — повышают удовлетворенность сотрудника своей работой и жизнью в целом благодаря «мотивирующему» воздействию, возникновению чувства автономии, связности и компетентности. Навык преподавателей сохранять удовлетворенность своей работой на высоком уровне, таким образом, состоит в грамотном балансе «запросов» и «ресурсов». Интересный пример использования этой теории в количественном исследовании (N = 1072) продемонстрировала группа чешских ученых во главе с профессором И. Мадраком: они обнаружили парадокс, что при высоком уровне критицизма по отношению к ситуации, сложившейся в высшем образовании, чешские преподаватели демонстрируют высокий же уровень удовлетворенности своей работой [19]. Помимо общего социально-демографического опросника анкета исследователей содержала прямой вопрос об удовлетворенности своей работой: «Насколько Вы довольны своей работой в целом, учитывая все обстоятельства?», а также два открытых вопроса: «Каковы три основные проблемы, с которыми Вы в настоящий момент сталкиваетесь в академической работе или на рабочем месте в вузе?» и «Какие три основных аспекта своей академической работы или рабочего места в вузе Вы цените больше всего?». Контент-анализ открытых ответов показал, что 26,5% преподавателей жалуются на большую рабочую нагрузку, 26,3% — на нехватку денег и шире — финансовых ресурсов, 23,7% — на некачественное руководство, 16,3% — на некачественное администрирование, наконец, 11% — на общую ненадежность своей работы. Что касается вдохновляющих аспектов работы, то 46,3% опрошенных довольны отношениями с коллегами, 41,8% — автономностью академической работы, 28,9% находят в своей работе возможности самореализации, 25,3% испытывают радость от общения со студентами. И при этом около 80% преподавателей сообщают о своей удовлетворенности имеющейся работой. По мысли исследователей, данный факт — будучи рассмотренным в перспективе теории рабочих запросов и ресурсов — демонстрирует перевес вторых над первыми в сознании респондентов: субъективно воспринимаемые преимущества «быть преподавателем» превосходят субъективно воспринимаемые недостатки профессии.

Таким образом, методика комплексной оценки удовлетворенности преподавателей условиями своего труда на основе количественных опросов предполагает в одном случае выявление наиболее адекватного перечня ключевых доменов удовлетворенности (которые можно разделять на медиаторы и триггеры, а можно не разделять) на старте исследования, в другом случае — дополнение обычных вопросов об удовлетворенности работой открытыми вопросами о факторах этой удовлетворенности/неудовлетворенности для последующего контент-анализа, а значит, домены удовлетворенности формируются после проведенного опроса. Стремление к большей верифицируемости

результатов может подталкивать к первому подходу, в то время как интерес к контексту исследования делает более востребованным второй.

В рамках мониторинга отношения ППС вузов к текущим вызовам, стоящим перед системой высшего образования³, ИНСАП РАНХиГС ставил целью использование обоих подходов для выявления наиболее перспективных доменов УР в российских вузах. В пятую волну опроса, проходившую с 16 мая по 14 июня 2022 г., было проведено первичное исследование показателей, значительно коррелирующих с удовлетворенностью работой в академической сфере на основе заранее отобранного списка доменов. В шестую волну опроса, реализованную в 2023 г. (18 апреля – 10 июня), были включены открытые вопросы об основных проблемах и основных достижениях преподавателей, следующие кон-

---

³ С 2020 г. РАНХиГС проводит регулярные опросы преподавателей вузов. Всего в период с 2020 по 2023 г. реализовано шесть волн опросов преподавательского состава. Цель первого исследования определила общемировая ситуация, связанная с переходом на дистанционный режим работы. Основным методом стал административный опрос. В качестве контрольной выборки использовался и второй источник сбора информации — инициативная выборка, при которой приглашение к участию в опросе было размещено в соцсетях и на профессиональных таргетированных площадках. Инициативная выборка была призвана выявить смещения, связанные со спецификой административного опроса. В результате опроса массив собранных анкет распределился следующим образом: 99% — административная выборка, 1% — инициативная. Всего в первую волну было получено 30 839 анкет преподавателей вузов. В последующих волнах мониторинга преподавательского состава доля инициативной выборки выросла до 10% от общего массива. Цель опросов двух волн 2021 г. сместилась от содержательной составляющей к методологической. Главной повесткой стала разработка и апробация методологии социальных исследований дистанционного образования. Главной целью опроса 2022 г. стало изучение пространственных и временных характеристик рабочего места преподавателя вуза в условиях гибридных (смешанных) форматов обучения. В 2023 г. мониторинг был направлен на изучение современных навыков и компетенций, выявление основных траекторий адаптации профессорско-преподавательского состава вузов в текущих социально-экономических условиях организации образовательного процесса. В каждой из шести волн опроса приняли участие не менее 15 тыс. респондентов. Суммарно за период 2020–2023 гг. было получено более 100 тыс. анкет преподавателей вузов. Опрашивались преподаватели вузов всех федеральных округов РФ независимо от формы занятости (работают ли они штатными сотрудниками, внешними совместителями или находятся на почасовой оплате труда), направления преподавательской деятельности (гуманитарные науки, математика, экономика, естественные науки и т. д.). В составе административной выборки отдельным потоком во всех волнах были выделены преподаватели РАНХиГС, доля их анкет составляла от 5 до 12% от общего массива.

цептуальной рамке И. Мадрака. Одновременно с этим стала понятна принципиальная недостаточность использования одних количественных подходов для создания концептуальной рамки УР в академической сфере для России, поэтому на 2024 г. запланирован ряд качественных исследований по теме. Создание обоснованной теоретической рамки УР преподавателей, таким образом, еще впереди. Однако даже первично полученные данные значительно проблематизируют интересующий нас сюжет. В частности, мы не обнаружили сколько-нибудь заметной корреляции между удовлетворенностью работой и личным совокупным доходом опрошенных преподавателей (табл. 2; все данные таблиц основаны на пятой волне опроса).

Таблица 2

Удовлетворенность ППС преподавательской деятельностью в зависимости от совокупного дохода в месяц, % от числа ответивших, май–июнь 2022 г.

Укажите, пожалуйста, свой личный примерный совокупный доход в месяц, тыс. руб.	В целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей преподавательской деятельностью в текущем учебном году?					з/о	всего
	удовлетворены	скорее удовлетворены	скорее не удовлетворены	не удовлетворены			
10 (N = 371)	35	40	12	6	8	100	
20 (N = 1661)	31	46	13	4	6	100	
30 (N = 3780)	30	50	13	3	4	100	
40 (N = 3666)	28	52	13	3	4	100	
50 (N = 2840)	28	53	14	2	3	100	
60 (N = 1792)	29	52	14	3	3	100	
70 (N = 1264)	30	51	15	2	2	100	
80 (N = 1319)	29	52	15	2	3	100	
100 (N = 1329)	26	53	16	3	2	100	
120 (N = 474)	30	50	16	3	2	100	
Более 120 (N = 992)	27	48	19	4	2	100	
Всего: N = 19488	29	51	14	3	3	100	

Разница в 1–2% в уровне суммарной неудовлетворенности, наблюдаемая в отдельных группах, не может считаться решающей. Не обнаружилось зависимости и между наличием у преподавателя административной нагрузки (соответствующей должности) и удовлетворенностью работой (табл. 3).

На удовлетворенность работой влияет и общая оценка социально-экономической ситуации в стране (табл. 6). Можно отметить, что критический взгляд на общие процессы в России сопровождается критическую оценку своего места работы.

Налицо необходимость многофакторной оценки УР в академической сфере, позволяющей учитывать вклад разнообразных доменов (с разными группами индикаторов) в итоговый уровень удовлетворенности трудом.

Преподаватели как сообщество практиков

Важно отметить, что параллельно с концептуализацией методологии оценки УР преподавателей пересматривалась сама перспектива таких исследований. Речь идет о потребности воспринимать преподавательское сообщество не просто как объект изучения, но и как равноправного игрока, заинтересованного в производстве знания о самом себе, как на сообщество практиков (Community of Practice, или CoPs) [24; 1]. Такого рода сообщество способствует личностному и профессиональному росту своих участников и может самостоятельно предлагать пути к нормализации рабочего климата и удовлетворенности условиями труда, а также выступать драйвером развития конкретных вузов [3]. Заслуженный профессор Ноттингемского университета Джулия Эветтс была одной из первых, кто выступил с критикой ситуации, в которой преподаватели «все чаще выступают в качестве пассивных жертв, которые относительно беспомощны перед требованиями регулирования, возросшей бюрократии, прозрачности и подотчетности» [13]. Положительной стороной ее критики была идея «взращивать», «воссоздавать» особый тип администраторов высшей школы, рекрутированных из числа самих преподавателей и сохраняющих сильные социальные связи со своей первоначальной профессиональной корпорацией. Эти идеи профессор Эветтс концептуализировала в двух подходах к феномену профессионализма, который может восприниматься либо как «организационный» (organisational professionalism), либо как «трудовой» (occupational professionalism), причем каждая из оптик предполагает свой подход к оценке работы преподавателя высшей школы, его удовлетворенности трудом и участия в управлении. Как идеальный тип «организационный профессионализм» связан с дискурсом управленческого контроля над преподавателем, в то время как «трудовой профессионализм» апеллирует к дискурсу коллегиальной ответственности за труд самой преподавательской корпорации [14]. Краткая характеристика двух подходов дана в таблице 7 [14, p. 263].

Таблица 7

Организационный и трудовой профессионализм

Организационный профессионализм	Трудовой профессионализм
Дискурс внешнего контроля менеджеров трудовых организаций	Дискурс, структурируемый внутри самой профессиональной группы
Рационально-правовые формы власти	Коллегиальная власть
Стандартизированные процедуры	Конфиденциальность и профессиональный контроль над выполнением работ
Иерархические структуры власти и принятия решений	Базовое доверие профессионалу со стороны как заказчиков, так и клиентов
Менеджериализм	Средства контроля, введенные в действие практиками
Подотчетность и внешние формы регулирования, постановки целей и анализа эффективности	Профессиональная этика, контролируемая учреждениями и ассоциациями
Связан с веберовскими моделями организации	Связан с дюркгеймовским подходом к профессиям как моральным сообществам

Можно заметить, что исследования удовлетворенности преподавателей условиями труда несвободны от представленной дихотомии: либо мы проводим опрос, посвященный УР, с целью внешне организовать работу ППС оптимальным образом, либо находим внутри самого опросного инструмента способы вовлечь опрошиваемых в дискуссию по интересующей нас проблеме или даже в ее решение. Однако существующие рамки анализа удовлетворенности работой ППС на основе количественных опросов (заметим, даже самые исчерпывающие из них и даже включающие анализ открытых ответов) не позволяют перевести преподавателя-респондента из пассивной позиции объекта исследования в активную позицию его участника. В результате уже на уровне методологии мы закладываем «веберовский» подход к оценке сообщества профессионалов, который далее будет усугублять разрыв между преподавателями и «администраторами», выступающими в качестве заказчиков исследований и организаторов жизни высшей школы. Этот разрыв, как многократно отмечалось в наших работах [7; 6], является одной из наиболее болезненных проблем российского высшего образования, затрудняющих проведение любых намеченных реформ.

Качественные исследования

Возможным выходом из описанной ситуации диктата внешне-организационных форм оценки УР преподавателей высшей школы является дополнение количественных исследований качественными-

ми. УР в данном случае оказывается контекстуализирована общей удовлетворенностью жизнью респондента, а стандартизированный опрос смыкается с коллективной автоэтнографией. Последняя может рассматриваться как наиболее рефлексивный метод из всех возможных, что позволяет автоэтнографии (в отличие, например, от классических фокус-групп) формировать агентность ее создателей в ходе проведения исследования, актуализировать поиски исторического и социального места корпорации преподавателей конкретного вуза в жизни общества.

Теория «жизненного пространства» [25] указывает на принципиальную неразрывность «рабочих» и «нерабочих» сторон личностного роста. Тот факт, что «академическая работа часто основывается на разделении между индивидуальным “я” и профессиональным “я”», в глазах ряда социологов является не только парадоксом или потенциально стрессогенным фактором, но и уловкой, позволяющей интенсифицировать интеллектуальный труд в той мере, в которой это невозможно в случае физического труда [17]. Новозеландский социолог Фиона Херд в рамках своей борьбы за улучшение условий труда преподавателей вузов подчеркивает, что неолиберальное представление об академической эффективности требует от ученого избегать выполнения неисследовательской деятельности, «непродуктивного» времени и т. п., однако это вступает в прямое противоречие с работой над командными проектами, вложением в разработку учебных программ и образование конкретных студентов, без чего развитие науки принципиально невозможно [17]. В настоящий момент противоречие чаще всего разрешается на личностном уровне, что приводит к «профессиональному стрессу» как преподавателей, так и администраторов учебных курсов [10], к низкой удовлетворенности работой [20], а также к социальным проблемам: разводам и травле на рабочем месте [26]. У «левой» критики неолиберального подхода к труду работников высшей школы есть своя позитивная программа, связанная со способностью преподавателей отрефлексировать существующие проблемы, «найти пространство для бесед» о них с коллегами [21], что поможет осознать ценность «коллегиальности», «общения» и «дружбы на рабочем месте», и с оформлением общего требования признать эти ценности базовыми принципами комфортных условий труда работников высшей школы [22]. Акцент на «коллективных практиках» и солидарности как единственных способах повышения УР преподавателей не в ущерб удовлетворенности жизнью в целом характерен для представителей данной школы. Более того, Ф. Херд демонстрирует, что «коллективная автоэтнография», обмен личной рефлексией о своем становлении как преподавателя внутри конкретного вуза или институции может быть не только

механизмом социальных изменений, но и исследовательским методом. В рамках своего преподавательского коллектива она выделила основные стрессогенные факторы в разных сферах жизни, снижающие, по их с коллегами мнению, общую удовлетворенность жизнью преподавателя [17]. Скажем, в сфере «отношений» «критическими инцидентами» стали развод и разделенная опека над детьми, в сфере «домашнего хозяйства» — покупка или продажа дома, участие в реновации и т. п. А набор «стрессогенных факторов» на рабочем месте получился следующим:

- организация международной конференции;
- взаимодействие со СМИ и медиа в целом;
- развитие инновационных преподавательских навыков;
- дизайн или координация большого учебного курса;
- переговоры по поводу контракта / своей рабочей должности для получения постоянного рабочего места;
- приобретение навыков публиковаться в высокорейтинговых журналах;
- ведение диссертаций на звание мастера и кандидата наук.

С большинством из этих проблем преподаватель остается как бы один на один, поэтому «мнимое одиночество» оказалось одной из главных тем рефлексивных диалогов, инициированных коллегами Ф. Херд вокруг предложенных факторов стресса. Приведем пример характерного обмена репликами [17]:

Коллега 2: Когда коллеги поздравляли меня с моей первой публикацией в престижном журнале, они не знали, что она стоила мне четырнадцати бессонных ночей. Некоторые люди продолжают работать изо дня в день, невзирая на серьезные личные обстоятельства, просто потому, что они жизнерадостны и увлечены работой. Но они не сверхлюди. Они жаждут быть услышанными без того, чтобы их назвали слабыми или малоэффективными.

Коллега 1: Речь о желании быть услышанными или о том, чтобы окружающие считали тебя «стоящим»? Как должна выглядеть такая поддержка, от кого может исходить?

Коллега 2: Речь о честных, «настоящих» разговорах с коллегами, когда не боишься, что тебя осудят. О дружественной поддержке, не связанной с функциональными транзакциями. Коллегиальность должна проявляться не только в рабочем сотрудничестве, но и в поддержке друг друга за пределами академических стен.

На стыке социологии и психологии находится и изучение так называемого «синдрома самозванца» — иллюзии личной некомпетентности, возникающей у преподавателей с высокими достижениями и профессиональным уровнем [12]. При этом подчеркивается

опять-таки «коллегиальная» природа этого синдрома: хоть переживается он индивидуально, но возникает в социальном контексте высококонкурентных, недружественных отношений внутри преподавательской корпорации.

Метод коллективной автоэтнографии на рабочем месте не только позволяет выявить специфические для данного вуза проблемы или факторы неудовлетворенности ППС работой, но и создает необходимую дискуссионную среду для обсуждения итогов проведенного исследования и последующего использования его выводов — как администраторами, так и самими преподавателями, осознающими себя как сообщество практиков, или агентов образовательной деятельности. Учитывая преимущества такого подхода и в рамках создания модели оценки УР преподавателей в России, ИНСАП РАНХиГС запланировал на 2024 г. использование метода коллективной автоэтнографии при проведении серии дискуссий в нескольких вузах страны. Полученные результаты должны дополнить и верифицировать имеющиеся представления о доменах УР, выявленных в ходе количественных исследований.

Резюме и предложения для дискуссии

Мониторинг отношения российских преподавателей к актуальным вызовам, реализуемый ИНСАП РАНХиГС с 2020 г., привел его авторов к выводу о большом значении и одновременно малой теоретической разработанности в отечественной социологии такого концепта, как УР в высшей школе. Были проведены первичные исследования по определению доменов удовлетворенности работой в академической среде, которые требуют дополнительной верификации уже качественными методами — посредством актуализации автоэтнографической дискуссии самих преподавателей. Выбранная оптика указывает, что западные модели или теории могут быть полезны только в том случае, если дополнительно уточняются и дорабатываются на российском материале, а обязательным условием исследований высшей школы является включение преподавателей в производство знаний о самих себе, восприятие их как агентов образовательной деятельности. Все это обуславливает четырехступенчатый процесс создания концептуальной рамки исследований УР в российском вузе: (1) выявление предполагаемых доменов УР на основе существующих работ в данной сфере, (2) оценка выявленных доменов УР методом количественного опроса ППС, (3) получение сведений о возможных дополнительных доменах посредством открытых вопросов, (4) проведение дискуссий внутри преподавательского сообщества (метод коллективной автоэтнографии) для уточнения полученных результатов. Предлагаемую статью, в свою очередь, следует рассматривать как повод для начала дискуссии уже внутри самого социологического сообщества, активно включенного

в исследование академической среды. Основными дискуссионными вопросами стоит считать следующие:

1. Стандартизированные количественные опросы преподавателей могут дать особенно ценный материал для оценки удовлетворенности работой ППС, если будут взаимно верифицируемыми. Данному обстоятельству способствует выделение ключевых доменов УР на ранних этапах исследования с последующим формированием опросного инструментария исходя из набора показателей, характерных для выбранных доменов. На данном этапе исследования мы можем предположить, что в российском контексте большой вес должны иметь домены «учебный климат», «коллеги», «общая удовлетворенность жизнью», а также домены, связанные с непосредственной профессиональной деятельностью, — «качество преподавания» и «работа со студентами». Сегодня исчерпывающий перечень доменов УР преподавателя вуза не сформирован, и достаточный объем этого перечня, обоснованность включения того или иного домена являются дискуссионными сюжетами.

2. На стадии формирования списка значимых в российском контексте доменов УР большую роль играют исследования, содержащие открытые вопросы по теме, соответственно, использующие метод контент-анализа. Эвристический потенциал ответов на открытые вопросы также может быть проблематизирован: в отсутствие влиятельной теоретической рамки контент-анализ страдает ситуативностью и описательностью. Способы решения указанной проблемы также представляются перспективным направлением дискуссии.

3. Оценка УР в высшей школе в первую очередь затрагивает интересы самих преподавателей и может рассматриваться не только как инструмент, необходимый администраторам, но и как повод для саморефлексии преподавателей, самостоятельной оценки ими учебного климата, их отношений с коллегами и со студентами. Заметим, что некоторые из доменов удовлетворенности работой находятся в зоне ответственности самого коллектива и могут быть трансформированы посредством общих усилий преподавательской корпорации конкретного вуза.

Соответственно, в процессе оценки УР в вузе необходимо включать преподавателей в производство научного знания о самих себе, в рефлексивные процедуры. Какие методики здесь могут быть наиболее эффективны — вопрос открытый. Метод коллективной автоэтнографии на рабочем месте, позволяющий не только «услышать голос преподавателей», но и создать пространство для дискуссии о значимых изменениях, имеет ряд преимуществ, но, очевидно, не является исчерпывающим. Каким образом в количественные исследования можно «закладывать» качественную составляющую, как популяризировать

такую форму взаимодействия с ППС параллельно с существующими мониторингами высшей школы, было бы целесообразно обсудить в кругу специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабак Л.Н., Хегай Е.В., Мухсян Т.В.* Сообщество практиков: создание и распространение знаний // Креативная экономика. 2018. № 10. С. 1587–1598. DOI:10.18334/ce.12.10.39484 EDN: VMLBTU
2. *Ефимова Г.З., Латышев А.С.* Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 72–108. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-72-108 EDN: KYIXFQ
3. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в российских вузах: от проблемы к концепции // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 78–96. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4 EDN: JKZUTK
4. *Михалкина Е.В., Скачкова Л.С., Дюжиков С.А.* Удовлетворенность трудом в академической сфере // Terra Economicus. 2020. № 18 (3). С. 160–181. DOI:10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181 EDN: ARMOMM
5. *Рогозин Д.М.* Представления преподавателей вузов о будущем дистанционного образования // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 31–51. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-31-51 EDN: NJLSZU
6. *Рогозин Д.М., Солодовникова О.Б.* Зум и безумие в высшей школе. М., 2023. [Рукопись]
7. *Рогозин Д.М., Солодовникова О. Б., Ипатов А.А.* Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 271–300. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-271-300 EDN: KLQTLU
8. *Рудаков В.Н.* Удовлетворенность работой, карьерные стратегии и планы преподавателей российских вузов // Информационный бюллетень НИУ ВШЭ. 2021. № 9. — 36 с. DOI:10.17323/978-5-7598-2592-0 EDN: ZAORHP
9. *Ядов В.А., Здравомыслов А.Г.* Человек и его работа: социологическое исследование. М.: Мысль, 1967. — 392 с.
10. *Ablanedo-Rosas J.H., Blevins R.C., Gao H., et al.* The impact of occupational stress on academic and administrative staff, and on students: An empirical case analysis // Journal of Higher Education Policy and Management. 2021. Vol. 33. No. 5. P. 553–564. DOI:10.1080/1360080X.2011.605255
11. *Bakker A.B., Demerouti E.* Job Demands–Resources Theory // Wellbeing. A Complete Reference Guide / Ed. by C. Cooper, P. Chen. Chichester, UK: Wiley-Blackwell. 2014. P. 37–64. DOI: 10.1002/9781118539415.wbwell019
12. *Cristea M., Babajide O.A.* Impostor Phenomenon: Its Prevalence Among Academics and the Need for a Diverse and Inclusive Working Environment in British Higher Education // The Palgrave Handbook of Imposter Syndrome in Higher Education / Ed. by M. Addison, M. Breeze, Y. Taylor. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 55–73. DOI: 10.1007/978-3-030-86570-2_4

13. *Evetts J.* A new Professionalism? Challenges and Opportunities // *Current Sociology*. 2011. Vol. 59. No. 4. P. 406–422. DOI: 10.1177/0011392111402585
14. *Evetts J.* New Professionalism and New Public Management: Changes, Continuities and Consequences // *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 2. P. 247–266. DOI: 10.1163/156913309x421655
15. *Hagedorn L.S.* Conceptualizing faculty job satisfaction: Components, theories, and outcomes // *New directions for institutional research*. 2000. Vol. 2000 (105). P. 5–20. DOI: 10.1002/ir.10501
16. *Herzberg F., Mausner B., Snyderman B.B.* The motivation to work. New Brunswick: Transaction Publishers, 1993. — 184 p. DOI: 10.4324/9781315124827
17. *Hurd F., Singh S.* “Something has to change”: A collaborative journey towards academic well-being through critical reflexive practice // *Management Learning*. 2021. Vol. 52. No. 3. P. 347–363. DOI: 10.1177/1350507620970723
18. *Machado-Taylor M.L., et al.* Academic job satisfaction and motivation: findings from a nationwide study in Portuguese higher education // *Studies in Higher Education*. 2016. Vol. 41. P. 541–559. DOI: 10.1080/03075079.2014.942265
19. *Mudrak J., et al.* A Self-determined Profession? Perceived Work Conditions and the Satisfaction Paradox among Czech Academic Faculty // *Czech Sociological Review*. 2020. Vol. 56. P. 387–418. DOI: 10.13060/csr.2020.023
20. *Mudrak J., Zabrodska K., Kveton P., et al.* Occupational well-being among university faculty: A job demands–resources model // *Research in Higher Education*. 2018. Vol. 59 (3). P. 325–348. DOI: 10.1007/s11162-017-9467-x
21. *Nkomo S.M.* The seductive power of academic journal rankings: Challenges of searching for the other-wise // *Academy of Management Learning and Education*. 2008. Vol. 8. No. 1. P. 106–121. DOI: 10.5465/AMLE.2009.37012184
22. *Smith T., Salo P., Grootenboer P.* Staying alive in academia: Collective praxis at work // *Pedagogy, Culture and Society*. 2010. Vol. 18. No. 1. P. 55–66. DOI: 10.1080/14681360903556830
23. *Sousa-Poza A., Sousa-Poza A.* Well-being at work: A cross-national analysis of the levels and determinants of job satisfaction // *Journal of Socio-Economics*. Vol. 29. P. 517–538. DOI: 10.1016/S1053-5357(00)00085-8
24. *Spilker M., Prinsen F., Kalz M.* Valuing technology-enhanced academic conferences for continuing professional development. A systematic literature review // *Professional Development in Education*. 2020. Vol. 46. No. 3. P. 482–499. DOI: 10.1080/19415257.2019.1629614
25. *Super D.E.* A life-span, life-space approach to career development // *Journal of Vocational Behavior*. 1989. Vol. 16. P. 282–298. DOI: 10.1016/0001-8791(80)90056-1
26. *Taberner A.M.* The marketisation of the English higher education sector and its impact on academic staff and the nature of their work // *International Journal of Organizational Analysis*. 2018. Vol. 26. No. 1. P. 129–152. DOI: 10.1108/IJOA-07-2017-1198

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Солодовникова Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. **Телефон:** +7 (495) 695-11-62.

Электронная почта: o.b.solodovnikova@gmail.com

Малькова Евгения Евгеньевна — младший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

Телефон: +7 (495) 695-11-62. **Электронная почта:** malkova-ee@ranepa.ru

Дата поступления: 02.06.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 4. P. 56–76. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.3

Research Article

OLGA B. SOLODOVNIKOVA¹, EVGENIYA E. MALKOVA¹

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).

bl. 11, Prechistenskaya Emb., 119019, Moscow, Russian Federation.

**ACADEMIC JOB SATISFACTION RESEARCH:
CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR RUSSIA**

Abstract. Digital transformation, revising the principles of the Bologna system, new directions of academic contacts — this is not even the full list of challenges faced by Russian universities. University teachers have to respond to them, which might lead to increased stress levels and calls for more careful monitoring of the dynamics of overall job satisfaction in academia. Despite research on academic job satisfaction being available, its mutual verification is difficult, since there is no general theoretical and methodological framework for this kind of research, and the set of common indicators is not adapted to Russian realities. In addition, a serious problem when it comes to academic job satisfaction surveys is the administrative divide between whoever initiated the research and teaching staffers, who becomes an object of research with reduced agency. The authors of the article propose an approach based on experience in monitoring the teaching staff's attitude towards current challenges, which would combine quantitative and qualitative survey methods and focus on universal job satisfaction domains at the university. Choosing relevant academic job satisfaction domains that comprehensively characterize the working conditions of a university teacher should be justified during a series of testing studies, and most importantly — an internal sociological discussion.

Keywords: job satisfaction; working conditions satisfaction; higher school teachers; autoethnography; quantitative and qualitative research.

For citation: Solodovnikova, O.B., Malkova, E.E. Academic Job Satisfaction Research: Conceptual Framework for Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 56–76. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.3

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the RANEPA State task.

REFERENCES

1. Babak L.N., Khegai E.V., Mukhsyan T.V. Community of practice: creation and dissemination of knowledge. *Kreativnaya Ekonomika*. 2018. No. 10. P. 1587–1598. DOI:10.18334/ce.12.10.39484 (In Russ.)
2. Efimova G.Z., Latyshev A.S. Job satisfaction among employees of higher educational institutions. *Voprosy obrazovaniya*. 2023. No. 1. P. 72–108. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-72-108> (In Russ.)
3. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Mobilizing the resource capacity of the scientific and pedagogical community in Russian universities: from problem to concept. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 78–96. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4 EDN: JKZUTK (In Russ.)
4. Mikhalkina E.V., Skachkova L.S., Dyuzhikov S.A. Job satisfaction in the academic sphere. *Terra Economicus*. 2020. No. 18 (3). P. 160–181. DOI:10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181 (In Russ.)
5. Rogozin D.M. University teachers' ideas about the future of distance education. *Voprosy obrazovaniya*. 2021. No. 1. P. 31–51. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-31-51 (In Russ.)
6. Rogozin D.M., Solodovnikova O.B. *Zum i bezumie v vysshei shkole*. [Zoom and madness in high school.] Moscow, 2023. [Manuscript] (In Russ.)
7. Rogozin D.M., Solodovnikova O.B., Ipatova A.A. How university teachers view the digital transformation of higher education. *Voprosy obrazovaniya*. 2022. No. 1. P. 271–300. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-271-300 (In Russ.)
8. Rudakov V.N. Job satisfaction, career strategies and plans of teachers of Russian universities. *Informatsionnyi byulleten' NIU VShE*. [Information bulletin of the National Research University Higher School of Economics.] 2021. No. 9. 36 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2592-0 (In Russ.)
9. Yadov V.A., Zdravomyslov A.G. *Chelovek i ego rabota: sotsiologicheskoe issledovanie*. [Man and his work: a sociological study.] Moscow: Mysl' publ., 1967. 392 p. (In Russ.)
10. Ablanedo-Rosas J.H., Blevins R.C., Gao H., et al. The impact of occupational stress on academic and administrative staff, and on students: An empirical case analysis. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021. Vol. 33. No. 5. P. 553–564. DOI: 10.1080/1360080X.2011.605255
11. Bakker A.B., Demerouti E. Job Demands–Resources Theory. *Wellbeing. A Complete Reference Guide*. Ed. by C. Cooper, P. Chen. Chichester, UK: Wiley-Blackwell. 2014. P. 37–64. DOI: 10.1002/9781118539415.wbwell019
12. Cristea M., Babajide O.A. Imposter Phenomenon: Its Prevalence Among Academics and the Need for a Diverse and Inclusive Working Environment in British Higher Education. *The Palgrave Handbook of Imposter Syndrome in Higher Education*. Ed. by M. Addison, M. Breeze, Y. Taylor. Cham: Palgrave Macmillan, 2022, P. 55–73. DOI: 10.1007/978-3-030-86570-2_4
13. Evetts J. A new Professionalism? Challenges and Opportunities. *Current Sociology*. 2011. Vol. 59. No. 4. P. 406–422. DOI: 10.1177/0011392111402585
14. Evetts J. New Professionalism and New Public Management: Changes, Continuities and Consequences. *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 2. P. 247–266. DOI: 10.1163/156913309x421655
15. Hagedorn L.S. Conceptualizing faculty job satisfaction: Components, theories, and outcomes. *New directions for institutional research*. 2000. Vol. 2000 (105). P. 5–20. DOI: 10.1002/ir.10501
16. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B.B. *The motivation to work*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1993. 184 p. DOI: 10.4324/9781315124827

17. Hurd F., Singh S. “Something has to change”: A collaborative journey towards academic well-being through critical reflexive practice. *Management Learning*. 2021. Vol. 52. No. 3. P. 347–363. DOI: 10.1177/1350507620970723
18. Machado-Taylor M.L., et al. Academic job satisfaction and motivation: findings from a national study in Portuguese higher education. *Studies in Higher Education*. 2016. Vol. 41. P. 541–559. DOI: 10.1080/03075079.2014.942265
19. Mudrak J., et al. A Self-determined Profession? Perceived Work Conditions and the Satisfaction Paradox among Czech Academic Faculty. *Czech Sociological Review*. 2020. Vol. 56. P. 387–418. DOI: 10.13060/csr.2020.023
20. Mudrak J., Zabrodská K., Kveton P., et al. Occupational well-being among university faculty: A job demands–resources model. *Research in Higher Education*. 2018. Vol. 59 (3). P. 325–348. DOI: 10.1007/s11162-017-9467-x
21. Nkomo S.M. The seductive power of academic journal rankings: Challenges of searching for the other-wise. *Academy of Management Learning and Education*. 2008. Vol. 8. No. 1. P. 106–121. DOI: 10.5465/AMLE.2009.37012184
22. Smith T., Salo P., Grootenboer P. Staying alive in academia: Collective praxis at work. *Pedagogy, Culture and Society*. 2010. Vol. 18. No. 1. P. 55–66. DOI: 10.1080/14681360903556830
23. Sousa-Poza A., Sousa-Poza A. Well-being at work: A cross-national analysis of the levels and determinants of job satisfaction. *Journal of Socio-Economics*. Vol. 29. P. 517–538. DOI: 10.1016/S1053-5357(00)00085-8
24. Spilker M., Prinsen F., Kalz M. Valuing technology-enhanced academic conferences for continuing professional development. A systematic literature review. *Professional Development in Education*. 2020. Vol. 46. No. 3. P. 482–499. DOI: 10.1080/19415257.2019.1629614
25. Super D.E. A life-span, life-space approach to career development. *Journal of Vocational Behavior*. 1989. Vol. 16. P. 282–298. DOI: 10.1016/0001-8791(80)90056-1
26. Taberner A.M. The marketisation of the English higher education sector and its impact on academic staff and the nature of their work. *International Journal of Organizational Analysis*. 2018. Vol. 26. No. 1. P. 129–152. DOI: 10.1108/IJOA-07-2017-1198

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga B. Solodovnikova — Candidate of Philological Sciences, Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecast of RANEPА. **Phone:** +7 (495) 695-11-62. **Email:** o.b.solodovnikova@gmail.com

Evgeniya E. Malkova — Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecast of RANEPА, Moscow, Russia. **Phone:** +7 (495) 695-11-62. **Email:** malkova-ee@ranepa.ru

Received: 02.06.2023.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.4

EDN: IDGJHA

П.А. АМБАРОВА¹

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

ЦЕЛОСТНОСТЬ, СТРУКТУРНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК НАУЧНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Аннотация. Научное наставничество в университетах может быть рассмотрено не только как научно-образовательный институт, но и как сфера и способ взаимодействия face-to-face, в процессе которого рождаются смыслы и мотивация научно-исследовательской деятельности наставника и наставляемого. Такой подход к исследованию научного наставничества обосновывается социологическими концепциями повседневности, но их ключевые положения требуют адаптации к проблематике научного наставничества. В микросоциологической перспективе раскрывается представление о науке как повседневном жизненном мире вузовских исследователей. Взаимодействие научного наставника и наставляемого (студента, аспиранта) трактуется как элемент их жизненного мира и рассматривается через проявленность этого взаимодействия в повседневной академической деятельности. Цель статьи заключается в рассмотрении целостности, структуры (рутинных действий, предметного мира, языка, пространства и времени, ритуалов, знаков и символов, неформальных традиций) и функциональности повседневных практик научного наставничества сквозь призму социологических концепций повседневности. Обосновывается тезис, что повседневные практики взаимодействия научного наставника и молодого исследователя являются способом конструирования и межпоколенной трансляции смысла научной работы и выбора академической профессии.

Ключевые слова: научное наставничество; научные наставники; наставляемые; повседневный жизненный мир; повседневные наставнические практики; академическое сообщество; университеты.

Для цитирования: Амбарова П.А. Целостность, структурность и функциональность повседневных практик научного наставничества как предмет микросоциологического анализа // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 77–99. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.4 EDN: IDGJHA

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>.

Введение

Актуальность исследования взаимодействия научных наставников и наставляемых обусловлена остротой проблемы воспроизводства научно-педагогических кадров в российских вузах. Макросоциологический подход указывает на такие причины данной проблемы, как кризис научных школ [25], отсутствие системы профориентации на первых ступенях высшего образования, неэффективность института аспирантуры [34; 35; 36], снижение привлекательности академической профессии в силу ее прекаризации [27; 38], растянутую во времени и трудную академическую карьеру [15]. Все эти факторы создают внешний макроконтекст выбора академической траектории выпускника вуза (студента-бакалавра, магистранта или аспиранта). В то же время интерес к «академии»² и ориентация на выбор академической профессии складываются также благодаря микроокружению молодого человека, в ходе его непосредственного личного взаимодействия с представителями академического мира [3; 45; 46]. За счет макроконтекста, оказывающего влияние на формирование микроокружения, этот интерес либо укрепляется и реализуется, либо угасает.

Поскольку макро- и микроконтексты тесно связаны между собой и формируют единое социальное пространство, системное видение причин проблемы воспроизводства научно-педагогического сообщества (НПС) предполагает два взаимосвязанных направления исследовательского поиска: оценку институциональных и организационных предпосылок и оценку микросреды академических интеракций. В российской науке микросоциологические исследования наставнических взаимодействий немногочисленны и нуждаются в теоретических обоснованиях. Рассмотрение микросоциологической традиции, сложившейся в западной социологии, на наш взгляд, поможет подойти к разработке новых теоретических оснований исследования научного наставничества.

Несмотря на творческий характер, научный труд в достаточной мере рутинизирован. Каждодневная рутинная исследовательская работа лишь иногда прерывается уникальными событиями — защитой диссертации, открытием, выдающимся докладом на конференции. Впрочем, по мнению П. Штомпки, повседневность вбирает в себя не только рутину, но и уникальные символические церемонии [40, с. 9]. И тогда академическая повседневность приобретает целостный характер, отражающий интегрированность и масштабность жизненного мира «академии». Элементом именно такой повседневности науч-

---

² Термин «академия» в статье будет использован как синоним понятий «академическое сообщество», «научно-педагогическое сообщество».

но-педагогического работника (НПР) выступает взаимодействие научного наставника и начинающего исследователя (студента, аспиранта).

Обращение к теории повседневности в контексте изучения научного наставничества открывает несколько исследовательских возможностей. Первая связана с поиском продуктивного метода изучения социальных оснований, конституирующих те структуры личности научного наставника и его подопечного, которые не осознаются, но реально детерминируют их поведение, то есть диспозиций, установок, социальных эмоций. На наш взгляд, теория повседневности компенсирует неспособность макросоциологических подходов, в частности институционального и организационного, дать ответы на вопросы, что происходит в особом пласте академического универсума, который не идентифицируется как мир «большой науки» и теоретизирования. Наставническое взаимодействие — это микромир, элемент повседневной жизни «академиков», малоизученный социологией с точки зрения места и значения в ней, в том числе в силу отсутствия релевантной методологической рамки.

Вторая возможность, актуализирующая обращение к теории повседневности, — снятие вопроса о непроясненности ключевых характеристик, структурности и функциональности повседневных практик научного наставничества. Данное обстоятельство, вероятно, ограничивает сопоставление этого микромира с другими пластами академической повседневности, и не только с ней. Следуя принципу интерферентности И. Гофмана, можно предположить, что разные пласты (повседневности и не-повседневности), образующие жизненный мир вузовских работников, пересекаются между собой, и в этом взаимодействии повседневность может обуславливать не-повседневность «академии». Перспектива того, что содержание продуктивного взаимодействия научного наставника и начинающего исследователя, сложившееся в их повседневных взаимодействиях, может быть каким-то образом транспонировано на другие уровни академической реальности, очень привлекательна, так как обещает способ решения проблем привлечения и сохранения молодежи в «академии». Даже если теория повседневности, в силу ее многоструктурности и полипарадигмальности, и не обеспечивает нас сегодня идеальным методологическим инструментом познания описанного процесса, то, по крайней мере, она дает шанс дополнить макросоциологическую картину научного наставничества пониманием его глубинных микросоциальных аспектов.

Цель статьи заключается в рассмотрении целостности, структурности и функциональности повседневных практик научного наставничества сквозь призму социологических концепций повседневности. Статья раскрывает прежде всего познавательный потенциал теории повседневности для социологического исследования одного

из «фрагментов» академической повседневности. Тем не менее мы можем обозначить и прикладную значимость оптики теории повседневности, усиливая ранее сформулированный тезис о возможности использования результатов микросоциологического исследования научного наставничества для решения проблемы воспроизводства научно-педагогических кадров в университетах. Мы полагаем, что предложенный в статье подход помогает понять глубинные причины нарушений, которые произошли в «генетике» академического мира в последние годы и затронули такую ее часть, как «выращивание» молодого поколения исследователей. Какие аномалии привели к тому, что ранее эффективные практики научного наставничества перестали быть таковыми? Из-за каких нарушений порядка академических взаимодействий они теряют свой бесконфликтный характер? Теория повседневности, помимо ответов на эти вопросы, дает нам возможность увидеть, как сегодня осуществляется трансформация глубоко укоренившихся, часто неартикулируемых правил «академии» и какие последствия имеет для академической профессии этот процесс.

Предваряя возможный вопрос о соотношении ролей научного руководителя и научного наставника, заметим, что они не в полной мере тождественны друг другу. Первая, как правило, имеет формальное закрепление и связана с содержанием должностных обязанностей НПР, набор которых определяется учебным поручением (научный руководитель магистранта, аспиранта, выпускной квалификационной работы). Вторая роль — научного наставника — шире по своему содержанию. Научный наставник часто не имеет формального статуса, но добровольно берет на себя функции такового и может реализовать их внеинституциональными способами. В идеале обозначенные две роли должны совпадать, но в реальности могут быть воплощены в разных практиках научно-педагогической деятельности.

Наука как повседневный жизненный мир

Вовлеченность в научные исследования — один из факторов, конструирующих жизненный мир представителей академического сообщества и превращающих науку в элемент повседневных структур этого мира. Мы исходим из понимания жизненного мира как способа сопряжения жизни индивида и его окружения [14], в котором сочетаются объективный и субъективный уровни существования человека, его личный повседневный и исторический опыт, рациональные оценки и чувственное восприятие индивидом того, что происходит в действительности [37]. По мнению Й. Сандберга и Г. Даль' Альба, понятие жизненного мира позволяет уяснить, каким образом практика конституируется через нашу взаимосвязь с другими людьми и вещами [48].

Особое значение науки как части жизненного мира университетских «академиков» предопределено традиционной полиструктурностью их профессиональной деятельности и обязательностью научно-исследовательской работы в вузе, которая усиливается актуальной тенденцией развития высшего образования — увеличением объема НИР в бюджете рабочего времени. Другое важное обстоятельство — слитность профессиональной и личной жизни научно-педагогического работника, которая сегодня гипертрофирована сверхэксплуатацией ресурса личного времени [1; 33]. Принимая во внимание данные социологических исследований последних лет, можно говорить о конституирующей роли науки в жизненном мире примерно 70–75% НПР российских вузов [24, с. 16]. Именно такова доля сотрудников университета, активно и на постоянной основе вовлеченных в НИР. Несмотря на то что наука занимает значительное место в профессиональной деятельности НПР, в структуре академического сообщества доля научных наставников (имеющих формальный, а чаще — неформальный статус) невелика.

Постоянство присутствия и неотъемлемость науки от других элементов жизненного мира академического работника связаны с интегрированностью научной работы в образ жизни. Именно опривычивание (или хабиитуализация, по П. Бергеру, Н. Лукману, П. Бурдьё) действий, составляющих содержание процесса научной работы, позволяет говорить об их устойчивости, воспроизводимости и рутинизации [9].

Важным элементом науки как повседневного жизненного мира исследователя выступает ритуал. Ритуализм как атрибут науки и научного познания отмечали в своих работах М.К. Петров [30] и Л.Г. Ионин [21]. Однако ритуализм присущ и повседневным практикам научной работы. В них зафиксированы не только образы, привычные для представителей старшего поколения российских исследователей (например, ритуалы, производимые с пишущей машинкой³), но и связь с позитивными социальными эмоциями (ощущениями счастья, радости, порядка, гармонии), которые поддерживают и регулируют повседневные практики научной деятельности.

Наука в ее повседневном измерении немислима без коммуникаций, порождающих интересубъективность жизненного мира «академиков». Повседневные коммуникативные действия (взаимодействия) становятся способом соединения личностного и общественного смыслов академического труда. Среди разных видов коммуникаций, демонстрирующих потенциал смыслопорождения в академической профессии, особое место занимают взаимодействия научного настав-

---

³ К подобным ритуалам ученых можно отнести заточку карандашей, подбор ручки с определенным цветом или толщиной стержня, завод часов, раскладывание на столе в особом порядке ежедневника, тетради, часов и пр.

ника и его подопечного. Научное наставничество как повседневная практика может быть осмыслено с помощью концепта социальной экзистенции, предложенного П. Штомпкой. В такой интерпретации научное наставничество представляет собой «межчеловеческое пространство, наполненное встречами, контактами, взаимодействиями, связями, отношениями, социальными узами» [40, с. 8], которые осуществляются в повседневном опыте академических работников.

В подобном взаимодействии встречаются разные жизненные миры наставника и его подопечного. Соответственно, в силу различий их интеракции могут развиваться в широком диапазоне — от взаимопонимания, преданности, «любви и интимности» (в терминологии П. Штомпки) до конфликта и конкуренции. Но в этих разных контекстах точкой притяжения и пересечения жизненных миров является наука.

**Социологические концепции повседневности
как теоретические рамки изучения взаимодействия
научного наставника и молодых исследователей**

Благодаря длительной эволюции в философии (Э. Гуссерль), истории (Л. Февр, Ж. Ле Гофф) и социологии (А. Шюц, Г. Гарфинкель, И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман) теория повседневности сегодня может предложить различные варианты микросоциологического изучения повседневных практик научного наставничества. Тем более что разнообразие таких практик и их субъектов нуждается в различных методологических инструментах. Обращение к разным теориям повседневности в исследовании наставнических практик соответствует принципу социологического плюрализма, обоснованному в работах В.А. Ядова [44], А.Г. Здравомыслова [17], Г.Е. Зборовского [16], и придает такому исследованию многоаспектный и глубокий характер. А.Г. Здравомыслов считал, что «признание теоретического плюрализма в социологической теории есть прежде всего результат признания “многослойности” социальной реальности» [17, с. 282]. Как покажет дальнейший анализ, практики научного наставничества в современной академической среде как раз представляют собой такую «многослойную» реальность.

Классические положения феноменологии А. Шюца [41; 42] указывают на основную цель исследований академической повседневности. Она кроется не в изучении реальности, то есть внешних, формальных результатов взаимодействия наставника и его подопечного (количества статей, выступлений, грантов и пр.), а в поиске смыслов и значений, которые они придают научным коммуникациям и научной работе. Важно и то, что А. Шюц считал трудовую деятельность важнейшим видом социальной активности личности, раскрывающим ее потенциал. В связи с этим он полагал, что именно на основе трудовой активности

возникает особый способ восприятия и осмысления мира, который характеризует опыт повседневной жизни [31, с. 84]. Научное наставничество с таких позиций рассматривается как часть повседневного академического труда, интегрирующего педагогический и научный способы восприятия университетской реальности, в которой происходят наставнические интеракции.

Неверно было бы обойти классические постулаты этнометодологии Г. Гарфинкеля [8], позволяющие изучать научное наставничество через выявление «привычных оснований повседневных действий» наставника и наставляемого. Концепция Г. Гарфинкеля также предоставляет инструмент изучения невидимых правил «академии» — метод «гарфинкелинга», который дает возможность не только искусственно «взрывать» установившиеся этикет и ритуалы взаимодействия наставника — подопечного, но и объяснять эффекты «натурального эксперимента» в виде столкновения современного (но по-прежнему очень традиционного) академического мира с кардинально изменившимся жизненным миром студенчества.

Триада классических концепций повседневности замыкается идеями П. Бергера и Т. Лукмана [2], предполагающими особый взгляд на взаимодействия наставника и наставляемого как на процесс освоения/присвоения, или опривычивания (хабитуализации), начинающим исследователем новой для него реальности. Предлагаемые П. Бергером и Т. Лукманом концепты интерсубъективности, «зон релевантности», темпоральных структур и языка повседневности предвосхитили интерес современных исследователей к специфическому пространству (в том числе символическому), времени и языку как непреложным атрибутам повседневного «опыта встреч» наставника и наставляемого.

Безусловно, различные подходы к исследованию повседневных академических взаимодействий можно сконструировать с помощью других классических работ — концепции фреймов И. Гофмана, коммуникативного действия Ю. Хабермаса, дискурса М. Фуко, «текучей современности» З. Баумана, которые сделали повседневность предметом своих социологических размышлений. Но хотелось бы избежать того, что А. Щёлкин иронично назвал «карикатурной» модой социологии, вырвавшейся из оков масштабной-объективистской парадигмы, в которой не было места рядовому человеку [43]. Наша задача заключается не только в том, чтобы показать количество и вариативность теоретических подходов к микросоциологическому изучению наставнических практик в «академии». Она состоит в поиске теоретических рамок, выявляющих *целостность* повседневных практик научного наставничества (способную порождать смыслы научной работы и академической профессии), ее *структурность* (элементы, способные проявлять эти смыслы), *функциональность*

(возможности служить сферой профессиональной и личностной самореализации, в которой соединяются личный и общественный смысл академического труда).

В связи с этим мы обратимся не к детальному анализу работ «первооткрывателей повседневности» или их последователей, а к их ключевым идеям, позволяющим концептуализировать целостность, структурность и функциональность повседневных практик научного наставничества как особого элемента жизненного мира «академии».

Практики научного наставничества как часть жизненного мира академического сообщества

По мнению В. Вахштайна, сложились две исследовательские программы социологии повседневного мира: теория фреймов и теория практик [6]. Практико-ориентированные концепции повседневности дают нам возможность определить повседневные наставнические практики как «действия по привычке» (нерефлексируемые или слаборефлексируемые), объединяющие людей в силу действия общих, установленных в «академии» правил. Концепт практики снимает вопрос об антитезе объективного и субъективного во взаимодействии, что позволяет нам говорить о таком качестве наставнических практик, как целостность.

Отметим, что П. Бурдьё, развивая социологическую теорию практик, относил к ним широкий спектр социальных феноменов, а не только повседневные действия. В связи с этим возникает вопрос: всегда ли и все ли наставнические взаимодействия (особенно если они реализуются между НПП и студентом, а не зрелым аспирантом и докторантом) являются повседневными, с какой регулярностью они должны повторяться, чтобы мы могли их считать таковыми? Прояснить этот вопрос помогает обращение к этимологии слова «повседневный», которая предполагает два значения: 1) ежедневный и 2) будничный, обыденный [29, с. 520]. В исследовании наставнических практик данный вопрос — далеко не второстепенный. Он ставит задачу выявления их способности формировать и транслировать смыслы, значения, привычки в различных темпоральных режимах (регулярных/нерегулярных, плотных/разреженных). Предваряя анализ темпоральности наставнических практик, заметим, что регулярность взаимодействия (может быть, не ежедневность, но повторяемость через относительно небольшие равные промежутки времени) как раз и обеспечивает их целостность.

Таким образом, целостность наставнических практик означает соединение в них объективного и субъективного, личностного и общественного, ритмичности и непрерывности во времени. Можно охарактеризовать их целостность и через такое качество, как интегрированность в другие виды академической повседневной деятельно-

сти — преподавание и проведение исследований. Теория практик также указывает на важную методологическую особенность исследования наставнического взаимодействия: исследователь должен находиться *внутри* этих отношений или, по крайней мере, в той же среде и на тех же позициях, в которых находятся объекты микросоциологического наблюдения. Только такой инструмент позволяет увидеть и понять *целостность* как сущностную черту наставнических интеракций.

Содержание предметного поля микросоциологического анализа научного наставничества можно определить, опираясь на теоретические концепции, которые акцентируют внимание на разных структурных элементах повседневных практик. Мы попытались связать подходы к *структурированию* повседневных практик научного наставничества со способами проявления смыслов, «замкнутых» в наставническом взаимодействии. Не претендуя на строгую типологию таких способов, представим некоторые из них.

Первый — *пространственно-временной*, обоснованный в работах Э. Зерубавеля [51] и М. де Серто [12]. Как и любые иные виды повседневных практик, наставнические взаимодействия, все их структурные элементы проявляются в определенном пространственно-временном континууме. Повседневности академического взаимодействия присущи свои «архетипы пространственности и временности» [7, с. 11], которые тем не менее под влиянием современности трансформируются или «переупаковываются» в новые технологические форматы (например, в онлайн-наставничество). Так, время встреч наставника и наставляемого традиционно выведено из институционального времени — академического расписания — и часто не признает границ рабочего времени НПС. Оно полностью принадлежит взаимодействующим субъектам: их интересы, потребности, взаимные симпатии определяют частоту и длительность встреч, точно так же, как и в целом временной горизонт такого взаимодействия. Будет ли такое взаимодействие переходить от одного этапа к другому в академической биографии начинающего исследователя или останется только в памяти как фрагмент студенческих или аспирантских будней, во многом зависит от внутренних интенций субъектов взаимодействия.

Темпоральные структуры наставнических практик часто разворачиваются в парадигме обмена, хотя и не всегда эквивалентного. Их содержание складывается не только из «чистого времени» встреч, но и из ожиданий, опозданий, ускорений, форсирований, подстройки под разнообразные внешние темпоральные «интервенции» (сессии, дедлайны конференций, конкурсов, грантовой заявочной кампании и др.). Оценка взаимодействия наставника и наставляемого, его результатов может мыслиться ими именно в категориях времени, то есть через восприятие количества времени, которое было затрачено каждым

друг на друга. Темпоральность наставнических практик позволяет не только проявлять, но и транслировать элементы «большой» академической истории. В этом случае устные истории заменяют институциональные практики образования через лекции и учебники. Именно на такую особенность темпоральной связи между повседневностью и историей указывал Ф. Бродель [4].

Пространственная структура повседневных наставнических практик образует географию их многообразных локальностей — от аудитории и столика в кафе до парковой тропинки и виртуальной комнаты на онлайн-платформе. «Научные исследования, — отмечает Н.А. Иванова, — разворачиваются как в пространстве конференций, так и в курительных и чайных комнатах, изучение которых показывает, что наиболее важные высокоспециализированные навыки часто носят устный характер» [19, с. 82]. При этом посещение привычных мест «обитания» наставников и наставляемых сочетается с их передвижениями внутри городов, между городами, куда они направляются в командировки или на конференции, конкурсы, стажировки. Анализ разных пространств для интеракций дает возможность выявить не только наиболее частые места встреч, где взаимодействие более продуктивно, но и зоны пересечений академической жизни с другими повседневностями «академиков».

Топос наставнических взаимодействий так же, как и их время, интерпретируется как зона свободы от институциональных механизмов контроля, столь характерных для вузовской бюрократии. Принципы пространственно-временной самоорганизации деятельности здесь создают базовые условия для реализации творческого потенциала наставничества как важнейшего вида академической деятельности. В то же время пространство проявляет смыслы наставнического взаимодействия и конструирует свои разрешения и запреты. Как у М. де Серто, пешеход, осваивая городские тропы, то следует правилам, то нарушает их и создает свои, так и наставник в своем пространстве определяет значения места встречи и дистанции с наставляемым. В этом случае топографическую сетку наставнического взаимодействия можно понимать как особую его смысловую проекцию.

Следующий способ структурирования повседневных практик научного наставничества имеет *языковую природу*. Социолингвистические концепции повседневности (М. Хэллидей, Х.Г. Зёфнер) доказывают, что разговоры, тексты, речевые стили и нормы выступают структурирующими явлениями [45; 49]. Речевые элементы наставнических интеракций обладают собственными возможностями выражать смыслы через доминирование тех или иных практик — монолога, слушания, вопросов, прерываний, умалчиваний и даже молчания. Сама работа

с текстами начинающих исследователей представляет собой «тяжкое бремя» повседневной работы научного наставника. Чтение текстов, исправления, комментарии, устные пояснения, совместное писание — не просто элементы обучения академическому письму. Это ситуации когнитивного и эмоционального погружения друг в друга (с помощью языковых механизмов) двух жизненных миров, обладающих разными ментальными кодами.

Тексты представляют собой своеобразные «артефакты» повседневных наставнических практик. И это не только собственно научные тексты (рефераты, статьи, тезисы, конспекты и пр.), но и устные разговоры, переписка по электронной почте, в мессенджерах. Именно в речевой коммуникации формулируются и транслируются основные смыслы академического труда и закладываются механизмы их трансляции и понимания наставляемыми. На наш взгляд, языковые структуры академической повседневности наиболее чувствительны к различиям наставников и наставляемых, поэтому в них не только точки сопряжений, но и источники конфликтов, маркеры границ «свой — чужой». Соответственно, освоение языка академического взаимодействия (а он шире и богаче по набору коммуникативных средств, чем язык академических текстов) есть первичный способ освоения начинающими исследователями жизненного мира науки. Не случайно М. де Серто использовал сравнительную метафору пешеходной прогулки и речевой деятельности: пешеход шаг за шагом, как будто проговаривая слово за словом, осваивает пространство города. Экстраполируя эту метафору на наставнические практики, мы можем точно так же представить речевое взаимодействие научных наставников и их подопечных как научение формам освоения академического пространства.

Важным способом структурирования повседневных практик наставничества выступают *символические явления* в самом широком спектре: ритуалы и традиции, знаки, «дары», механизмы символического обмена, имена и наименования, совокупность норм этики и этикета. Символические структуры создают и поддерживают специфические роли наставника и наставляемого, помогают конструировать их «лица» (роли) и воспроизводят отношения неравенства в академической иерархии. Исследователи признают наличие ритуалов в научной среде — не только в сфере уникальных событий (защита диссертации) [13], праздничной культуры (присуждение наград) [11], но и в области обыденной жизни «академии» [5; 23].

Опираясь на идеи И. Гофмана о ритуалах как ключевых элементах повседневности, мы можем бесконечно долго анализировать интерактивные ритуалы «академии», то поднимаясь на макроуровень и изучая ритуалы дискуссий между научными школами и парадигмами, то опускаясь на микроуровень в многообразии повседневных повторяю-

щихся цепочек действий и взаимодействий. И общение наставников и наставляемых — часть такой ритуализированной повседневности, охватывающей приветствия/прощания, ссылки на авторитет наставника в устной и письменной речи, ритуалы выражения признания, дарения книг и автографов.

В таком символическом контексте наставнические интеракции могут быть проинтерпретированы как механизм передачи научного знания (шире — знаний об академическом сообществе) как дара, который может быть конвертирован в другие формы капитала подопечного [18]. Символической природой обладают практики научной экспертизы и самопрезентации ученых-наставников, дарения ими своих книг, получение от учеников различных символов признания — цитирований, цветов и пр. Потенциал объективации смыслов взаимодействия наставника и молодого исследователя присущ также ритуалам совместного приема пищи или питья чая (кофе). Такие трапезы в форме символических коммуникаций воспроизводят образцы отношений между субъектами наставнического взаимодействия.

Повседневные наставнические практики конструируются и поддерживаются не только символическими, но и *материальными структурами*. По мнению Б. Латура, материальные предметы обладают не меньшей возможностью структурировать повседневность, вбирать и объективировать ее смыслы. В связи с этим Б. Латур рекомендует социологам переключить внимание с людей и посмотреть на не-человеков, то есть вещную сторону повседневной жизни [28, с. 199–200].

Наставничество точно так же, как и другие социальные практики, обладает собственной «телесностью», образованной книгами, лабораторным и иным оборудованием, компьютерами и программным обеспечением, техническими средствами коммуникации. В условиях цифровизации академической среды даже офлайн-формат наставнических встреч становится материализацией их взаимодействий. «Вещные» носители символов наставнических интеракций (еда, книги, цветы, канцелярские принадлежности и пр.) соединяют материальный и символический пласты рассматриваемых практик.

Актуальность изучения материальных структур обусловлена трансформацией «орудий» научной деятельности. Электронные редакторы принципиально изменили привычные способы — традиционный машинописный текст, ручки и карандаши — академической работы с текстами, а значит, и характер наставнических взаимодействий. «Написанное пером» не тождественно тому, что напечатано в электронном документе. Первое приучает к «думанию», дисциплине, аккуратности логических построений. Второе позволяет писать, переписывать, использовать прием копипаста. Благодаря использованию записывающих устройств совершенно иными становятся практики консультирования и конспектирования.

Выделенные четыре способа структурирования повседневных практик научного наставничества — пространственно-временной, лингвистический, символический и вечно-материальный — разделены только методологически с целью построения логики микросоциологического изучения академической повседневности. В «живом» повседневном мире науки они слиты, что лишний раз доказывает его целостность. Теперь обратимся к *функциональным значениям* повседневных интеракций наставников и наставляемых.

Первое значение повседневных наставнических практик связано с действием механизма, соединяющего общественный и индивидуально-личностный уровни наставнической диады. Это продуцирование и трансляция смысла научного (шире — академического) труда от наставника к его подопечному. При этом мы исходим из той позиции, что существуют разные виды смыслов — глобальные и ситуационные. Первые связаны с так называемой «большой наукой», вторые — с «малой», то есть повседневным миром науки и научного сообщества. В повседневности мы не встречаемся с глобальным смыслом науки и академической профессии [32, с. 124], потому что он связан с абстрактными представлениями об их институциональных значениях или функционировании как подсистем общества. Соответственно, в наставнических интеракциях рождаются повседневные смыслы исследовательских практик как выражения забот исследователя-наставника, связанных с чтением и редактированием текстов, присланных учениками, подготовкой рекомендаций и формулированием задач для них на следующую встречу, разбором прочитанного/написанного, оформлением текстов, презентаций, обучением рутинной обработке данных, манипуляциям с лабораторным оборудованием, натаскиванием перед выступлением на конференции и пр. Но «большие» смыслы вырастают из этих «малых» забот, освоение которых означает для молодого исследователя превращение отдельных практик научного труда в привычные, рутинные действия. Проникновение в смысл науки и академической профессии происходит через присвоение учеником повседневного опыта научной работы.

Второе функциональное значение повседневных наставнических интеракций определяется их intersубъективной и коммуникативной природой и обеспечивает понимание начинающим исследователем той социальной реальности, которая конструируется наукой и академической средой. Но поскольку в этом взаимодействии сопрягаются два жизненных мира — профессионального ученого и студента/аспиранта-профана, — одновременно их интеракции ориентированы на взаимопонимание как «форму опыта в обыденном мире» [22, с. 48]. По мнению И.С. Шмерлиной, для концепта intersубъективности характерны семантика связующего начала и акцент на общности, связи с Другим [39, с. 10–11]. В таком контексте взаимопонимание

наставника и его ученика — это «разделяемое понимание» (“shared understanding”) субъективных состояний, число и пространство которых может увеличиваться вместе со «стажем» взаимодействия.

Третье значение повседневного взаимодействия наставника и ученика воплощается в седиментации приобретенного опыта, то есть «осаждении», закреплении приобретенных смыслов в знаниях и действиях [41, с. 156]. Основываясь на феноменологических идеях, мы можем утверждать, что седиментация смыслов наставнических практик обеспечивается языком, речевыми паттернами, которые формируют у молодых исследователей ментальные коды и ассоциации [50]. Благодаря седиментации опыта взаимодействия наставник и ученик воспроизводят специфические отношения, характеризующие «академию», — роли, статусы, ценности, неравенства и т. д.

Названные функции научного наставничества как мира повседневных практик специфично проявляются в действиях субъектов такого взаимодействия и имеют для каждого из них свои последствия. Их рассмотрение мы оставляем на будущее, в данной статье стремясь к выявлению тех аспектов функциональности повседневных наставнических практик, которые связывают, интегрируют разные поколения академического сообщества и делают эти практики частью их совместной «биографии».

Заключение

Кризис воспроизводства научно-педагогического сообщества российских вузов, по мнению С.А. Кугеля, связан с деформацией основ и стимулов воспитания и формирования молодого поколения ученых [26, с. 101]. Это вдохновляет исследователей на поиск решения проблемы в разных теоретических рамках, что дает надежду на нахождение нескольких источников сохранения «академии» как уникального социального феномена. Обращение к социологической теории повседневности направляет поиск к скрытым основаниям жизненного мира академического сообщества, частью которого являются наставнические взаимодействия НПР, студентов и аспирантов.

Предложенный теоретический подход апеллирует к источникам установления и сохранения межличностных связей и контактов наставников и наставляемых, воспроизводства и изменения нормативных границ их взаимодействия. Функционально структуры наставнической повседневности, представленные в нашей статье, направлены на конструирование общих смыслов таких интеракций и академической идентичности субъектов наставнической практики, выработку и закрепление у них рутинных привычек, из которых затем произрастает опыт «большого академического мира». Значит, теория повседневности помогает нам увидеть, на чем базируются успешные практики научного наставничества, какие условия академической

среды, поддерживающие повседневные структуры взаимодействия, нужно сохранять, культивировать уже на организационном уровне и учитывать при формировании институциональных моделей. Кроме того, именно такой микросоциологический взгляд показывает, в каких точках соприкосновения наставнической повседневности с другими пластами жизненного мира «академии» происходит их «конфликт» из-за различий в структурных и смысловых порядках. В частности, речь идет о столкновении рассматриваемых повседневных практик с бюрократизированной логикой институтов научного руководства, аспирантуры и дирижируемой «сверху» научно-исследовательской работой студентов. Теория повседневности указывает на роль научных наставников в университетах как акторов, сохраняющих этос академической профессии и передающих его новым поколениям «непосвященных» в непрерывном и незаметном потоке повседневной жизни.

Безусловно, научные наставники и молодые исследователи представляют собой только часть академического сообщества, отличающуюся глубокой вовлеченностью во взаимодействие, при этом наставники заслуживают эпитета «ученых-девиантов» [10]. Но тем больше их ценность для «академии», поскольку именно в роли и статусе наставников они создают особый пласт академической реальности, латентно участвующей не только в сохранении, но и в трансформации организационных и институциональных макроструктур высшей школы.

Репрезентируя часть научно-педагогического и студенческого сообществ, научные наставники и их подопечные представляют уникальный объект микросоциологического исследования, традиции которого были заложены классиками теории повседневности и теории повседневных практик. Как ни странно, социологи почти обошли своим вниманием научное сообщество, в отличие от философов, историков и культурологов, на чьи работы мы ссылались в этой статье. Эмпирическая методология социологии повседневности также указывает на то, что ее объект доступен исследователям, которые являются частью жизненного мира «академии».

Определяя перспективы теоретического и эмпирического микросоциологического изучения академического мира в целом и наставнических практик в его структуре, сошлемся на мнение Л.Г. Ионина. Он объявил «хорошей новостью» поворот современной социологии науки к парадигме повседневности: «...теперь наука и искусство перестали восприниматься как нечто отделенное от остальных сторон человеческого существования, особенное занятие, занятие богов-небожителей. “Башне из слоновой кости” пришел конец, но не в том смысле, что она рассыпалась, а в том, что она объяснилась и вписалась в окружающий ландшафт, и стало более или менее понятно, из какого материала она построена» [20, с. 297].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е.В. «Ловушка аудиторных часов» и новая модель образования // Высшее образование в России. 2017. № 2 (209). С. 63–69. EDN: XWWKWF
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. Биричева Е.В., Фаттахова З.А. Эффективность взаимодействия научного руководителя и аспиранта в вузе и в академии наук // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1 / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986. — 624 с. EDN: FUQOYR
5. Бурдьё П. Homo academicus / Пер. с фр. С.М. Гавриленко [и др.]; Под науч. ред. Е.В. Кочетыговой и Н.В. Савельевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 464 с.
6. Вахштайн В. «Практика» vs «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65–95. EDN: JWUSFF
7. Волков В.Н. Человек и его жизненные миры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. № 1. С. 7–27. EDN: OPATQZ
8. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 42–70. EDN: TWMRKJ
9. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект, 2003. — 525 с.
10. Гилинский Я.И. Самуилу Ароновичу Кугелю о С.А. Кугеле и науке // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 4. С. 13–21. EDN: TFTUKB
11. Губа К.С. “Merton college”: от концептуализации к эмпирической программе социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2. С. 130–145. EDN: UDUWFT
12. Де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38. EDN: JWUSGJ
13. Демина Н.В. Институционализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 1. С. 97–112. EDN: OWBZOX
14. Дивисенко К.С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 6–20. EDN: SAISHX
15. Ефимова Г.З. Барьеры на пути построения академической карьеры преподавателями высшей школы // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 4. С. 55–74. DOI: 10.15826/umpra.2021.04.036
16. Зборовский Г.Е. Плюрализм методологических подходов как проблема научного исследования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3. С. 6–15. EDN: UNVRMB

17. *Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010. — 410 с. EDN: RAZQYH
18. *Иванова Н.А.* Наука как социальная практика и ее габитуальное основание: Автореф. ... д-ра филос. наук. Томск, 2015. — 48 с.
19. *Иванова Н.А.* Повседневность науки: миф или реальность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4: в 2 ч. Ч. I. С. 80–84. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2014_4-1_20.pdf EDN: RZSPSL
20. *Ионин Л.Г.* Парадоксальный сон. М.: Университетская книга, 2005. — 320 с. EDN: QODXKX
21. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Юрайт, 2018. — 333 с. EDN: FKBRRB
22. *Ионин Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2004. — 367 с. EDN: QWNHXR
23. *Кирюшина М.А., Алексеева Я.И., Рудаков В.Н.* Преподавательские практики сотрудников вузов и научных организаций: информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2023. — 40 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2764-1
24. *Кефнер Н.В.* Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: Автореф. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. — 28 с. EDN: NNSEBZ
25. *Козлова Л.А.* «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестник Института социологии. 2014. № 10. С. 45–65. EDN: SPDLTD
26. *Кугель С.А.* Адаптация российских ученых к изменяющимся социально-экономическим условиям // Науковедение. 2002. № 1. С. 86–107. EDN: RXKEMN
27. *Курбатова М.В., Донова И.В.* Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (2). С. 122–14. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145 EDN: XRRWRF
28. *Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 199–222. EDN: TМХХNT
29. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Повседневность // Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994 [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: https://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%9F*&p-g=94&ind=N
30. *Петров М.К.* Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. — 512 с.
31. *Полякова И.В.* Современные концепции повседневности: анализ сущности и структура повседневного бытия людей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 83–91. DOI: 10.17223/1998863X/37/9 EDN: YLECPN

32. *Постникова Т.В.* Повседневность и смысл: опыт философско-антропологической археологии // *Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. Вып. III. М.: Современные тетради, 2005. С. 124–134. URL: <https://publications.hse.ru/en/chapters/56402237>*
33. *Рождественская Е.Ю.* Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 27–47. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.03 EDN: GSUFPZ*
34. *Сероштан М.В., Артамонова К.А., Акимова Г.З., Бережная Е.В., Сероштан Е.В.* Российская аспирантура: проблемы и ключевые факторы развития в контексте глобальных трендов // *Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 46–66. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-46-66 EDN: SUCUUG*
35. *Терентьев Е.А., Бедный Б.И.* Проблемы и перспективы развития российской аспирантуры: взгляд региональных университетов // *Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28 EDN: PFBWYF*
36. *Терентьев Е.А., Бекова С.К., Малошонок Н.Г.* Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // *Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 5. С. 54–66. DOI: 10.15826/umpra.2018.05.049 EDN: YVZMBF*
37. *Тощенко Ж.Т.* Жизненный мир и его смыслы // *Социологические исследования. 2016. № 1. С. 5–17. EDN: VSLWTD*
38. *Файман Н.С.* Неустойчивость условий занятости научно-педагогических кадров как фактор формирования академического прекариата // *Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С. 103–114. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00042 EDN: HROLLD*
39. *Шмерлина И.А.* Концептуальные ракурсы понятия интересубъективности // *Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.3.1 EDN: UFGZMX*
40. *Штомпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // *Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13. EDN: KTUKLJ*
41. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; [Пер. с нем. и англ.: В.Г. Николаев и др.; Сост. Н.М. Смирнова; Общ. и науч. ред., послесл. Н.М. Смирновой]. М.: РОССПЭН, 2004. — 1054 с. EDN: QWHEJL
42. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // *Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.*
43. *Щёлкин А.* Повседневность с «неповседневной» точки зрения // *Телескоп. 2016. № 5. С. 41–50. EDN: WNFCBL*
44. *Ядов В.А.* Два рассуждения о теоретических предпочтениях // *Социологический журнал. 1995. № 2. С. 70–72. EDN: TZJORP*
45. *Halliday M.A.K.* *An Introduction to Functional Grammar.* London: Arnold, 1985. — 387 p.

46. *Löfström E., Pyhäntö K.* What are ethics in doctoral supervision, and how do they matter? Doctoral students' perspective // *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2019. Vol. 64. No. 3. P. 1–16. DOI: 10.1080/00313831.2019.1595711
47. *Parker-Jenkins M.* Mind the gap: developing the roles, expectations and boundaries in the doctoral supervisor–supervisee relationship // *Studies in Higher Education*. 2018. Vol. 43. No. 1. P. 57–71. DOI: 10.1080/03075079.2016.1153622
48. *Sandberg J., Dall'Alba G.* Returning to practice anew: A lifeworld perspective // *Organizations Studies*. 2009. Vol. 30. No. 12. P. 1349–1368. DOI: 10.1177/0170840609349872
49. *Soeffner H.-G.* Order of Rituals: The Interpretation of Everyday Life. New York: Routledge, 2018. — 352 p. DOI: 10.4324/9781351293761
50. *Woelert P.* Human cognition, space, and the sedimentation of meaning // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 10. P. 113–137. DOI: 10.1007/s11097-010-9153-3 EDN: HNXDAL
51. *Zerubavel E.* Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago, London: University of Chicago Press, 2012. — 194 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

Дата поступления: 04.06.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 4. P. 77–99. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.4

Research Article

POLINA A. AMBAROVA¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
bl. 19, Mira str., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

INTEGRITY, STRUCTUREDNESS AND FUNCTIONALITY OF EVERYDAY PRACTICES OF SCIENTIFIC MENTORING AS A SUBJECT OF MICRO-SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. Scientific mentoring at universities can be viewed not only as a scientific and educational institution, but also as a sphere and method of face-to-face interaction, in the process of which the meanings and motivation of the mentor's and mentee's research activities are born. Such an approach towards studying scientific mentoring is justified by sociological concepts of everyday life, but their key provisions require adaptation to the problems of scientific mentoring. The idea of science as the everyday life world of university researchers is revealed through a micro-sociological perspective. The interaction of a scientific mentor and a mentee student is interpreted as an element of their life world and is examined through this interaction manifesting in everyday academic activities. The purpose of the article is to examine the integrity, structure (routine actions, the objective world, language, space and time, rituals, signs and symbols, informal traditions) and functionality of everyday practices of scientific mentoring

through the prism of sociological concepts of everyday life. A thesis is substantiated that everyday practices of interaction between a scientific mentor and mentee are a way of building and intergenerational translation of the meaning of research work and choice of academic profession.

Keywords: scientific mentoring; scientific mentors; mentees; everyday life; everyday mentoring practices; academic community; universities.

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291>.

For citation: Ambarova, P.A. Integrity, Structurality and Functionality of Everyday Practices of Scientific Mentoring as a Subject of Micro-sociological Analysis. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 77–99. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.4

REFERENCES

1. Balatsky E.V. “Trap of Classroom Hours” and a New Model of Education. *Vysshhee obrazovanie v Rossii*. 2017. No. 2 (209). P. 63–69. (In Russ.)
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. [Russ. ed.: *Traktat po sotsiologii znaniya*. Transl. from Eng. by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p.]
3. Biricheva E.V., Fattakhova Z.A. The Effectiveness of Interaction between Scientific Supervisors and Postgraduate Students at the University and at the Academy of Sciences. *Vysshhee obrazovanie v Rossii*. 2021. Vol. 30. No. 1. P. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-9-22 (In Russ.)
4. Braudel F. Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries: in 3 Vols. Vol. 1. [Russ. ed.: *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* V 3 t. T. 1. Transl. from French by L.E. Kubbel; Pref. and ed. by Yu.N. Afanasyev. V 3 t. T. 1. Moscow: Progress publ., 1986. 624 p.]
5. Bourdieu P. Homo academicus. [Russ. ed.: *Homo academicus*. Transl. from French by S.M. Gavrilenko [et al.]; Ed by E.V. Kochetygova, N.V. Savel'eva. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara publ., 2018. 464 p.]
6. Vakhstein V. “Practice” vs “frame”: alternative research projects of the everyday world. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2008. Vol. 7. No. 1. P. 65–95. (In Russ.)
7. Volkov V. N. Man and his life worlds. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke*. 2012. No. 1. P. 7–27. (In Russ.)
8. Garfinkel G. The study of habitual bases of everyday actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2002. Vol. 2. No. 1. P. 42–70. (In Russ.)
9. Giddens A. Organization of society: An essay on the theory of structuration. [Russ. ed.: *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii*. Transl. from Eng. by I. Tyurina. Moscow: Akademicheskii proekt publ., 2003. 525 p.]
10. Gilinsky Ya.I. To Samuel Aronovich Kugel about S.A. Kugel and science. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2014. Vol. 5. No. 4. P. 13–21. (In Russ.)
11. Guba K.S. “Merton college”: from conceptualization to the empirical program of sociology of science. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2015. No. 2. P. 130–145. (In Russ.)
12. De Certeau M. Walking around the city. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2008. Vol. 7. No. 2. P. 24–38. (In Russ.)
13. Demina N.V. Institutionalization in the community of scientists: defense of a PhD thesis as a rite of passage. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2005. No. 1. P. 97–112. (In Russ.)

14. Divisenko K.S. The lifeworld researches in social sciences. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2014. No. 1. P. 6–20. (In Russ.)
15. Efimova G.Z. Barriers to academic career development for university teachers. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2021. Vol. 25. No. 4. P. 55–74. DOI: 10.15826/umpa.2021.04.036 (In Russ.)
16. Zborovsky G.E. Pluralism of methodological approaches as a problem of scientific research. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2015. No. 3. P. 6–15. (In Russ.)
17. Zdravomyslov A.G. *Pole sotsiologii v sovremennom mire*. [The field of sociology in the modern world.] Moscow: Logos publ., 2010. 410 p. (In Russ.)
18. Ivanova N.A. *Nauka kak sotsial'naya praktika i ee gabitual'noe osnovanie: Avtoref. ... d-ra filos. nauk*. [Science as a social practice and its habitual basis: Abstract ... Dr. Philos. sciences'.] Tomsk, 2015. 48 p. (In Russ.)
19. Ivanova N.A. Everyday life of science: myth or reality. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. No. 4. Part. 1. P. 80–84. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2014_4-1_20.pdf (In Russ.)
20. Ionin L.G. *Paradoksal'nyi son*. [Paradoxical dream.] Moscow: Universitetskaya kniga publ., 2005. 320 p. (In Russ.)
21. Ionin L.G. *Sotsiologiya kul'tury*. [Sociology of Culture.] Moscow: Yurait publ., 2018. 333 p. (In Russ.)
22. Ionin L.G. *Filosofiya i metodologiya empiricheskoi sotsiologii*. [Philosophy and methodology of empirical sociology.] Moscow: NIU VShE publ., 2004. 367 p. (In Russ.)
23. Kiryushina M.A., Alekseeva Ya.I., Rudakov V.N. *Prepodavatel'skie praktiki sotrudnikov vuzov i nauch-nykh organizatsii: informatsionnyi byulleten'*. [Teaching practices of employees of universities and scientific organizations: newsletter.] Moscow: NIU VShE publ., 2023. 40 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2764-1 (In Russ.)
24. Kefner N.V. *Nauchnaya povsednevnost' poslevoennogo pokoleniya sovetskikh istorikov: Avtoref. ... kand. ist. nauk*. [Scientific everyday life of the post-war generation of Soviet historians: Abstract. ... candidate of Historical Sciences.] Omsk, 2006. 28 p. (In Russ.)
25. Kozlova L.A. The “Scientific School” in Scientific Policy and Social Research. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2014. Vol. 5. No. 3. P. 45–65. (In Russ.)
26. Kugel S.A. Adaptation of Russian scientists to changing socio-economic conditions. *Naukovedenie*. 2002. No. 1. P. 86–107. (In Russ.)
27. Kurbatova M.V., Donova I.V. Effective contract in higher education: some results of project implementation. *Journal of Institutional Studies*. 2019. No. 11 (2). P. 122–145. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145 (In Russ.)
28. Latour B. Where is the missing mass? Sociology of one door. *Sotsiologiya veshchei: Sbornik statei*. [Sociology of things: Collection of articles.] Ed. by V. Vakhshtain. Moscow: Izd. dom “Territoriya budushchego” publ., 2006. P. 199–222. (In Russ.)
29. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Everyday life. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the Russian language.] Moscow: Az publ., 1994. Accessed 05.11.2023. URL: https://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%9F*&p-g=94&ind=N (In Russ.)
30. Petrov M.K. *Istoriko-filosofskie issledovaniya*. [Historical and philosophical studies.] Moscow: ROSSPEN publ., 1996. 512 p. (In Russ.)
31. Polyakova I.P. The modern concept of everyday life, the analysis of the nature and structure of everyday life of people. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2017. No. 37. P. 83–91. DOI: 10.17223/1998863X/37/9 (In Russ.)

32. Postnikova T.V. Everyday life and meaning: the experience of philosophical and anthropological archeology. *Aspekty: Sbornik statei po filosofskim problemam istorii i sovremennosti. Vyp. III.* [Aspects: collection of articles on philosophical problems of history and modernity. Issue III.] Moscow: Sovremennye tetradi publ., 2005. P. 124–134. URL: <https://publications.hse.ru/en/chapters/56402237> (In Russ.)
33. Rozhdestvenskaya E.Yu. Women's academic career: work-life balance and imbalance. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny.* 2019. No. 3. P. 27–47. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.03. (In Russ.)
34. Seroshtan M.V., Artamonova K.A., Akimova G.Z., Berezhnaya E.V., Seroshtan E.V. Doctoral Studies in the Context of Global Trends: Problems and Key Factors of Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii.* 2022. Vol. 31. No. 5. P. 46–66. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-46-66 (In Russ.)
35. Terentev E.A., Bednyi B.I. Problems and Prospects for the Development of Doctoral Education in Russia: The View of Regional Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii.* 2020. Vol. 29. No. 10. P. 9–28. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28> (In Russ.)
36. Terentiev E.A., Bekova S.K., Maloshonok N.G. The crisis of postgraduate studies in Russia: what bears problems and how to overcome them. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz.* 2018. Vol. 22. No. 5. P. 54–66. DOI: 10.15826/umpa.2018.05.049 (In Russ.)
37. Toshchenko Zh.T. The life world and its meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2016. No. 1. P. 5–17. (In Russ.)
38. Faiman N.S. Instability of terms of employment of scientific and pedagogical personnel as a factor of formation of the academic precariat. *Narodonaselenie.* 2019. Vol. 22. No. 4. P. 103–114. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00042 (In Russ.)
39. Shmerlina I.A. Conceptual perspectives of the concept of intersubjectivity. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii.* 2022. Vol. 25. No. 2. P. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.3.1 (In Russ.)
40. Shtompka P. The focus of attention is everyday life. A new turn in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2009. No. 8. P. 3–13. (In Russ.)
41. Schuts A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom.* [Favorites: A world glowing with meaning.] Transl. from Germ. and Eng. by V.G. Nikolaev, et al.; Select. by N.M. Smirnova; Ed., afterword by N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN publ., 2004. 1054 p. (In Russ.)
42. Schuts A. The structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 1988. No. 2. P. 129–137. (In Russ.)
43. Shchelkin A. Everyday life from an “innocent” point of view. *Telescop.* 2016. No. 5. P. 41–50. (In Russ.)
44. Yadov V.A. Two arguments about theoretical preferences. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1995. No. 2. P. 70–72. (In Russ.)
45. Halliday M.A.K. *An Introduction to Functional Grammar.* L.: Arnold, 1985. 387 p.
46. Löfström E., Pyhältö K. What are ethics in doctoral supervision, and how do they matter? Doctoral students' perspective. *Scandinavian Journal of Educational Research.* 2019. Vol. 64. No. 3. P. 1–16. DOI: 10.1080/00313831.2019.1595711
47. Parker-Jenkins M. Mind the gap: developing the roles, expectations and boundaries in the doctoral supervisor–supervisee relationship. *Studies in Higher Education.* 2018. Vol. 43. No. 1. P. 57–71. DOI: 10.1080/03075079.2016.1153622
48. Sandberg J., Dall'Alba G. Returning to practice anew: A lifeworld perspective. *Organizations Studies.* 2009. Vol. 30. No. 12. P. 1349–1368. DOI: 10.1177/0170840609349872
49. Soeffner H.-G. *Order of Rituals: The Interpretation of Everyday Life.* New York: Routledge, 2018. 352 p. DOI: 10.4324/9781351293761

50. Woelert P. Human cognition, space, and the sedimentation of meaning. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 10. P. 113–137. DOI: 10.1007/s11097-010-9153-3
51. Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago, London: University of Chicago Press, 2012. 194 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina A. Ambarova — Doctor of Sociology, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22.

Email: borges75@mail.ru

Received: 04.06.2023.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.5

EDN: LQNJPI

Н.Л. РУСИНОВА¹, В.В. САФРОНОВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

ВЛИЯНИЕ СЕТЕВЫХ СТАТУСНЫХ РЕСУРСОВ НА ЗДОРОВЬЕ: ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме воздействия социальных отношений на здоровье людей. Одно из направлений исследования этой проблемы связано с анализом социального капитала — сетевых ресурсов, доступных индивиду для решения жизненных проблем. Теоретическое основание — концепция позиционного сетевого капитала Н. Лина, согласно которой знакомство с лицами, имеющими высокий профессиональный статус, обеспечивает индивиду доступ к важным для здоровья ресурсам и улучшает его состояние. Предшествующие работы, проводившиеся в отдельных странах в разных частях мира, в общем подтверждают это теоретическое положение, однако остается неясным, почему воздействие социального капитала варьирует в разных странах и связано ли это с контекстуальными факторами их социально-экономического развития и особенностей культуры. Для прояснения этих вопросов использовались опросные данные Международной программы социальных исследований (ISSP) 2017 г. для 30 стран мира и сведения (статистические и агрегированные) о различиях между ними. Результаты проверки теоретических представлений о зависимости состояния здоровья от доступных индивиду статусных сетевых ресурсов продемонстрировали, что такие ресурсы действительно играют важную роль, способствуя сохранению здоровья. Было также показано, что влияние на здоровье статусного социального капитала зависит от культурного контекста и с большей отчетливостью проявляется при широком распространении в обществе доверия к людям.

Ключевые слова: самооценки здоровья; позиционный социальный капитал; влияние социального капитала на здоровье; общественный контекст; культура доверия; страны мира; ISSP 2017.

Для цитирования: Русина Н.Л., Сафронов В.В. Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье: значение культуры доверия между людьми //

Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 100–122. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.5 EDN: LQNJPI

Здоровье и статусные ресурсы социального капитала: характеристика исследований

Статья посвящена одной из важнейших проблем современной социологии здоровья — значимости для здоровья и благополучия социальных отношений, социальной среды, в которой живут и взаимодействуют люди, их социального капитала. Исследования, посвященные влиянию этих отношений на здоровье [8; 25; 31], развивались в двух основных направлениях, отражающих теоретические воззрения на природу социального капитала. Одно из них связано с «интеграционной» трактовкой, предложенной Дж. Коулманом [7] и Р. Патнэмом [28; 29], согласно которой социальные взаимодействия опираются на моральные нормы доверия и взаимности, обеспечивающие сплоченность и сотрудничество. Социальный капитал главным образом характеризует сообщества людей и служит общественному благу, но признается и его важность для индивида. В другом направлении внимание сосредоточивается на изучении сетевых ресурсов, в фокусе — структура социальных сетей и содержащиеся в них ресурсы. Индивиды, получающие доступ к таким ресурсам, могут использовать их для личного блага. Такое понимание социального капитала, отражая идеи П. Бурдьё [5], А. Портеса [27] и Н. Лина [19], сопряжено с социологической традицией исследования стратификации. Социальный капитал, как и другие формы капитала — экономический, человеческий, культурный, неравномерно распределяется в обществе и обеспечивает воспроизводство структурных неравенств [26; 43].

Большая часть исследований в области здоровья опираются на интеграционную и сетевую концептуализации социального капитала. Было показано, что положительные результаты для здоровья действительно связаны с межличностным доверием, общением с друзьями, родственниками, коллегами или соседями и участием в формальных ассоциациях, а также с поддержкой, обеспечиваемой окружающими людьми (см. обзоры [15; 33]). Исследования связи между социальным капиталом и здоровьем в нашей стране остаются немногочисленными ([1; 3; 4], см. обзор отечественных и зарубежных работ [2]). Они показывают, что отношения между людьми играют важную роль в поддержании самочувствия и отчасти объясняют социальные неравенства в здоровье. Эти исследования заслуживают дальнейшего развития с учетом современного состояния теории и методологии анализа зависимостей между здоровьем, социальной структурой и социальным капиталом. Важное значение имеют и сравнительные межстрановые исследования, в которых ставится задача выяснить, какие контекстуальные обстоятельства — уровень экономического развития, со-

стояние социального государства, особенности культуры — влияют на специфическое для России проявление зависимости здоровья от социального капитала.

В последнее десятилетие происходило дальнейшее развитие сетевой парадигмы — проводился углубленный анализ структуры индивидуальных социальных сетей и обеспечиваемой ими поддержки, доступа к материальным благам и иным ресурсам, необходимым для поддержания здоровья (жилье, услуги здравоохранения и образования, связи с полезными людьми, а также информация, помогающая в решении проблем) [22]. Эти исследования опирались на ресурсно-сетевую теорию социального капитала, разработанную Н. Лином [17; 19]. Лин определяет социальный капитал как «ресурсы, встроенные в социальную структуру, которые посредством целенаправленного действия становятся доступными и могут использоваться»; этот капитал иерархическую структуризацию социальных позиций и зависит от образования, профессии, денег, власти [19, р. 29]. Индивиды, занимающие неодинаковые позиции в социально-экономических иерархиях, устанавливают, как правило, отношения с другими людьми, схожими с ними по основным характеристикам — образованию, социально-экономическому статусу, ценностям и социальным установкам [18]. Такая гомофилия отношений способствует укреплению сложившихся социальных неравенств, однако индивидуальная активность, направленная на установление отношений с лицами, имеющими более высокое положение в обществе, может позволить индивиду воспользоваться важными для здоровья ресурсами, которыми распоряжаются такие сетевые партнеры, что в конечном счете будет способствовать улучшению его физического и психического здоровья.

В методологии анализа статусного социального капитала¹ важную роль играет предложенный Н. Лином специальный опросный инструмент — position generator, или измеритель статусных позиций в сети [20; 21]. Респондентам предлагается указать, есть ли среди их знакомых люди, имеющие профессии из предложенного списка, в который включаются распространенные специальности с низкими, средними и высокими статусами. Предполагается, что профессиональный статус адекватно отражает распределение важных ресурсов в обществе и что контакты с лицами определенного профессионального уровня открывают доступ к имеющимся в их распоряжении ресурсам. В исследованиях использовались достаточно обширные и сокращенные списки профессий, которые могли различаться по престижу, объективным

---

¹ Далее понятия «статусный социальный капитал», «статусный капитал», «социальный статусный капитал», «позиционный капитал» и «позиционный статусный капитал» используются как синонимы (ради стилистического разнообразия).

классификациям или классовым признакам [41]. Для измерения *позиционного социального капитала* применялись такие показатели, как высший профессиональный статус сетевого партнера, низший его статус, разница этих статусов, средний статус лиц в сети респондента, число профессий среди близких или знакомых, а также генерализованный индекс, отражающий факторное решение для ряда таких показателей.

В работах, посвященных влиянию сетевых ресурсов на здоровье, выделяется ряд физиологических, психологических и социальных механизмов, которые позволяют получить доступ к высококачественному медобслуживанию и разнообразной медицинской информации, поощряют здоровый образ жизни, укрепляют иммунную систему, снижают подверженность стрессу и относительную депривацию, способствуют чувству социальной принадлежности, укрепляют самоуважение, уверенность в своих силах и контроле над обстоятельствами, а также влияют на значимые для здоровья условия (хорошая работа, жилье и пр.) [37].

Проведенные в различных регионах мира — Европе, Америке, Юго-Восточной Азии — эмпирические исследования (с использованием измерителя статусных позиций в сети) свидетельствуют, что теоретические положения концепции позиционного социального капитала подтверждаются выявленными фактами — знакомство с высокостатусными людьми действительно ведет к улучшению здоровья и стимулирует поведение, способствующее его укреплению [22; 33; 37]. Так, индивиды, имеющие многочисленных, разнообразных и высокостатусных сетевых партнеров, отличаются более высокой самооценкой здоровья, лучшими медицинскими знаниями и навыками поиска соответствующей информации, не склонны к курению, депрессии, гиподинамии, реже страдают от избыточного веса и гипертонии [6; 13; 24; 32; 36; 38; 42; 44]. В то же время в альтернативной теории социальных издержек [37; 39; 40] отмечается, что в указанных исследованиях могут недооцениваться возможные негативные последствия для здоровья, обусловленные невыигрышными сравнениями с высокостатусными сетевыми партнерами, не соответствующей ожиданиям поддержкой с их стороны и обременительными затратами на установление и поддержание разноуровневых связей [23; 34]. Считается, что общение с людьми с более высоким статусом может нанести ущерб здоровью, уменьшая психологические ресурсы, снижая самооценку, нарушая взаимность и провоцируя стрессовые реакции и рискованное поведение [23; 24; 34]. Эмпирические подтверждения этих положений были получены при изучении депрессивной симптоматики, да и то не во всех странах [16; 23; 32; 34; 38; 45].

Представленный обзор исследований показывает, что различия в здоровье индивидов в определенной мере обусловлены наличием позиционного социального капитала: оно хуже при дефиците последнего

и лучше, когда у человека есть знакомые с высоким общественным положением. Правда, результаты таких исследований, полученные в разных странах мира, могут существенно различаться и не поддаются генерализации, отчасти вследствие методологических различий, включая особенности выборочных совокупностей, анализируемые показатели здоровья, расхождения в перечнях профессиональных позиций, использование неодинаковых показателей социального капитала и разных контролируемых переменных. Кроме того, различия между странами могут быть связаны и с сущностными причинами — не исключено, что эффекты позиционного капитала для здоровья более отчетливо проявляются в определенных общественных контекстах. Контекстуальные факторы различий между странами по социально-экономическому развитию и культуре могут способствовать проявлению или сглаживанию индивидуальных зависимостей между этим капиталом и здоровьем. Однако эта сторона проблемы остается еще практически неисследованной. Среди редких исключений можно указать анализ влияния социальных ресурсов индивида на здоровье в зависимости от выраженности в обществе экономических неравенств [10], а также на недавние работы (где сравнивались Соединенные Штаты, Китай и Тайвань [34; 39]), продемонстрировавшие, что объяснительные возможности теории статусного социального капитала, как и отдельных аргументов теории социальных издержек, зависят от страны и, возможно, обусловлены культурой [35].

Задачи, предположения и методы исследования

В настоящем исследовании предполагается преодолеть отмеченные недостатки и лакуны предшествующих работ путем проведения сравнительного анализа большой группы стран из разных частей мира, которые изучались с помощью единой опросной методологии. Его результаты помогут прояснить, действительно ли сетевые статусные ресурсы, на которые может рассчитывать человек, способствуют улучшению его самочувствия и в каких общественных условиях проявляется такая зависимость. Сравнительное изучение эффектов влияния статусного капитала на здоровье позволит сделать вывод о том, с чем связаны различия эффектов — с социально-экономическим развитием стран, сложившимися в них доходными неравенствами или же с культурными особенностями.

По одному из наших предположений, статусный социальный капитал в соответствии с теорией Н. Лина должен оказывать на самочувствие людей положительное влияние. Другое предположение состоит в том, что такое влияние является неодинаковым в разных странах мира. Поскольку сильное негативное воздействие на здоровье оказывает материальная депривация, связанная с недостатком важных для его поддержания ресурсов и невыигрышными социальными сравне-

ниями, в развитых обществах при ее снижении все большее значение приобретают социальные и психологические детерминанты, в том числе, вероятно, и интересующий нас социальный капитал. Однако не лишено смысла и обратное предположение о более отчетливой связи этого капитала с самочувствием в менее развитых странах, при высоких уровнях доходных неравенств. Именно в таких странах дополнительные социальные ресурсы могут оказаться более важными для поддержания здоровья населения, страдающего от материальной депривации.

Другое соображение о роли контекстуальных факторов для проявления сетевых статусных эффектов, связанных с поддержанием здоровья, принимает во внимание культурные особенности стран. Можно также предположить, что статусный капитал более важен для здоровья в индивидуалистической западной культуре, сочетающей ориентации на индивидуальные достижения с проницаемостью социально-статусных границ, чем в коллективистской культуре, опирающейся на длительные тесные взаимодействия в рамках социального круга. Это предположение проверялось в настоящем исследовании. Кроме того, наши допущения о контекстуальных культурных эффектах базируются на теории Р. Патнэма, согласно которой доверие между людьми является важнейшим условием их социальных взаимодействий. В странах, где широко распространено доверительное отношение к людям, можно ожидать более выраженного влияния статусного капитала на здоровье, тогда как при свойственном культуре недоверии между людьми даже знакомство с высокостатусным партнером в сети едва ли может способствовать мобилизации ресурсов человека и улучшению его самочувствия. Выбор этих аспектов культуры обусловлен как их теоретической релевантностью проблеме, так и трудностями поиска иных адекватных индикаторов культуры, которые бы характеризовали все изученные страны.

В настоящем исследовании использовались данные репрезентативных массовых опросов, выполненных в 2017 г. по проекту International Social Survey Program, ISSP (см.: <https://www.gesis.org/en/issp/modules/issp-modules-by-topic/social-networks/2017> Дата обращения 15.05.2023.). Именно в этом году в фокусе внимания исследователей была проблема «социальных сетей и социальных ресурсов» [12]. Опросы проводились в 30 странах мира² с различными уровнями социально-экономического развития и разной культурой.

---

² Австралия, Австрия, Китай, Тайвань, Хорватия, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Исландия, Индия, Израиль, Япония, Литва, Мексика, Новая Зеландия, Филиппины, Россия, Словакия, Словения, ЮАР, Испания, Суринам, Швеция, Швейцария, Таиланд, Великобритания, США.

Для измерения здоровья респондентам был задан хорошо себя зарекомендовавший вопрос с вариантами ответа: «Как Вы оценили бы в целом свое здоровье (имеется в виду и физическое, и психическое здоровье)? <...> 1) отличное, 2) очень хорошее, 3) хорошее, 4) удовлетворительное, 5) слабое» (в отличие от распространенного варианта с симметрией плохое/хорошее, здесь больше градаций хорошего самочувствия, что сделано ради более точного измерения — число тех, кто сообщает, что здоровье очень плохое, довольно мало).

В ISSP 2017 для измерения сетевых статусных ресурсов (position generator) респондентам предлагалось указать, есть ли среди их близких, друзей или знакомых представители следующих десяти профессий: водитель автобуса или большегрузной машины; директор крупной компании; уборщица; парикмахер; менеджер по подбору персонала; адвокат, юрист; автомеханик; медсестра; сотрудник полиции; школьный учитель [14]. Выбор этих профессий при разработке анкеты был обусловлен стремлением найти общие для многих стран показатели, удовлетворяющие требованию межстрановой сопоставимости. Следуя методологическим указаниям разработчиков «измерителя позиций», мы приписывали каждой профессии баллы по стобалльной шкале Международного социально-экономического индекса профессионального статуса (International socio-economic index, ISEI, который рассчитывался по сведениям International Standard Classification of Occupation 2008, ISCO-08, см. [9]). Так, профессия адвоката, юриста получает самый высокий балл, равный 85, директора крупной компании — 70 баллов, менеджера по подбору персонала — 69, а школьного учителя — 67,5 балла. У уборщицы оказывается самая низкая оценка — 16 баллов, несколько выше значение для парикмахера — 29, водителя — 32 и автомеханика — 34, наконец, ближе к середине ранжированного списка располагаются профессии медсестры — 40,5 и полицейского — 50 баллов. Для фиксации сетевых статусных ресурсов в данной работе используется важнейший из применяемых нашими предшественниками индикаторов, который непосредственно свидетельствует о возможности обращения индивида к ресурсам лиц с высоким общественным положением, — показатель самого высокого профессионального статуса у человека, принадлежащего к кругу семьи, друзей или знакомых (если у респондента нет близких или знакомых с указанными профессиями, показатель равен нулю).

Влияние этого показателя социального капитала на здоровье проверялось при контроле социальной демографии — переменных, которые оказывают определяющее воздействие на состояние здоровья, включая пол, возраст и образование (контролировались и другие переменные — профессия, субъективные доход и общественное положение, что принципиально не меняло выявляемых зависимостей).

С целью проверки предположения о контекстуальной обусловленности воздействия статусного капитала на здоровье был использован ряд показателей, характеризующих изучавшиеся в ISSP страны по социально-экономическому развитию (ВВП на душу населения³, коэффициент Джини⁴ и государственные расходы на здравоохранение в долларовом исчислении на душу населения⁵), а также — по особенностям культуры. Культурные различия обществ фиксировались по индексу индивидуализма Г. Хофстеде, который упорядочивает страны по степени выраженности в их культуре коллективистских или индивидуалистических начал⁶.

Кроме того, культурные различия, согласующиеся с концепцией социального капитала Р. Патнэма, вычислялись при агрегировании индивидуальных ответов на анкетный вопрос о доверии людям: «В целом Вы бы сказали, что людям можно доверять или что осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает? <...> 1) практически всегда людям можно доверять, 2) обычно людям можно доверять, 3) обычно осторожность в отношениях с людьми не мешает, 4) практически всегда осторожность в отношениях с людьми не мешает». Индекс культуры доверия в стране — это доля участников опроса, полагающих, что всегда или обычно людям можно доверять.

Дескриптивная статистика для переменных, которые используются в нашем анализе, представлена в таблице 1. Как показывает средняя оценка состояния здоровья, большинство опрошенных полагают, что оно хорошее или даже очень хорошее, однако немало и тех, кто дает ему как более низкую, так и более высокую оценку. Показатель статусного социального капитала оказался в среднем неожиданно высоким — в социальных сетях очень многих респондентов были лица с профессиональными статусами из верхней части их упорядоченного списка. (На это повлиял сделанный разработчиками данного блока анкеты отбор профессий, например, многие знакомы со школьными учителями, если их дети еще учатся, или — особенно в развитых правовых государствах — с адвока-

---

³ World Bank, GDP per capita, PPP, constant 2017 international \$, см.: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (accessed 16.05.2023).

⁴ World Bank, Gini index, см.: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?most_recent_value_desc=false (accessed 16.05.2023).

⁵ World Health Organization, Current health expenditure per capita in US\$, см.: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.GHEDCHEpcUSSHA2011?lang=en> (accessed 16.05.2023).

⁶ О теории культуры, разрабатываемой этим аналитиком, см.: [11]; данные для стран доступны на его сайте: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/> (accessed 17.05.2023).

тами и юристами.) Тем не менее далеко не все знакомы с такими персонами — обнаруживается отчетливая дисперсия статусного социального капитала.

Таблица 1

Дескриптивная статистика для изучавшихся переменных

Переменные	mean	s.d.	min	max	N
Оценка состояния здоровья (отличное — плохое)	2,76	1,09	1	5	42 427
Пол (Ж = 0, М = 1)	0,48	0,50	0	1	42 724
Возраст (лет)	47,53	17,69	15	103	42 649
Образование (лет)	11,96	4,44	0	25	42 771
Достижимый статус среди близких, знакомых	67,45	23,03	0	85	42 486
Культура доверия (доля доверяющих людям, %)	50,44	15,46	21	82	30

Статистический анализ осуществлялся методами регрессионного анализа и двухуровневого иерархического моделирования (Hierarchical Linear and Non-Linear Models, HLM, см.: [30]). На индивидуальном уровне исследовались зависимости оценок респондентами своего здоровья от статусного социального капитала при контроле социальной демографии, а на контекстуальном уровне — различия между странами по развитию экономики социального государства и доходным неравенствам, а главное — по культуре доверия. Были построены модели со случайными коэффициентами, характеризующими влияние на самооценки здоровья статусного социального капитала и социальной демографии, и с модерациями таких влияний контекстуальными факторами. Переменные индивидуального уровня преобразованы — им приписаны оценки от 0 до 1, а факторы второго уровня центрированы относительно средних значений и выражены в стандартных отклонениях.

Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье в России

Предварительный анализ воздействия сетевых статусных ресурсов на здоровье показывает, что в ряде стран они действительно, как и ожидалось, способствуют его улучшению. Оценки оказываются выше, даже после контроля социальной демографии, у тех людей, которые сообщали, что среди их близких, друзей или знакомых есть персоны с высоким профессиональным статусом. Для иллюстрации этой зависимости рассмотрим результаты, характеризующие Россию.

В таблице 2 приведены регрессионные коэффициенты, полученные при рассмотрении зависимости самооценок здоровья от показателя наибольшего сетевого статуса. При этом данный показатель в сети

разбит на четыре категории: низкий (до шкальной ISEI (International Socio-Economic Index of Occupational Status) оценки в 34 балла) — к этой категории относятся 14% респондентов, ниже среднего (от 34 до 50 баллов) — 11%, выше среднего (68–70 баллов) — 36% и очень высокий (85 баллов — юрист, адвокат) — 39%. Как и среди всех респондентов из 30 изученных стран, большинство российских опрошенных, составляющих три четверти выборки, оказались знакомы с лицами, профессиональное положение которых было выше среднего по статусной шкале. Но у четверти респондентов такие знакомства отсутствовали, что позволяет произвести интересующие нас сравнения.

Таблица 2

Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье в России

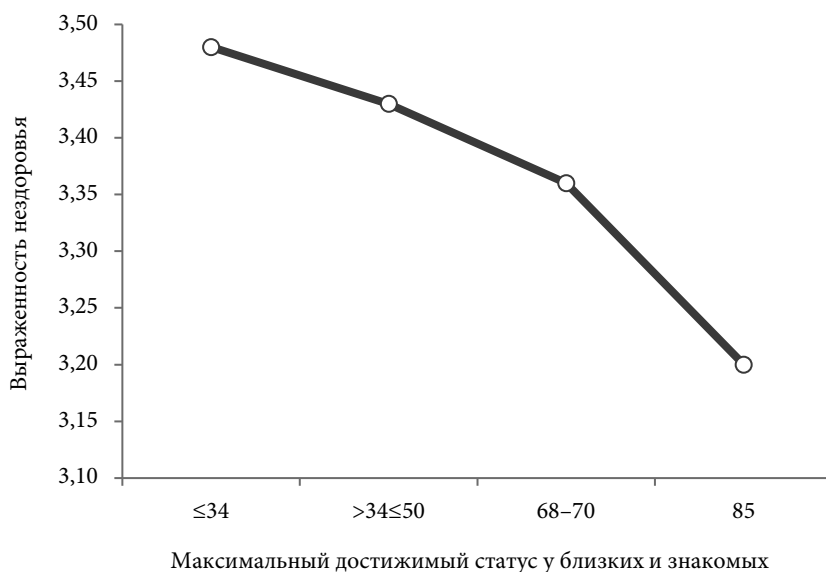
Независимые переменные	B
Intercept	2,52***
Пол (Ж = 0, М = 1)	-0,14***
Возраст (<i>лет</i>) [0, 1]	2,11***
Образование (<i>лет</i>) [0, 1]	-0,11
Наивысший статус близких, знакомых (по ISEI)	
Низкий (не выше 34 баллов)	0,29***
Ниже среднего (от 34 до 50 баллов)	0,24***
Выше среднего (68–70 баллов)	0,17***
<i>Высокий (85 баллов) (референтная категория)</i>	
Adjusted R ²	0,27

Примечание: ISSP 2017, Россия, GLM Univariate Analysis; зависимая переменная — самооценки состояния здоровья (1 — прекрасное, 5 — плохое). N = 1579. Уровень значимости: *** p < 0,001.

Регрессионные коэффициенты свидетельствуют о том, что с понижением профессиональных статусов лиц, с которыми респонденты поддерживают отношения, происходит постепенное ухудшение самочувствия последних (коэффициенты с положительными знаками, поскольку, напомним, используется шкала самочувствия с градацией от «отличного» к «плохому»). Несмотря на высокую статистическую значимость этих различий (p < 0,001), добавление в уравнение регрессии нашего показателя социального капитала (решение с одними социально-демографическими переменными не приводится) лишь незначительно улучшает ее объяснительные возможности (в процентном выражении Adjusted R² улучшается на один пункт). Это отчасти объясняется довольно тесными корреляционными связями данного показателя с переменными социальной демографии — по мере увеличения возраста статусный капитал сокращается (Pearson's r = -0,20, p < 0,001),

а с повышением образования — накапливается (Pearson's $r = 0,23$, $p < 0,001$). Надо полагать, что статусный капитал наряду с прямым воздействием на здоровье влияет на него и косвенно, являясь медиатором возрастных и образовательных эффектов: ухудшение здоровья с возрастом отчасти обусловлено утратой этого капитала, а его улучшение по мере повышения образования — с обретением статусных знакомств.

В целом можно сказать, что в России сетевые ресурсы высокого статуса благоприятно сказываются на здоровье, однако такая зависимость проявляется не очень отчетливо. Это заключение иллюстрирует рисунок 1, построенный по регрессионной модели, приведенной в таблице 2.

Рис. 1. Влияние статусного социального капитала на здоровье в России

Как видно на рисунке, самочувствие опрошенных (при средних значениях в социально-демографических срезах) постепенно улучшается (ниже становится показатель выраженности нездоровья) по мере того, как повышается профессиональный статус их близких или знакомых.

Влияние статусного социального капитала на здоровье: результаты двухуровневого моделирования

Результаты двухуровневого иерархического моделирования, выполненного для определения выраженности влияния на здоровье сетевых статусных ресурсов в 30 странах мира и объяснения различий между ними, приведены в таблице 3.

Модель 1 показывает, что в данных странах такое влияние (как и воздействие переменных социальной демографии) было неодинаковым: в одних странах большим, в других меньшим, причем дисперсия для переменной наибольшего статуса близких, знакомых оказалась статистически значимой на высоком уровне ($p < 0,001$). Попытки объяснить на втором уровне эту дисперсию с помощью показателей экономического и социального развития стран или доходных неравенств к успеху не привели: интеракции индивидуального статусного капитала с ВВП на душу населения, индексом Джини и государственными расходами на здравоохранение в душевом исчислении оказались более чем скромными и статистически незначимыми (модели не приводятся).

Таблица 3

Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье и культура доверия

Фиксированные эффекты	Модель 1	Модель 2
Intercept	2,74***	2,75***
Уровень 1 (индивиды)		
Пол (Ж = 0, М = 1)	-0,07***	-0,07***
Возраст (лет) [0, 1]	1,50***	1,52***
Образование (лет) [0, 1]	-0,84***	-0,85***
Наибольший статус близких, знакомых [0, 1]	-0,36***	-0,35***
Уровень 2 (страны)		
Культура доверия (s.d.)		-0,14*
Интеракции между уровнями		
Пол x культура доверия		0,03*
Возраст x культура доверия		-0,31*
Образование x культура доверия		0,13
Наибольший статус x культура доверия		-0,21**
Случайные эффекты		
	Дисперсии	% Explained
Intercept	0,10026***	17
Пол	0,00132	33
Возраст	0,61173***	14
Образование	0,13702***	8
Наибольший статус близких, знакомых	0,08641***	43

Примечание: ISSP 2017, двухуровневые линейные модели со случайными коэффициентами, робастными стандартными ошибками; зависимая переменная — самооценки состояния здоровья (1 — прекрасное, 5 — плохое). N1 (индивиды) = 41 156, N2 (страны) = 30. Уровни значимости: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Большую объяснительную силу продемонстрировали культурные различия между странами. Рассматривались интеракции сетевого статусного капитала с двумя контекстуальными факторами: показателем индивидуалистической/коллективистской культуры и культуры доверия между людьми. Хотя интеракция переменной сетевого статусного капитала с индексом индивидуализма Г. Хофстеде оказалась статистически значимой (это свидетельствует о том, что его воздействие на здоровье с чуть большей определенностью проявлялось, как мы и предполагали, в индивидуалистических, а не в коллективистских обществах (к последним принадлежит и Россия)), эта модерация была все же достаточно слабо выраженной, неустойчивой и могла исчезнуть при изменении спецификации двухуровневой модели (результаты моделирования не приводятся).

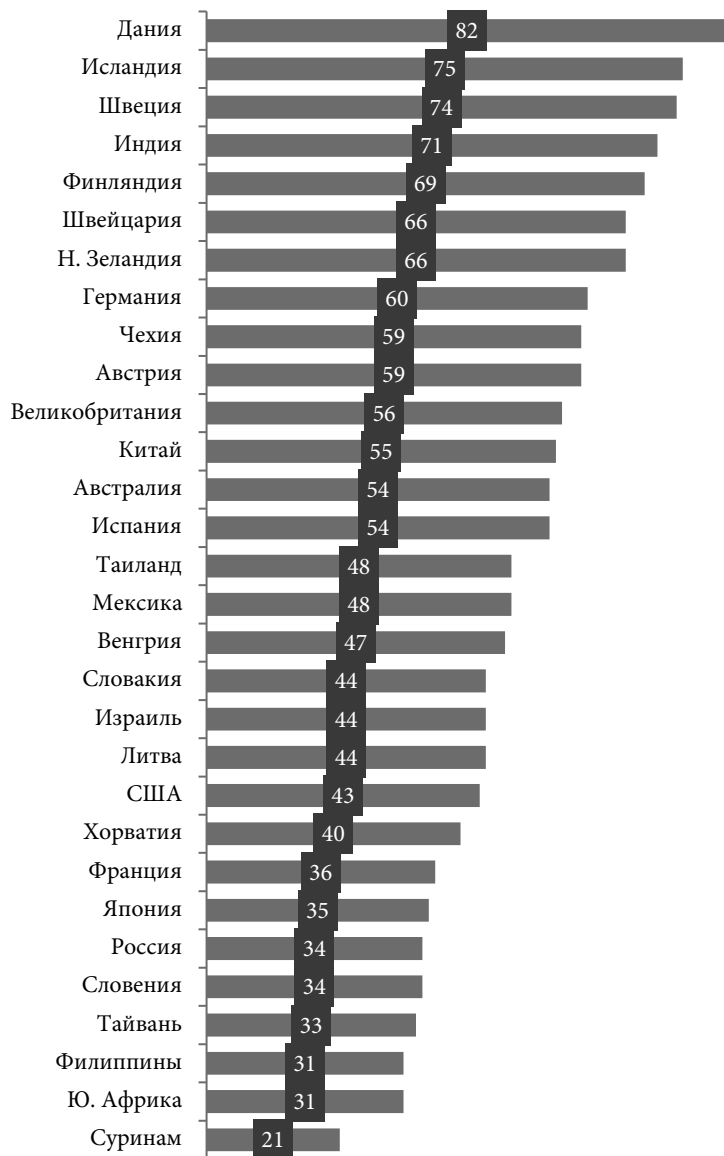
Наиболее интересные результаты были получены при проверке гипотез о контекстуальной обусловленности позитивных воздействий статусных сетевых ресурсов на здоровье в культурах с низкой и высокой распространенностью доверительного отношения к людям. Изученные 30 стран очень сильно различаются по этому признаку (рис. 2).

Так, в Дании, Исландии, Швеции, как и во многих других развитых странах, преобладающая часть граждан с доверием относятся к другим людям — значение индекса превосходит две трети, а в датском обществе достигает 82%. На противоположном культурном полюсе — страны с широко распространенным недоверием. Среди них Суринам, ЮАР, Филиппины, Тайвань, в которых индекс доверия не превышает трети, причем в первой из этих стран показатель культуры доверия лишь 21%. К этой группе примыкают и некоторые посткоммунистические общества, включая Россию с индексом, равным 34%.

Модерация зависимости между оценками состояния здоровья и статусным социальным капиталом, связанная с культурой доверия, нашла отражение в модели 2 (см. табл. 3). Этот фактор позволяет объяснить 43% дисперсии, характеризующей неодинаковую выраженность данной зависимости в рассмотренных странах. Коэффициент для интеракции переменных наибольшего статуса близких, знакомых и культуры доверия ($-0,21$, $p < 0,01$) указывает, что социальный капитал становится все более важным для поддержания здоровья по мере расширения доверительных отношений в обществе.

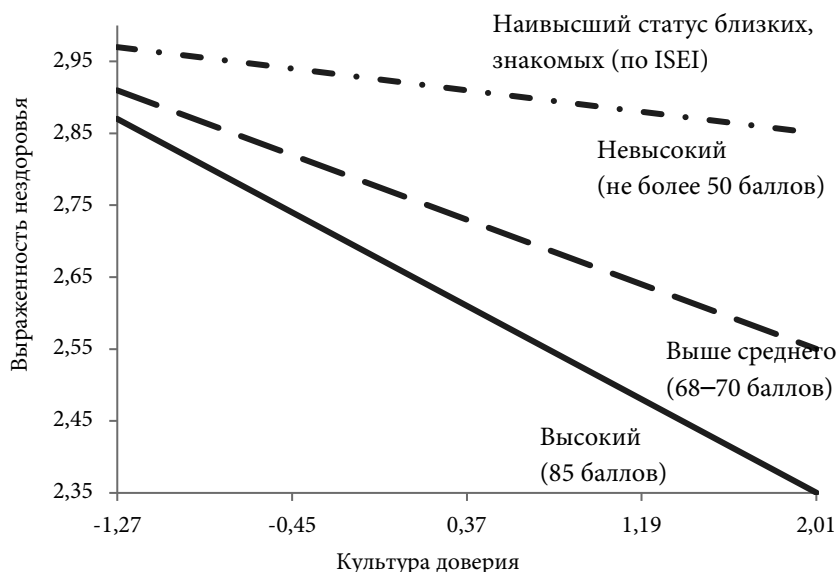
Графическое представление культурной модерации, аналогичной модели 2, но полученной при разбиении достижимого в сети профессионального статуса на три категории (невысокий — до 50 баллов по шкале ISEI, выше среднего — 68–70 и высокий — 85 баллов), приведено на рисунке 3.

Рис. 2. Культура доверия в странах ISSP, %

Примечание: Показатели — доли респондентов, полагающих, что людям можно доверять (почти всегда или обычно).

Рис. 3. Зависимость здоровья от статусного сетевого капитала и культуры доверия

Примечание: ISSP 2017, 30 стран, 41 156 респондентов; двухуровневое моделирование (при средних значениях контрольных переменных: пола, возраста, образования).

Наличие лица с высоким общественным положением в сети респондента способствует улучшению его самочувствия, причем в странах, где распространено недоверие к людям, такой эффект выражен неотчетливо (рис. 3). В обществах же с высоким уровнем доверия разрыв между показателями здоровья тех, у кого есть знакомые с высоким профессиональным положением, и тех, у кого таковых нет, довольно заметен. Эти зависимости статистически значимы на высоком уровне и фиксируют отчетливые различия в самооценках здоровья, обусловленные воздействием статусного социального капитала.

Заключение

Данное исследование, нацеленное на проверку теоретических предположений о зависимости состояния здоровья индивида от доступных ему статусных сетевых ресурсов, продемонстрировало, в подтверждение выявленных ранее фактов, что такие ресурсы действительно играют важную роль, способствуя сохранению здоровья. В предшествующих работах высказывались предположения, согласно которым статусные ресурсы могут позитивно влиять на здоровье, обеспечивая доступ к медицинским услугам, информационную, эмоциональную и материальную поддержку, поощряя здоровый образ жизни, снижая подверженность социальным стрессорам и укрепляя

психологические ресурсы. Однако материалы ISSP, использованные при проведении анализа, не позволяют определить конкретные механизмы, посредством которых позиционный капитал помогает индивиду поддерживать хорошее самочувствие. Углубленное изучение таких механизмов остается для дальнейших изысканий.

В работе также удалось показать, что влияние на здоровье статусного социального капитала зависит от культурного контекста и с большей отчетливостью проявляется при широком распространении в обществе доверия к людям. Выявленные закономерности указывают на важность учета в исследованиях связи социального капитала со здоровьем не только в ресурсном его понимании, но и в интеграционной трактовке и позволяют продвинуться в разработке общей теории, связывающей концепции Н. Лина и Р. Патнэма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кислицына О.А., Ферландер С.* Роль социальных отношений в объяснении социально-экономических различий в состоянии здоровья россиян // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 4 (44) [электронный ресурс]. Дата обращения 01.09.2023. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/694/30/lang.ru/> EDN: YCKCOL
2. *Лебедева-Несебря Н.А., Елисеева С.Ю.* Социальный капитал как фактор формирования здоровья населения: аналитический обзор // Анализ риска здоровью. 2018. № 3. С. 156–164. DOI: 10.21668/health.risk/2018.3.17 EDN: YCKCOL
3. *Русинова Н.Л., Сафронов В.В.* Здоровье в странах Европы: статусные неравенства и влияние социального капитала // Социологический журнал. 2015. Том 21. № 4. С. 34–60. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3065 EDN: VDXPZR
4. *Русинова Н.Л., Сафронов В.В.* Медиаторы структурных неравенств в здоровье в странах Европы: социальный капитал близкого окружения и доверия людям // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 1. С. 35–64. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.2 EDN: PRFUUT
5. *Bourdieu P.* Forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
6. *Christakis N.A., Fowler J.H.* The collective dynamics of smoking in a large social network // The New England Journal of Medicine. 2008. Vol. 358. No. 21. P. 2249–2258. DOI: 10.1056/NEJMsa0706154
7. *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1990. — 1009 p.
8. *Ehsana A., Klaasa H.S., Bastianena A., Spini D.* Social capital and health: A systematic review of systematic reviews // SSM — Population Health. 2019. Vol. 8. Article 100425. DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100425
9. *Ganzeboom H.B.G., Treiman D.J.* Three internationally standardised measures for comparative research on occupational status // Advances in cross-national comparison. A European working book for demographic and socio-economic variables / Ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik, C. Wolf. New York: Kluwer Academic Press, 2003. P. 159–193. DOI: 10.1007/978-1-4419-9186-7_9

10. Gonzalez R., Fuentes F., Muñoz E. On social capital and health: The moderating role of income inequality in comparative perspective // *International Journal of Sociology*. 2020. Vol. 50. No. 1. P. 68–85. DOI: 10.1080/00207659.2019.1709138
11. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*. 3rd edition. New York: McGraw-Hill, 2010. — 576 p.
12. ISSP Research Group. *International social survey programme: Social networks and social resources — ISSP 2017* // GESIS Data Archive, Cologne. ZA6980 Data file Version 2.0.0. 2019. DOI: 10.4232/1.13322
13. Josey M.J., Michele J., Moore S. The influence of social networks and the built environment on physical inactivity: A longitudinal study of urban-dwelling adults // *Health and Place*. 2018. Vol. 54. P. 62–68. DOI: 10.1016/j.healthplace.2018.08.016
14. Joye D., Sapin M., Wolf C. *Measuring social networks and social resources: An exploratory ISSP survey around the world*. (GESIS-Schriftenreihe, 22). Köln: GESIS — Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften, 2019. — 206 p. DOI: 10.21241/ssoar.62256
15. Kim D., Subramanian S.V., Kawachi I. Social capital and physical health: A systematic review of the literature // *Social Capital and Health* / Ed. by K. Ichiro, S.V. Subramanian, D. Kim. New York: Springer Science and Business Media, 2008. P. 139–190. DOI: 10.1007/978-0-387-71311-3_8
16. Lee M.A., Kawachi I. The company you keep: Is socialising with higher-status people bad for mental health? // *Sociology of Health and Illness*. 2017. Vol. 39. No. 7. P. 1206–1226. DOI: 10.1111/1467-9566.12580
17. Lin N. *Social resources and instrumental action* // *Social structure and network analysis* / Ed. by P.V. Marsden, N. Lin. Beverly Hills, CA: Sage, 1982. P. 131–145.
18. Lin N. *Inequality in social capital* // *Contemporary Sociology*. 2000. Vol. 29. No. 6. P. 785–795. DOI: 10.2307/2654086
19. Lin N. *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 278 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815447
20. Lin N., Dumin M. Access to occupations through social ties // *Social Networks*. 1986. Vol. 8. No. 4. P. 365–385. DOI: 10.1016/0378-8733(86)90003-1
21. Lin N., Fu Y., Hsung R.M. The position generator: A measurement technique for investigations of social capital // *Social capital: Theory and research* / Ed. by N. Lin, K. Cook, R.S. Burt. New York: Aldine de Gruyter, 2001. P. 57–81. DOI: 10.4324/9781315129457-3
22. Meanley S., Biernesser C., O'Malley T., Bear T., Trauth J. Employing position generators to assess social capital and health: A scoping review of the literature and recommendations in future population health surveillance // *Journal of Health Disparities Research and Practice*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 16–45.
23. Moore S., Daniel M., Gauvin L., Dubé L. Not all social capital is good capital // *Health & Place*. 2009. Vol. 15. No. 4. P. 1071–1077. DOI: 10.1016/j.healthplace.2009.05.005
24. Moore S., Daniel M., Paquet C., Dubé L., Gauvin L. Association of individual network social capital and abdominal adiposity, overweight and obesity // *Journal of Public Health*. 2009. Vol. 31. P. 175–183. DOI: 10.1093/pubmed/fdn104
25. Moore S., Kawachi I. Twenty years of social capital and health research: a glossary // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2017. Vol. 71. No. 5. P. 513–517. DOI: 10.1136/jech-2016-208313

26. *Phelan J.C., Link B.G., Tehranifar P.* Social conditions as fundamental causes of health inequalities: Theory, evidence, and policy implications // *Journal of Health and Social Behavior*. 2010. Vol. 51. P. S28–S40. DOI: 10.1177/0022146510383498
27. *Portes A.* Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24. DOI:10.1146/annurev.soc.24.1.1
28. *Putnam R.* Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. New York: Princeton University Press, 1993. — 272 p.
29. *Putnam R.* Bowling alone, the collapse and revival of civic America. New York: Simon & Schuster, 2000. — 541 p.
30. *Raudenbush S.W., Bryk A.S.* Hierarchical linear models: Applications and data analysis methods. Thousand Oaks (CA): Sage, 2002. — 512 p.
31. *Rodgers J., Valuev A.V., Hswen Y., Subramanian S.V.* Social capital and physical health: An updated review of the literature for 2007–2018 // *Social Science & Medicine*. 2019. Vol. 236. Article 112360 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.11.2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.112360>
32. *Song L.* Social capital and psychological distress // *Journal of Health and Social Behavior*. 2011. Vol. 52. No. 4. P. 478–492. DOI: 10.1177/0022146511411921
33. *Song L.* Social capital and health // *Medical sociology on the move: New directions in theory* / Ed. by W.C. Cockerham. Dordrecht: Springer, 2013. P. 233–257. DOI: 10.1007/978-94-007-6193-3_12
34. *Song L.* Does who you know in the positional hierarchy protect or hurt? Social capital, comparative reference group, and depression in two societies // *Social Science and Medicine*. 2015. Vol. 136–137. No. 9. P. 117–127. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.05.012
35. *Song L.* Social capital, social cost, and relational culture in three societies // *Social Psychology Quarterly*. 2020. Vol. 83. No. 4. P. 443–462. DOI: 10.1177/0190272520939880
36. *Song L., Chang T.Y.* Do resources of network members help in help seeking? Social capital and health information search // *Social Networks*. 2012. Vol. 34. No. 4. P. 658–669. DOI: 10.1016/j.socnet.2012.08.002
37. *Song L., Frazier C.G., Pettis P.J.* Do network members' resources generate health inequality? Social capital theory and beyond // *Elgar Companion to Social Capital and Health* / Ed. by S. Folland, E. Nauenberg. Cheltenham: Edward Elgar Ltd, 2018. P. 233–253. DOI: 10.4337/9781785360718.00026
38. *Song L., Lin N.* Social capital and health inequality: Evidence from Taiwan // *Journal of Health and Social Behavior*. 2009. Vol. 50. No. 2. P. 149–163. DOI: 10.1177/002214650905000203
39. *Song L., Pettis P.J.* Does whom you know in the status hierarchy prevent or trigger health limitation? Institutional embeddedness of social capital and social cost theories in three societies // *Social Science and Medicine*. 2020. Vol. 257. Article 111959 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.11.2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.09.035>
40. *Song L., Pettis P.J., Chen Y., Miller M.G.* Social Cost and Health: The Downside of social relationships and social networks // *Journal of Health and Social Behavior*. 2021. Vol. 62. No. 3. P. 371–387. DOI: 10.1177/00221465211029353

41. *Verhaeghe P.P., Li Y.* The position generator approach to social capital research: measurements and results // Handbook of research methods and applications in social capital / Ed. by Y. Li. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 166–186. DOI:10.4337/9780857935854.00014
42. *Verhaeghe P.P., Tampubolon G.* Individual social capital, neighbourhood deprivation, and self-rated health in England // Social Science and Medicine. 2012. Vol. 75. No. 2. P. 349–357. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.02.057
43. *Vonneilich N.* Social status, social relations, and health // Social networks and health inequalities / Ed. by A. Klärner, M. Gamper, S. Keim-Klärner, I. Moor, H. von der Lippe, N. Vonneilich. Cham: Springer, 2022. P. 203–213. DOI: 10.1007/978-3-030-97722-1_11
44. *Yang H.H., Kuo S.C., Yang H.J., Yu J.C.* Social capital and health literacy in Taiwan // Health. 2013. Vol. 5. No. 5. P. 898–902. DOI: 10.4236/health.2013.55118
45. *Yu S.-T., Houle B., Manderson L., Jennings E.A., Tollman S.M., Berkman L.F., Harling G.* The double-edged role of accessed status on health and well-being among middle- and older-age adults in rural South Africa: The HAALSI study // SSM — Population Health. 2022. Vol. 19. Article 101154 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.11.2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2022.101154>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Русинова Нина Львовна — кандидат экономических наук, заведующий сектором социологии здоровья, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. **Телефон:** +7 (812) 316-75-68. **Электронная почта:** nrusinova@gmail.com

Сафронов Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. **Телефон:** +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru

Дата поступления: 22.05.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 4. P. 100–122. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.5

Research Article

NINA L. RUSINOVA¹, VLACHESLAV V. SAFRONOV¹

¹Sociological Institute of FCTAS RAS.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russian Federation.

THE IMPACT OF NETWORK STATUS RESOURCES ON HEALTH: MODERATION BY CULTURAL CONTEXT

Abstract. The article is devoted to such a problem as the impact of social relations on people's health. One of the directions in researching this issue is linked to analyzing social capital — network resources available to an individual to solve everyday problems. The

conceptual basis of the research is the theory of positional network capital by N. Lin, according to which being acquainted to persons with high professional status provides an individual with access to resources that are vital for one's health and improves its condition. Previous studies conducted in certain countries in different parts of the world generally confirm this theoretical assumption, but it remains unclear why the impact of social capital varies across countries and whether this is due to contextual factors of their socio-economic development and cultural characteristics. To clarify these issues, survey data from the International Social Survey Program (ISSP) 2017 for 30 countries and information (statistical and aggregated) about the differences between them were used. The results of verifying the theoretical ideas about the dependence of state of health on the network resources available to an individual demonstrated that status resources really play an important role in contributing to preserving one's health. It was also shown that the impact of status and social capital on health depends on the cultural context and is more clearly manifested when trust in other people is widespread in society.

Keywords: self-rated health; position social capital; the impact of social capital on health; societal context; culture of trust; countries of the world; ISSP 2017.

For citation: Rusinova, N.L., Safronov, V.V. The Impact of Network Status Resources on Health: Moderation by Cultural Context. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 100–122. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.5

REFERENCES

1. Kislitsyna O.A., Ferlander S. The role of social relations in explaining socio-economic differences in the health status of Russians. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*. 2015. No. 4 (44). Accessed 09.01.2023. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/694/30/lang.ru/> (In Russ.)
2. Lebedeva-Nesevrya N.A., Eliseeva S.Yu. Social capital as a factor in shaping population health: an analytical review. *Analiz riska zdorov'yu*. 2018. No. 3. P. 156–164. DOI: 10.21668/health.risk/2018.3.17 (In Russ.)
3. Rusinova N.L., Safronov V.V. Health in the European states: SES inequalities and social capital. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 34–60. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3065 (In Russ.)
4. Rusinova N.L., Safronov V.V. Mediators of health inequalities in Europe: social capital of personal network and generalized trust. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 35–64. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.2 (In Russ.)
5. Bourdieu P. Forms of capital. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
6. Christakis N.A., Fowler J.H. The collective dynamics of smoking in a large social network. *The New England Journal of Medicine*. 2008. Vol. 358. No. 21. P. 2249–2258. DOI: 10.1056/NEJMs0706154.
7. Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1990. 1009 p.
8. Ehsana A., Klaasa H.S., Bastianena A., Spini D. Social capital and health: A systematic review of systematic reviews. *JSM — Population Health*. 2019. Vol. 8. Article 100425. DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100425
9. Ganzeboom H.B.G., Treiman D.J. Three internationally standardised measures for comparative research on occupational status. *Advances in cross-national comparison. A European working book for demographic and socio-economic variables*. Ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik, C. Wolf. New York: Kluwer Academic Press, 2003. P. 159–193. DOI: 10.1007/978-1-4419-9186-7_9

10. Gonzalez R., Fuentes F., Muñoz E. On social capital and health: The moderating role of income inequality in comparative perspective. *International Journal of Sociology*. 2020. Vol. 50. No. 1. P. 68–85. DOI: 10.1080/00207659.2019.1709138
11. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
12. ISSP Research Group. International social survey programme: Social networks and social resources — ISSP 2017. *GESIS Data Archive, Cologne*. ZA6980 Data file Version 2.0.0. 2019. DOI: 10.4232/1.13322
13. Josey M.J., Michele J., Moore S. The influence of social networks and the built environment on physical inactivity: A longitudinal study of urban-dwelling adults. *Health and Place*. 2018. Vol. 54. P. 62–68. DOI: 10.1016/j.healthplace.2018.08.016
14. Joye D., Sapin M., Wolf C. *Measuring social networks and social resources: An exploratory ISSP survey around the world*. (GESIS-Schriftenreihe, 22). Köln: GESIS — Leibniz-Institut für Sozialwissenschaften, 2019. 206 p. DOI: 10.21241/ssoar.62256
15. Kim D., Subramanian S.V., Kawachi I. Social capital and physical health: A systematic review of the literature. *Social Capital and Health*. Ed. by K. Ichiro, S.V. Subramanian, D. Kim. New York: Springer Science and Business Media, 2008. P. 139–190. DOI: 10.1007/978-0-387-71311-3_8
16. Lee M.A., Kawachi I. The company you keep: Is socialising with higher-status people bad for mental health? *Sociology of Health and Illness*. 2017. Vol. 39. No. 7. P. 1206–1226. DOI: 10.1111/1467-9566.12580
17. Lin N. Social resources and instrumental action. *Social structure and network analysis*. Ed. by P.V. Marsden, N. Lin. Beverly Hills, CA: Sage, 1982. P. 131–145.
18. Lin N. Inequality in social capital. *Contemporary Sociology*. 2000. Vol. 29. No. 6. P. 785–795. DOI: 10.2307/2654086
19. Lin N. *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815447
20. Lin N., Dumin M. Access to occupations through social ties. *Social Networks*. 1986. Vol. 8. No. 4. P. 365–385. DOI: 10.1016/0378-8733(86)90003-1
21. Lin N., Fu Y., Hsung R.M. The position generator: A measurement technique for investigations of social capital. *Social capital: Theory and research*. Ed. by N. Lin, K. Cook, R.S. Burt. New York: Aldine de Gruyter, 2001. P. 57–81. DOI: 10.4324/9781315129457-3
22. Meanley S., Biernesser C., O'Malley T., Bear T., Trauth J. Employing position generators to assess social capital and health: A scoping review of the literature and recommendations in future population health surveillance. *Journal of Health Disparities Research and Practice*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 16–45.
23. Moore S., Daniel M., Gauvin L., Dubé L. Not all social capital is good capital. *Health & Place*. 2009. Vol. 15. No. 4. P. 1071–1077. DOI: 10.1016/j.healthplace.2009.05.005
24. Moore S., Daniel M., Paquet C., Dubé L., Gauvin L. Association of individual network social capital and abdominal adiposity, overweight and obesity. *Journal of Public Health*. 2009. Vol. 31. P. 175–183. DOI: 10.1093/pubmed/fdn104
25. Moore S., Kawachi I. Twenty years of social capital and health research: a glossary. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2017. Vol. 71. No. 5. P. 513–517. DOI: 10.1136/jech-2016-208313
26. Phelan J.C., Link B.G., Tehranifar P. Social conditions as fundamental causes of health inequalities: Theory, evidence, and policy implications. *Journal of Health and Social Behavior*. 2010. Vol. 51. P. S28–S40. DOI: 10.1177/0022146510383498
27. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1
28. Putnam R. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. N.Y.: Princeton University Press, 1993. 272 p.

29. Putnam R. *Bowling alone, the collapse and revival of civic America*. N.Y.: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
30. Raudenbush S.W., Bryk A.S. *Hierarchical linear models: Applications and data analysis methods*. Thousand Oaks (CA): Sage, 2002. 512 p.
31. Rodgers J., Valuev A.V., Hswen Y., Subramanian S.V. Social capital and physical health: An updated review of the literature for 2007–2018. *Social Science & Medicine*. 2019. Vol. 236. Article 112360. Accessed 11.11.2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.112360>
32. Song L. Social capital and psychological distress. *Journal of Health and Social Behavior*. 2011. Vol. 52. No. 4. P. 478–492. DOI: 10.1177/0022146511411921
33. Song L. Social capital and health. *Medical sociology on the move: New directions in theory*. Ed. by W.C. Cockerham. Dordrecht: Springer, 2013. P. 233–257. DOI: 10.1007/978-94-007-6193-3_12
34. Song L. Does who you know in the positional hierarchy protect or hurt? Social capital, comparative reference group, and depression in two societies. *Social Science and Medicine*. 2015. Vol. 136–137. No. 9. P. 117–127. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.05.012
35. Song L. Social capital, social cost, and relational culture in three societies. *Social Psychology Quarterly*. 2020. Vol. 83. No. 4. P. 443–462. DOI: 10.1177/0190272520939880
36. Song L., Chang T.Y. Do resources of network members help in help seeking? Social capital and health information search. *Social Networks*. 2012. Vol. 34. No. 4. P. 658–669. DOI: 10.1016/j.socnet.2012.08.002
37. Song L., Frazier C.G., Pettis P.J. *Do network members' resources generate health inequality? Social capital theory and beyond*. Elgar Companion to Social Capital and Health. Ed. by S. Folland, E. Nauenberg. Cheltenham: Edward Elgar Ltd, 2018. P. 233–253. DOI:10.4337/9781785360718.00026
38. Song L., Lin N. Social capital and health inequality: Evidence from Taiwan. *Journal of Health and Social Behavior*. 2009. Vol. 50. No. 2. P. 149–163. DOI: 10.1177/002214650905000203
39. Song L., Pettis P.J. Does whom you know in the status hierarchy prevent or trigger health limitation? Institutional embeddedness of social capital and social cost theories in three societies. *Social Science and Medicine*. 2020. Vol. 257. Article 111959. Accessed 11.11.2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.09.035>
40. Song L., Pettis P.J., Chen Y., Miller M.G. Social Cost and Health: The Downside of social relationships and social networks. *Journal of Health and Social Behavior*. 2021. Vol. 62. No. 3. P. 371–387. DOI: 10.1177/00221465211029353
41. Verhaeghe P.P., Li Y. The position generator approach to social capital research: measurements and results. *Handbook of research methods and applications in social capital*. Ed. by Y. Li. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 166–186. DOI:10.4337/9780857935854.00014
42. Verhaeghe P.P., Tampubolon G. Individual social capital, neighbourhood deprivation, and self-rated health in England. *Social Science and Medicine*. 2012. Vol. 75. No. 2. P. 349–357. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.02.057
43. Vonneilich N. Social status, social relations, and health. *Social networks and health inequalities*. Ed. by A. Klärner, M. Gamper, S. Keim-Klärner, I. Moor, H. von der Lippe, N. Vonneilich. Cham: Springer, 2022. P. 203–213. DOI: 10.1007/978-3-030-97722-1_11
44. Yang H.H., Kuo S.C., Yang H.J., Yu J.C. Social capital and health literacy in Taiwan. *Health*. 2013. Vol. 5. No. 5. P. 898–902. DOI: 10.4236/health.2013.55118
45. Yu S.-T., Houle B., Manderson L., Jennings E.A., Tollman S.M., Berkman L.F., Harling G. The double-edged role of accessed status on health and well-being among middle- and older-age adults in rural South Africa: The HAALSI study. *SSM —*

Population Health. 2022. Vol. 19. Article 101154. Accessed 11.11.2023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2022.101154>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina L. Rusinova — Candidate of Economical Sciences, Head of the Health Sociology Sector, Sociological Institute of FCTAS RAS. **Phone:** 7 (812) 316-75-68. **Email:** nrusinova@gmail.com

Viacheslav V. Safronov — Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (812) 316-34-36. **Email:** vsafronov@list.ru

Received: 22.05.2023.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.6

EDN: NIQPQS

Г.А. ПОГОСЯН¹

¹ Институт философии, социологии и права НАН РА.
0010, Армения, Ереван, ул. Арама, 44.

ОБЩИЕ КОНТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ АРМЯН¹

Аннотация. В статье анализируются основные результаты репрезентативного общенационального социологического исследования, посвященного изучению отличительных характеристик национальной идентичности современного армянского общества. На основе теоретического анализа полученных данных и сравнительного исследования вторичных данных из ранее проведенных социологических исследований конструируется динамика основных характеристик национальной идентичности современных армян. Отмечаются основные гендерные, возрастные и урбанистические различия в национальной автоидентификации населения Армении. Приведен социологический анализ самовосприятия армян в соотнесении с другими этническими группами большого региона. Отдельно рассматриваются особенности социальной дистанции внутри армянского этноса между различными группами армянской диаспоры. Проводится сопоставление части полученных социологических данных с результатами последних генетических исследований армянского этноса.

Ключевые слова: национальная идентичность; армяне; этнические характеристики; социологическое исследование.

Для цитирования: *Погосян Г.А.* Общие контуры национальной идентичности у современных армян // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 123–140. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.6 EDN: NIQPQS

Введение

Феномен социальной идентичности в последнее время привлекает все большее внимание ученых. Термин «идентичность» — междисци-

---

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности» (код 21AG-6C041).

плинарное понятие, которое активно употребляется в современной философской, социологической, политологической и психологической научной литературе. С середины прошлого века идентичность стала одной из наиболее распространенных тем социальной мысли. В настоящее время она имеет исключительную востребованность в гуманитарных науках [15, с. 13]. Для социологов это понятие становится «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются» многие важнейшие стороны современного общества [1, с. 176]. С. Холл, писал, что «в последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к концепции идентичности», но, несмотря на это, она остается неопределенной и подвергается критике [25, р. 1].

Термин «идентичность» появился в социальных науках во второй половине прошлого века. Его распространение в социальной научной литературе произошло в США благодаря работам американского психолога Э. Эриксона [20, с. 92]. Ему принадлежит самая известная концептуализация этого понятия на пересечении психоанализа и психологии развития. По мнению Эриксона, идентичность представляет собой динамичное образование, которое на протяжении жизни человека претерпевает изменения, что создает возможность видеть жизнь в ее непрерывности при объединении прошлого и будущего в аспекте актуально разворачивающегося и текучего настоящего. Он считал, что в конце XX в. изучение идентичности стало стратегической задачей, а проблематика идентичности приобрела особую значимость. Благодаря работам Эриксона этому термину был придан статус отдельной научной категории [20]. Повышенный интерес исследователей к феномену идентичности объясняется также усложнением глобального мира, активным ростом виртуальных коммуникаций и отрывом человека от традиционных корней. Проблема самоопределения человека в кардинально меняющемся мире переходит в разряд основных философских проблем эпохи. Вопрос не в том, что современного человека больше, чем предыдущие поколения, интересуется собственная личность, а в том, что ему становится труднее обрести себя и поддерживать собственную идентичность [21, р. 194]. Еще С. Хантингтон обращал внимание на то, что в современном мире снизилась роль идеологии, но взамен возросла роль культуры как источника идентичности [26]. В современных условиях существенно возросли социальная мобильность людей и перемещения в социальном пространстве, что проявляется также в участвующей смене социальных ролей.

С точки зрения социологии идентичность представляет интерес в качестве феномена, который формируется в результате социального взаимодействия субъектов. П. Бергер в своей книге рассматривал познавательные возможности понятия идентичности в рамках ролевой теории, референтных групп и феноменологической социологии

[2, с. 99]. По Бергеру, идентичность социальна по происхождению и по способу поддержания. В связи с этим она не представляется устойчивым и изначально данным образованием [2, с. 100]. Иной точки зрения придерживаются сторонники примордиализма, которые исходят из допущения, что национальная идентичность является изначально данной, традиционной и неизменной чертой для определенной общности людей. Идентичность как некая изначально данная сущность объединяет людей «одной почвы и крови», и единственное, что требуется для закрепления этой связи, — язык [5, с. 8]. Что касается социологов, то они охотно приняли концепцию идентичности, под которой понимают совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т. д. [16, с. 46]. Индивид соотносит себя с определенной социальной группой или этнической общностью, традиционные нормы, ценности и установки которой он разделяет. Так, например, владение национальным языком «оказывается не единственным, но решающим фактором национальной идентичности, а также является важным элементом при идентификации человека с государственной, культурной или конфессиональной общностью» [17, с. 73]. Национальная идентичность и национальное самосознание определяются как одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определенному этносу или нации. Национальная идентичность — это чувство «нации как связанного целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком» [17, с. 72]. «Социологический энциклопедический словарь» определяет идентичность (от лат. *identicus* — тождественный, одинаковый) как свойство индивида оставаться самим собой в изменяющихся социальных ситуациях и вместе с тем как результат осознания индивидом самого себя в качестве человеческой личности, отличающейся от других [19, с. 94]. В философской теоретической литературе идентичность представляется в качестве категории социально-гуманитарных наук (психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии и др.) [10]. В культурологии идентичность рассматривается в качестве «психологического представления человека о своем Я, характеризующегося субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности; отождествления человеком самого себя с теми или иными типологическими категориями» [3].

В данном исследовании использовано определение идентичности, сформулированное в «Социологическом словаре». Идентичность — это «осознание своей принадлежности к определенному этносу, коллективу людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя <...> из чувства комплементарности — подсознательного ощущения взаимной симпатии

и общности людей» [18, с. 137–138]. Национальная идентичность — это чувство нации как связанного целого, представленного своими уникальными традициями, культурой и языком [6]. Исследователи различают такие характеристики национальной идентичности, как общность и отличительность [7, с. 144–162]. *Национальная идентичность* — такое социальное качество личности, которое является результатом ее сознательного самоотнесения с определенной нацией. Национальная идентичность предполагает самоидентификацию личности с определенным культурным (национальным) и политическим (государственным) сообществом. Идентичность современного человека связана с сознательной ориентацией на определенные ценности, традиции и нормы того сообщества, с которым он отождествляет себя в течение своей жизнедеятельности. Э. Гидденс отмечал, что люди «условиями современности вовлекаются в самостоятельный поиск самих себя» [24, р. 12–14]. Самоидентификация личности с той или иной национальной группой зависит от многих факторов и ряда обстоятельств. Национальная идентичность, как известно, бывает трех видов: примордиальная (кровная), гражданская и культурная. Большинство современных государств являются полиэтническими, поэтому идентичность в них — как в сложных социальных системах — имеет множественный характер. Современная Армения — моноэтническое государство, гомогенное в национальном отношении, население которого на 97% состоит из этнических армян. Исходя из этого этническая идентичность армян фактически отождествляется с национальной идентичностью. К тому же после 1991 г. все они являются гражданами Республики Армения. Иначе говоря, можно допустить, что для современного армянского населения республики этническая, национальная и гражданская идентичности формально совпадают. В связи с этим ряд исследователей предлагают избегать абсолютизации культурно-конфессиональной модели армянской идентичности, поскольку «в лучшем случае это сводит политику идентичности к стремлению сохранить наличную идентичность» [14, с. 29]. Национальная идентичность является также серьезным фактором устойчивого развития государства [8, с. 31–36]. Отсутствие выраженной национальной идентичности может привести к политическому кризису в стране.

Методология репрезентативного социологического исследования

Весной 2022 г. исследовательская группа нашего проекта приступила к разработке программы общенационального репрезентативного социологического исследования среди взрослого населения Республики Армения. Были разработаны основные понятия, категории, методология и ключевые единицы анализа, а также перечень тематических блоков и вопросов для включения в анкету.

В течение августа — сентября 2022 г. было осуществлено репрезентативное общенациональное социологическое исследование среди взрослого населения (18+) Армении методом анкетного опроса при помощи личных интервью в домах 1500 респондентов. Проект был посвящен изучению исторической памяти современного армянского общества и особенностей национальной идентичности. Использовалась многоступенчатая репрезентативная случайная национальная выборка. Коэффициент соответствия доверительной вероятности выборки равен 97%. Ошибка выборки не превосходит интервал $\pm 2,5\%$ для всей выборки. Исследование проводилось методом личных интервью (F2F interview) в домах опрашиваемых по технике маршрутной выборки. Окончательный отбор респондентов производился с применением метода Киша. Контроль осуществлялся в 10% случаев в присутствии супервайзера проекта и в 15% случаев при помощи проверочных звонков опрошенным респондентам.

Основные результаты исследования

Прежде всего, мы попытались выяснить, какие характеристики население республики считает обязательными для идентификации представителя армянской нации (табл. 1). Что именно является важнейшим условием национальной самоидентификации?

Таблица 1

Характеристики, обязательные, чтобы считаться армянином, 2022 г., %

Характеристики	Доля ответивших
Считать себя армянином	56,0
Отец был армянином	53,2
Говорить на армянском, владеть языком	41,1
Считать Армению единственной родиной	40,8
Принадлежность Армянской апостольской церкви	40,4
Мать была армянкой	38,3
Быть рожденным в Армении	17,9

Для большинства армян (56%) основным обязательным условием того, чтобы считаться армянином, является самоощущение — важно, чтобы человек считал себя армянином. Второе по значимости обязательное условие (53,2%) — армянская национальность отца. Национальность матери тоже важна (38,3%), но не настолько, так как у армян родство определяется по отцовской линии. Владение армянским языком, принадлежность к Армянской апостольской церкви (ААЦ) и признание Армении единственной своей родиной сочли обязательным условием примерно равные (около 40%) доли респондентов.

Для подавляющего большинства (82,1%) факт рождения в Армении не является обязательным условием. Можно сказать, что ни земля, ни вера, ни язык, ни место рождения не важны, чтобы считаться армянином, в такой степени, как кровное родство (национальность отца или матери) и самоощущение. Для сравнения приведем результаты социологического исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «30 лет постсоветских трансформаций российского общества: опыт социологической диагностики»². В числе прочего были представлены критерии этнической самоидентификации русских (табл. 2).

Таблица 2

Критерии национальной идентичности россиян, % от числа ответивших

Критерии	Русские	Другие национальности
Язык	76	68
Культура	64	60
Родная земля, территория	54	54
Историческое прошлое	51	39
Обычаи, обряды	46	52
Общая государственность	34	23
Религия	31	39
Черты характера	20	21
Внешний облик	15	18

Так, для русских более важными являются владение русским языком, принадлежность к русской культуре и проживание на родной земле (76, 64 и 54% соответственно). Наименее важны религия, черты характера и внешний облик (31, 20 и 15%). По данным переписи 2021 г., армяне в России занимали седьмое место по численности (0,64% от всего населения)³.

По результатам социологического исследования, проведенного в Армении в 2015 г., были выявлены такие характеристики, чтобы считаться армянином [9] (табл. 3).

² См.: VI Всероссийский социологический конгресс 10 ноября 2021 года. Пленарное заседание. Доклад директора Института социологии РАН академика М.К.Горшкова «Тридцать лет постсоветских трансформаций российского общества: опыт социологической диагностики». — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gsJO0iktj1s> (дата обращения 21.11.2023).

³ Всероссийская перепись населения (2020–2021). — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Всероссийская_перепись_населения_\(2020–2021\)#cite_note-84](https://ru.wikipedia.org/wiki/Всероссийская_перепись_населения_(2020–2021)#cite_note-84) (дата обращения 26.06.2023).

Таблица 3

Характеристики, обязательные, чтобы считаться армянином, 2015 г., %

Характеристики	Доля ответивших
Сам себя считает армянином	83
Отец является армянином	76
Владеет армянским языком	76
Считает Армению своей родиной	76
Принадлежит Армянской апостольской церкви (ААЦ)	76
Мать является армянкой	66

Из 2000 опрошенных граждан Армении, по мнению подавляющего большинства (83%), обязательной характеристикой, чтобы считаться армянином, являлась самоидентификация личности. Затем указывались такие характеристики, как кровное родство (отец и мать армяне: 76 и 66% соответственно), принадлежность ААЦ, владение армянским языком и чувство родины (по 76%). В данном исследовании важность национальности отца также оценивалась выше, чем национальность матери.

В нашем исследовании 2022 г. среди молодежи (18–29 лет) большей оказалась доля тех, кто указал обязательной характеристику «сам себя считает армянином» (59,8%). Среди лиц старшего поколения (50–69 лет) таковых оказалось меньше (50,8%). Кроме того, для молодых национальность отца менее значима (50,1%), чем для людей пожилого возраста (56%). Аналогично значимость принадлежности ААЦ менее выражена у молодых (35,4%), чем у представителей старшего поколения (47,3%). Среди мужчин несколько больше тех, кто считает самоощущение важной характеристикой идентичности (57,4%), чем среди женщин (54,9%). А среди женщин значение принадлежности к ААЦ выше (43,1%), чем среди мужчин (37,1%). Столичные жители чаще отмечали идентификацию с родиной: быть рожденным в Армении (45%) и необходимость считать Армению единственной родиной (22,1%). Жители сел и малых городов чаще отмечали такие характеристики, как «сам себя считает армянином» (60,1%), национальность отца (58,6%), национальность матери (40–45%), владение армянским языком (44,4%) и приверженность ААЦ (43,2%).

Интересно, что почти половина опрошенных (47,8%) сочли обязательными все шесть приведенных характеристик для того, чтобы считаться армянином. Почти две трети (61,5%) посчитали обязательным наличие пяти характеристик и более, а 70% — наличие четырех характеристик и более, 80% — трех и более. На наш взгляд, это достаточно строгие обязательные требования для того, чтобы считаться

армянином. Очевидно, что полученная картина динамична во времени. В данном исследовании национальная идентичность рассматривается не как некий статичный набор этнических нарративов, а как динамичный коммуникативный процесс. Сравнение результатов исследований 2011, 2015 и 2022 гг. (табл. 4) позволяет представить эту динамику, особенно среди молодых респондентов (18–29 лет).

Таблица 4

Динамика характеристик национальной идентичности армянской молодежи, %

Характеристики национальной идентичности	Доля ответивших по годам		
	2011 ⁴	2015 ⁵	2022
Считать себя армянином	96	82	59,8
Отец был армянином	87	66	50,1
Говорить на армянском, владеть языком	87	68	42,4
Считать Армению единственной родиной	80	69	41,2
Принадлежать Армянской апостольской церкви	89	73	35,4
Мать была армянкой	72	57	37,3

Как видим, все показатели характеристик армянства у молодежи (18–29 лет) за 10 лет (с 2011 по 2022 г.) существенно уменьшились. Так, например, если в 2011 г. 87% опрошенной молодежи обязательной характеристикой армянства считали национальность отца, то в 2015 г. такое мнение разделяли только 66% молодежи, а в исследовании 2022 г. — 50,1%. Таким образом, для молодых важным является характеристика «сам себя считает армянином». А для людей старшего поколения — кровное родство (национальность отца) и религиозная принадлежность.

В данном исследовании была использована шкала, которую в 1920-х гг. американский социолог Эмори Богардус разработал для измерения социальной дистанции, показывающей степень близости или отчуждения между двумя группами людей [22, р. 40–46]. Во время опроса респонденты должны были отметить те суждения, которые соответствуют допустимой ими близости с членами конкретной группы. Последовательность вопросов (суждений) отражала движение от меньшей близости к большей. В исследовании шкала социальных дистанций была использована для того, чтобы измерить степень бли-

⁴ Youth in Armenia. Survey report // IPSC. 2011. — URL: <https://www.slideshare.net/IPSCarm/ipsc-youth-in-armenia-survey-report-2011> (дата обращения 26.06.2023).

⁵ См.: [9].

зости респондентов с представителями различных диаспорных групп армян, названных американскими социологами субэтническими [27]. Речь шла об армянах из России, из разных стран дальнего зарубежья, из области Джавахк (Грузия), Арцаха (Нагорного Карабаха), Ирана и Азербайджана. Будучи этническими армянами, они в той или иной степени несут в себе влияние культуры той страны, в которой родились и долгое время проживали. В таблице 5 представлены ответы на вопросы анкеты исследования [11].

Таблица 5

Степень близости с различными группами армян (ответы «да»),
% от числа ответивших

Формулировка вопроса	Группы армян						Затрудняюсь ответить
	российские	западные	джавахкские	арцахские	иранские	азербайджанские	
Для Вас будет приемлемым, если по соседству с Вами будет проживать...	79,2	78,9	75,0	72,9	72,0	54,9	2,0
Если получит армянское гражданство...	77,2	77,5	75,5	73,3	72,1	57,3	2,5
Если с Вами вместе будет работать...	76,8	76,0	72,8	71,4	72,1	57,2	2,8
Если Ваш лечащий врач будет...	74,8	73,8	71,2	69,4	69,5	56,1	3,1
Если Ваш близкий друг будет...	68,8	67,2	69,7	63,6	61,5	48,8	4,1
Если Ваш сын женится на...	49,3	48,5	45,5	46,2	42,4	33,9	7,9
Если Ваша дочь выйдет замуж за...	48,7	47,7	44,8	45,2	41,7	33,2	8,7

Из таблицы видно, как с уменьшением дистанции (от первого вопроса к седьмому) значительно снижается доля положительных ответов. Кроме того, растет доля тех, кто затруднился ответить. Так, например, если более трех четвертей (78,9%) респондентов согласны, чтобы с ними по соседству проживали западные армяне (выходцы из зарубежных стран Европы, США и др.), то меньше половины (47,7%) согласны выдать свою дочь замуж за кого-нибудь из них. Интересно, что из всех диаспорных групп армян ближе всего респонденты согласны были «подпустить» российских армян (79,2%), затем зарубежных (78,9%), джавахкских (грузинских) (75%), арцахских (карабахских) (72,9%), иранских армян (72%) и лишь затем азербайджанских армян (54,9%). Приведенные в таблице данные о многом говорят в плане внутриэтнического восприятия близости различных диаспорных групп армян современным армянским на-

селением республики. Это важно иметь в виду, особенно с учетом того, что в настоящее время армяне проживают более чем в 120 странах мира.

Естественно, возникал вопрос о близости или похожести армян на другие народы мира. С этой целью в анкете исследования респондентам задавался вопрос о схожести армян с соседями по региону и с народами других стран (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Насколько армяне похожи на другие народы?», % от числа ответивших

Народы	Очень похожи	Достаточно похожи	Мало похожи	Совсем не похожи	Затруднились ответить
Грузины	13,1	22,8	34,5	26,9	2,7
Греки	11,3	23,0	32,6	28,8	4,3
Русские	8,6	14,8	30,9	43,3	2,4
Евреи	5,9	16,0	29,1	42,6	6,4
Иранцы	4,3	15,9	34,5	42,0	3,3
Турки	4,9	14,3	23,1	55,3	2,3
Французы	2,7	12,2	25,3	54,9	4,8
Американцы	2,2	8,1	22,6	61,6	5,5
Арабы	1,7	6,9	23,3	62,5	5,5

По мнению респондентов, армяне больше похожи на грузин (35,9%), греков (34,3%), русских (23,4%) и евреев (21,9%). Они совсем не похожи на арабов (62,5%), американцев (61,6%), турок (55,3%) и французов (54,9%). Взрослые респонденты (70 лет и старше) несколько больше отмечали близость с русскими и грузинами, а молодежь — близость с французами, греками и евреями. Жители малых городов больше отмечали близость с русскими, грузинами и иранцами. Ученые из Оксфордского университета и немецкого Института эволюционной антропологии общества Макса Планка выпустили атлас генетических смешиваний в истории человечества (A genetic atlas of human admixture history) [23, p. 747–751]. Согласно этому «Атласу», армянский ген был обнаружен у ряда этносов. Так, у грузин найдено 12% армянского гена, между армянами и населением итальянской Тосканы — 10% сходства, у турок — 10%, у иранцев — 7,5%, у китайцев — около 4%, 3,7% — у отдельных групп афганцев и пакистанцев, а также евреев. Армянский ген был обнаружен также у литовцев, поляков, греков, лезгин, сирийцев, киприотов и даже у ирландцев⁶.

⁶ A genetic atlas of human admixture history. — URL: <http://admixturemap.paintmychromosomes.com/> (дата обращения 04.07.2023).

Этот факт был отмечен также в антропологическом блоге Dienekes⁷. Исследования показали, что армяне исторически имеют значительное генетическое сходство более чем с 32 нациями. Со славянами их роднят географическое происхождение и совместное продолжительное проживание на одном континенте, а также то, что и славяне, и армяне считаются индоевропейцами.

В связи с этим было интересно выяснить, какие именно качества, по мнению наших современников, являются характерными для типичных армян (табл. 7).

Таблица 7

Качества, характерные для типичных армян, % от числа ответивших

Качества	Очень характерно	Частично характерно	Не характерно	Совсем не характерно	Затруднились ответить
Любознательность	63,4	28,1	5,3	2,6	0,6
Трудолюбие	58,7	32,8	5,9	2,2	0,3
Выносливость	53,1	34,4	8,7	3,0	0,9
Предприимчивость	49,6	35,1	11,5	3,3	0,6
Сила воли	48,1	38,1	9,7	2,9	1,3
Доброта	45,4	42,3	8,7	3,2	0,4
Бунтарство	43,3	35,7	13,3	5,3	2,3
Религиозность	41,7	43,7	10,4	3,6	0,5
Традиционность	39,6	43,6	12,7	3,7	0,4
Индивидуализм	36,0	41,4	15,6	4,9	2,1
Честность	35,8	42,7	14,2	6,7	0,5
Свободолюбие	34,9	42,1	17,6	4,1	1,3
Патриотизм	33,5	41,7	17,9	6,1	0,8
Преданность	29,4	41,0	20,1	8,7	0,8
Благовоспитанность	26,7	39,4	22,1	9,9	1,9
Толерантность	24,5	36,8	25,4	12,1	1,2
Законопослушность	16,7	27,1	31,2	24,6	0,5

Наиболее характерными чертами типичного армянина респонденты посчитали *любознательность* (63,4%), *трудолюбие* (58,7%) и *выносливость* (53,1%). Совершенно не характерными (и просто не характерными) чертами типичного армянина — *законопослушность* (5,8%), *толерантность* (37,5%), *благовоспитанность* (32,0%) и *преданность* (28,8%). В 1993 г. нами проведено в Армении репре-

⁷ Dienekes' Anthropology Blog. — URL: <https://armeniagid.com/> (дата обращения 24.11.2022).

зентативное социологическое исследование, в котором 1200 респондентам был задан такой же вопрос о 17 качествах, характерных для типичного армянина. В исследовании 30-летней давности, как и сейчас, национальная и этническая самоидентификации совпали. В 1993 г. тоже 97% населения Армении составляли этнические армяне. Научные критерии были те же. Сравнение ответов, полученных 30 лет назад, с современными данными свидетельствует о большой устойчивости обобщенного облика типичного армянина. Тогда его наиболее характерными качествами были указаны *трудолюбие, выносливость, предприимчивость и индивидуализм* [13, с. 151], совершенно не характерными — *законопослушность, благовоспитанность и преданность*. Устойчивость в общественном сознании облика типичного армянина говорит о том, что какие-то кодовые национальные характеристики со временем мало подвергаются изменению. Здесь уместно привести замечание М.К. Горшкова о том, что «национальная идентичность армян имеет прочную основу, традиционно базирующуюся на солидарных представлениях об исторических травмах», и что даже российская диаспора армян отличается «очень стойкой армянской этнической идентичностью» [4, с. 17].

Различия в ответах современных мужчин и женщин оказались не очень существенными. Женщины несколько чаще, чем мужчины, отметили такие семь качеств типичных армян, как *религиозность, свободолюбие, индивидуальность, преданность, традиционность, бунтарство и любознательность*. Любопытно, что практически по всем приведенным качествам респонденты старшего поколения давали более высокие оценки, чем молодые. Только одно качество — *бунтарство* получило у молодежи более высокие оценки. Столичные респонденты выше остальных оценили пять качеств: *любознательность, выносливость, традиционность, предприимчивость и трудолюбие*. А сельские жители выше остальных оценили восемь качеств типичного армянина: *честность, доброта, индивидуальность, преданность, законопослушность, свободолюбие, толерантность и благовоспитанность*. Очевидно, в этом проявилось ментальное различие между прагматичными и ориентированными на карьерный успех жителями мегаполиса (столичного Еревана) и «патриархальными», морально ориентированными сельскими жителями.

Заключение

Американские исследователи армянской диаспоры придерживались мнения, что на протяжении XX в. главным событием, определявшим самосознание армян, был геноцид армян в Османской Турции в 1915 г. [28]. Он сформировал в национальном сознании

облик, «традиционно базирующийся на солидарных представлениях об исторических травмах, пережитых народом во время геноцида» [4, с. 16–17]. Он стал краеугольным камнем национальной идентичности, на многие годы определившим «идентификационный код» нации [12, с. 125]. Но спустя столетие — после распада Советского Союза, — получив собственную независимую государственность, армяне хорошо осознали, что главным гарантом их национальной безопасности являются сильное государство, а также экономический и стратегический союз со странами евразийской интеграции.

В течение трех десятилетий постсоветского развития сформировались новые геополитические и социально-экономические реалии. Несмотря на это, результаты данного исследования свидетельствуют о том, что современное армянское общество во многом остается традиционным. Основными кодами армянской идентичности являются кровное родство, христианская вера, армянский язык, семья, национальная культура и самосознание.

Наряду с этим, согласно результатам исследования, часть традиционных ценностей испытывают заметную динамику во времени. Так, в группе молодых респондентов ценности, составляющие ядро армянской идентичности, менее акцентированы, чем у представителей старшего поколения. Это говорит о том, что армянская молодежь постсоветского периода постепенно отстраняется от ценностной системы родителей. Для постсоветской армянской молодежи важной характеристикой является самоидентификация, то есть чтобы человек сам себя считал армянином. В то время как для старшего поколения главными остаются кровное родство (национальность родителей) и религиозная принадлежность. Кроме того, взрослые респонденты (70 лет и старше) чаще отмечали близость армян с русскими и грузинами, в то время как представители молодежи — близость с французами, греками и евреями. Различия во взглядах опрошенных мужчин и женщин оказались менее существенными, чем возрастные и поколенческие. В локальном региональном плане просматривались различия менталитетов жителей мегаполиса (столичного Еревана) жителей сельских районов.

Выявленная в общественном мнении устойчивость коллективного представления относительно облика типичного армянина говорит о том, что некоторые базовые национальные характеристики со временем мало изменяются. На этом фоне достаточно выпукло обнаруживаются «внутриэтнические» социальные дистанции, характеризующие отношение армянского населения республики к различным представителям мировой армянской диаспоры.

Анализ отношения исследованных армян к представителям других народов и наций показал, что они находят большое сходство с грузи-

нами, греками, русскими, французами и евреями. Интересно, что результаты данного социологического исследования во многом совпали с недавно опубликованными антропологическими и генетическими данными атласа генетического смешивания в истории человечества, изданного в 2014 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва; журн. «Свободная мысль». М.: Логос, 2002. — LXIII, 324, [2] с.
2. *Бергер П.* Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Пер. с англ. О.А. Оберемко; Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект-Пресс, 1996. — 166, [2] с.
3. Большой толковый словарь по культурологии / Сост. Б.И. Кононенко. М.: Вече; АСТ, 2003. — 509, [2] с. [электронный ресурс]. Дата обращения 26.03.2023. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-200-1.htm#zag-443>
4. *Горшков М.К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий юга России. 2013. № 3. С. 11–25. EDN: SBUMRB
5. *Золян С.Т.* О принципах и типах описания национальной идентичности // Вестник РАУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2 (29). С. 7–18.
6. Искусство и цивилизационная идентичность / [Отв. ред. Н.А. Хренов]; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. — 603 с.
7. *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162. EDN: PAVDFZ
8. *Кузнецов К.А., Шелин П.А.* Национальная идентичность и устойчивая государственность // Comparative politics. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 31–36.
9. *Манукян С.* Ядро этнической идентичности армян Армении [на арм. яз.] [электронный ресурс]. Дата обращения 26.06.2023. URL: <https://orbeli.am/hy/post/402/2020-03-27/Հայաստանի+հայերի+էթնիկ+իմունոլոյան+միջուկը>
10. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов др. М.: Мысль, 2010. — 744 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 23.06.2023. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija_v_4_tomakh_2010/23-1-0-1152
11. *Погосян Г.А.* Историческая память и национальная идентичность. Ереван: Изд-во РАУ, 2023. — 134 с.
12. *Погосян Г.А.* Контуры новой армянской идентичности и социальная солидарность // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3 (75). С. 125–131. EDN: PCVPROR

13. *Погосян Г.* Судьба армянина в Армении // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 150–154.
14. *Саркисян О.Л.* Культурный ресурс политики идентичности (на примере Армении) // Вестник РАУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2 (29). С. 28–34.
15. *Сапожникова Р.Б.* Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. Серия: Психология. 2005. Вып. 1 (45). С. 3–17.
16. *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61. EDN: PFORZN
17. Словарь социолингвистических терминов / Сост. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко, В.А. Кожемякина, Т.Б. Крючкова и др. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. — 312 с.
18. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. — 608 с.
19. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. — 488 с.
20. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. — 344 с.
21. *Calhoun C.* Critical Social Theory: Culture, History, and Challenge of Difference. Oxford; Cambridge: Wiley-Blackwell 1995. — 356 p.
22. *Bogardus E.S.* Social Distance in the City // Proceedings and Publications of the American Sociological Society. 1926. No. 20. P. 40–46.
23. *Hellenthal G., Busby G.B., Band G., Capelli C., Falush D., Myers S.R., Wilson J.F.* A Genetic Atlas of Human Admixture History // Science. 14 Feb. 2014, Vol. 343. Iss. 6172. P. 747–751. DOI: 10.1126/science.1243518
24. *Giddens A.* Modernity and Self Identity: Self and society in late modern age. Cambridge: Polity Press, 1991. — 256 p.
25. *Hall S.* Who Needs “Identity”? // Questions of Cultural Identity / Ed. by S. Hall, P. du Gay. London: Sage, 1996. P. 1–17.
26. *Huntington S.P.* Who are We: The Challenges to America’s National Identity. New York: Simon & Schuster, 2004. — 428 p.
27. *Sabagh G., Bozorgmehr M., Der-Martirosian C.* Subethnicity: Armenians in Los Angeles // California Immigrants in World Perspective: The Conference Papers, April 1990. 1989–1990. Vol. V. No. 6. Los Angeles: Institute for Social Science Research, 1990 [online]. Accessed 19.11.2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/5000004_Subethnicity_Armenians_in_Los_Angeles
28. *Sahakyan V.* Between Host-Countries and Homeland: Institutions, Politics and Identities in the Post-Genocide Armenian Diaspora (1920s to 1980s). Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy (Near Eastern Studies). Ann Arbor: University of Michigan, 2015. — 498 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Погосян Геворг Арамович — доктор социологических наук, профессор, действительный член НАН РА, иностранный член РАН, зав. отделом социологии Института философии, социологии и права НАН РА.

Телефон: + 374 91 403 309. **Электронная почта:** gevorg@sci.am

Дата поступления: 17.07.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 4. P. 123–140. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.6

Research Article

GEVORG A. POGHOSYAN¹

¹ Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA.

44, Aram str., 0010, Yerevan, Armenia.

GENERAL OUTLINES FOR THE NATIONAL IDENTITY OF MODERN ARMENIANS

Abstract. This article analyzes the main results of a representative nationwide sociological survey devoted to the study of the distinctive characteristics of the national identity of modern Armenian society. Based on a theoretical analysis of the obtained data and a comparative study of secondary data obtained in earlier sociological studies, the dynamic image of the main characteristics of the national identity of modern Armenians is constructed. The main gender, age and urban differences in the national self-identification of the population of Armenia are provided. Sociological analysis of the self-perception of Armenians in relation to other ethnic groups of a large historical region is given. The outlines of social distance within the Armenian ethnos between various groups of its diaspora are considered in detail. Some of the sociological data obtained is compared to the results of recent genetic studies of the Armenian ethnos.

Keywords: national identity; Armenians; ethnic criteria; sociological research.

For citation: Poghosyan, G.A. General Outlines for the National Identity of Modern Armenians. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 123–140. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.6

Acknowledgement: The research was carried out within the framework of the project “Cognitive, communicative and semiotic mechanisms for the formation of historical memory and national identity” (code 21AG-6C041).

REFERENCES

1. Bauman Z. Individualized society. [Russ. ed.: *Individualizirovannoe obshchestvo*. Transl. from Eng.; Ed. by V.L. Inozemtsev; Research Center in industrial style islands; “Free Thought”. Moscow: Logos publ., 2002. LXIII, 324, [2] p.]
2. Berger P. Invitation to sociology: a humanistic perspective. [Russ. ed.: *Priglasenie v sotsiologiyu: gumanisticheskaya perspektiva*. Transl. from Eng. by O.A. Oberemko; Ed. by G.S. Batygin. Moscow: Aspekt-Press publ., 1996. 166, [2] p.]
3. *Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologi*. [Large explanatory dictionary of cultural studies.] Comp. B.I. Kononenko. Moscow: Veche publ.; AST publ., 2003. 509, [2] p. Accessed

- 03.26.2023. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-200-1.htm#zag-443> (In Russ.)
4. Gorshkov M.K. The state's role in the preservation and development of national and civic identity and confidence-building in the context of global processes. *Gumanitarii yuga Rossii*. 2013. No. 3. P. 11–25. (In Russ.)
  5. Zolyan S.T. On the principles and types of description of national identity. *Vestnik RAU. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. [Bulletin of RAU. Series: Humanities and social sciences.] 2018. No. 2 (29). P. 7–18. (In Russ.)
  6. *Iskusstvo i tsivilizatsionnaya identichnost'*. [Art and civilizational identity.] Ed. by N.A. Khrenov; Scientific Council of the Russian Academy of Sciences “History of World Culture”. Moscow: Nauka publ., 2007. 603 p. (In Russ.)
  7. Kochetkov V.V. National and ethnic identity in the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2012. No. 2. P. 144–162. (In Russ.)
  8. Kuznetsov K.A., Shchelin P.A. National identity and sustainable statehood. *Comparative politics*. 2014. Vol. 5. No. 1 (14). P. 31–36. (In Russ.)
  9. Manukyan S. *The core of the ethnic identity of the Armenians of Armenia*. Accessed 26.06.2023. URL: <https://orbeli.am/hy/post/402/2020-03-27/bedroom> (In Armenian)
  10. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t.* [New philosophical encyclopedia: In 4 volumes.] Ed. advice: V.S. Stepin, A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, A.P. Ogurtsov, etc. Moscow: Mysl' publ., 2010. 744 p. Accessed 23.06.2023. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija_v_4_tomakh_2010/23-1-0-1152 (In Russ.)
  11. Pogosyan G.A. *Istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost'*. [Historical memory and national identity.] Yerevan: Izd-vo RAU publ., 2023. 134 p. (In Russ.)
  12. Pogosyan G.A. Contours of the new Armenian identity and social solidarity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2005. No. 3 (75). P. 125–131. (In Russ.)
  13. Poghosyan G. The fate of the Armenian in Armenia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1994. No. 10. P. 150–154. (In Russ.)
  14. Sarkisyan O.L. Cultural resource of identity politics (on the example of Armenia). *Vestnik RAU. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. [Bulletin of RAU. Series: Humanities and social sciences.] 2018. No. 2 (29). P. 28–34. (In Russ.)
  15. Sapozhnikova R.B. Analysis of the concept of “identity”: theoretical and methodological foundations. *Vestnik TGPU. Seriya: Psikhologiya*. 2005. Iss. 1 (45). P. 3–17. (In Russ.)
  16. Simonova O.A. Towards the formation of a sociology of identity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2008. No. 3. P. 45–61. (In Russ.)
  17. *Slovar' sotsiolingvistikhsikh terminov*. [Dictionary of sociolinguistic terms.] Comp. by A.N. Bitkeev, V.Yu. Mikhalchenko, V.A. Kozhemyakin, T.B. Kryuchkov, et al. Moscow: In-t yazykoznaniiya RAN publ., 2006. 312 p. (In Russ.)
  18. *Sotsiologicheskii slovar'*. [Sociological Dictionary.] Ed. by G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. Moscow: Norma publ., 2008. 608 p. (In Russ.)
  19. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'*. *Na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh*. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Ed. by G.V. Osipov. Moscow: INFRA-M – NORMA publ., 1998. 488 p. (In Russ.)
  20. Erickson E. Identity: youth and crisis. [Russ. ed.: *Identichnost': yunost' i krizis*. Transl. from Eng. Moscow: Progress publ., 1996. 344 p.]
  21. Calhoun C. *Critical Social Theory: Culture, History, and Challenge of Difference*. Oxford; Cambridge: Wiley-Blackwell, 1995. 356 p.
  22. Bogardus E.S. Social Distance in the City. *Proceedings and Publications of the American Sociological Society*. 1926. No. 20. P. 40–46.

23. Hellenthal G., Busby G.B., Band G., Capelli C., Falush D., Myers S.R., Wilson J.F. A Genetic Atlas of Human Admixture History. *Science*. 14 Feb. 2014. Vol. 343. Iss. 6172. P. 747–751. DOI: 10.1126/science.1243518
24. Giddens A. *Modernity and Self Identity: Self and society in late modern age*. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
25. Hall S. Who Needs “Identity”? *Questions of Cultural Identity*. Ed. by S. Hall, P. du Gay. London: Sage, 1996. P. 1–17.
26. Huntington S.P. *Who are We: The Challenges to America’s National Identity*. N.Y.: Simon & Schuster, 2004. 428 p.
27. Sabagh G., Bozorgmehr M. Der-Martirosian C. Subethnicity: Armenians in Los Angeles. *California Immigrants in World Perspective: The Conference Papers, April 1990. 1989–1990*. Vol. V. No. 6. Los Angeles: Institute for Social Science Research, 1990. Accessed 11.19.2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/5000004_Subethnicity_Armenians_in_Los_Angeles
28. Sahakyan V. *Between Host-Countries and Homeland: Institutions, Politics and Identities in the Post-Genocide Armenian Diaspora (1920s to 1980s)*. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy (Near Eastern Studies). Ann Arbor: University of Michigan, 2015. 498 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gevorg A. Poghosyan — Doctor, Professor of Sociology, Full member of ANAS RA, Foreign member of RAN; Head of Sociological Department, Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA. **Phone:** + 374 91 403 309. **Email:** gevork@sci.am

Received: 17.07.2023.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

В этой рубрике мы завершаем годичный цикл памяти, посвященный Геннадию Семеновичу Батыгину (1951–2003) — основателю и бессменному главному редактору «Социологического журнала», известному методологу и историку социологии. Все номера этого года включают воспоминания и другие материалы о нем, написанные коллегами и учениками. Эти публикации позволяют узнать о малоизвестных фактах профессиональной жизни Г.С. Батыгина, о круге его научного общения, влиянии его личности на тех, кто оказывался рядом.

Публикуются воспоминания доктора социологических наук, профессора Татаровой Галины Галеевны.

Интервью подготовил кандидат социологических наук Д.М. Рогозин, ученик и коллега Геннадия Семеновича.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.7

EDN: PTRTPQ

Г.Г. ТАТАРОВА¹, Д.М. РОГОЗИН^{1,2}

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).
119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

«БАТЫГИН БЫЛ ГЛУБОКО МЫСЛЯЩИМ СОЦИАЛЬНЫМ ФИЛОСОФОМ, НО МОГ СПУСТИТЬСЯ НА УРОВЕНЬ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ»

Аннотация: Интервью посвящено воспоминаниям об отечественном ученом Г.С. Батыгине (1951–2003), оставившем значимый след на поле социологической методологии. Особое внимание уделяется не столько его научному мышлению, связанному с интенсивной критической рефлексией по поводу разных методологических подходов в социальной теории, сколько представлениям о нем как типе личности.

Ключевые слова: Геннадий Семенович Батыгин; социология, методология; методная проблематика; «четырёхэтная» область.

Для цитирования: Татарова Г.Г. «Батыгин был глубоко мыслящим социальным философом, но мог спуститься на уровень эмпирической социологии» / Интервью подготовил Д.М. Рогозин // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 141–150. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.7 EDN: PTRTPQ (в печати)

Когда Вы познакомились с Батыгиным, при каких обстоятельствах? Какое первое впечатление он на Вас произвел?

Не уверена, что слово «познакомились» здесь уместно. Мы работали в разных отделах Института (я уже работала в Институте до его прихода), — и долгое время никакого профессионального интереса к Батыгину не испытывала. Тем более была намного старше по возрасту, круг моих интересов был ограничен математическими методами. Пожалуй, первое впечатление о нем сложилось на «методной» конференции (Звенигород, 1989 г.). О, это была удивительная конференция по мощи, составу участников, по глубине обсуждаемых проблем¹, но не об этом речь. Меня тогда поразил его взгляд — такой глубокий, что казалось, он о тебе знает больше, чем ты о себе. Может, это было связано с тем, что я была среди организаторов этой конференции и тем самым вызвала его любопытство.

---

¹ Поистине удивительная третья всесоюзная конференция, в числе организаторов которой была Г.Г. Татарова. Сотни участников, огромное разнообразие докладов, споры, мечты, ожидание методологического прорыва — все это объединяло столь разных людей, что трудно сейчас поверить в реальность тех обсуждений. Но остались небольшие брошюры (тезисы и развернутые статьи, опубликованные по итогам конференции) — свидетельства былого интеллектуального пиршества. Так, А.Е. Елизаров докладывал об организации Отраслевой социологической службы при Министерстве культуры РСФСР [2]. С 1984 г. при координации головного учреждения НИИ культуры начали проводиться регулярные опросы. В год служба организовывала от двух до пяти общереспубликанских обследований с численностью опрошенных от 2,5 тыс. до 4,5 тыс. В качестве анкетеров рекрутировались местные жители. Оплата труда была сдельная: 2 руб. за анкету. Сейчас трудно даже представить такие расценки. Если средняя зарплата составляла около 120 руб., а в день можно было свободно собрать 10–20 анкет, то дополнительный приработок анкетеров был весьма привлекательным. Неслучайно не только по конкурсу брали в анкетеры и интервьюеры, но и требовали самостоятельно оплатить обучение. П.В. Романов, описывая формирование социологической лаборатории, упоминает, что плата за обучение анкетерской работе по 16-часовой программе в вечернее время составляла 16 руб. [3]. И спрос на обучение был велик. Это было время больших надежд и большого энтузиазма. Эмпирическая социология имела даже некоторый героический оттенок, воспринималась самым действенным инструментом для реализации государственной политики гласности, свободы и ускорения. — *Прим. Д. Р.*

Настоящее знакомство с его творчеством и с ним как личностью произошло намного позже, когда он рулил в журнале «Социологические исследования»². Процесс формирования моего отношения происходил по мере моего «взросления» в социологии. Как-то незаметно для меня он стал *методологом* высочайшего класса в Советском Союзе. Думается, это особое призвание, особый стиль мышления в науке.

Слышал о значимости звенигородской конференции не раз от других коллег, но почему-то после Ваших слов захотелось быстро собраться, приехать в институтскую библиотеку, она как раз открыта по средам, и взять три тоненькие, поблекшие брошюры. И теперь держу в руках три выпуска и восхищаюсь проделанной Вами работой. Блистательный состав, выверенные секции и чрезвычайно актуальные сейчас темы — как будто и нет между сегодняшним днем и началом декабря 1989 г. нескольких десятков лет. Но среди написавших тезисы нет ни Ядова, ни Батыгина. Как так получилось — о Геннадии Семеновиче вспоминают коллеги и Вы, а он даже не выступал? Или выступал, но не считал нужным опубликовать свое выступление?

И еще обратил внимание, что сборники подписаны в печать за месяц до конференции. Значит, Вы готовили их, чтобы раздать на конференции? Почему в трех сборниках идут секции не по порядку и указаны не все? В первом выпуске опубликованы первая и вторая секции, во втором — третья и девятая, в третьем — четвертая и седьмая. Расскажите, пожалуйста, чуть подробнее об этой конференции. Она обозначена уже третьей. Почему именно эта конференция так выделяется на фоне всего остального? Были ли до и после столь же масштабные встречи?

Дорогой Дмитрий Михайлович! Разговоры об этой конференции уведут нас далеко в процессы становления «методной» проблематики в Институте социологии (см. [4]), а также в детали конференции, которые либо ушли уже из памяти, либо в ней и не пребывали. Поэтому буду отвечать телеграфно, но непоследовательно.

Конференция ведь называлась «Методы социологических исследований», она плод деятельности нашего отдела — его возглавлял В.Г. Андреенков — с соответствующим названием. Одна из важных составляющих работы отдела — координационная деятельность, вы-

---

² В журнале «Социологические исследования» в конце 1980-х Батыгин занимал должность заместителя главного редактора, но фактически полностью определял всю редакционную политику. В эти годы существенно изменился репертуар журнальных статей: на смену передовицам и партийным материалам пришли анализ эмпирических исследований, методологические размышления и методические разборы. Журнал обрел новую молодость и стал флагманом советской социологической мысли. — Прим. Д. Р.

полнение функций головной институции по объединению «методных» исследований и специалистов СССР. Коллективные монографии, изданные в те годы благодаря Ю.Н. Толстой, О.М. Масловой и др., не потеряли своей ценности в современных реалиях.

В отечественной социологии по этой проблематике конференция была уже третьей по счету. В постсоветское время эстафету перехватила «Вышка», провела пару конференций, и на этом «четырёхэмная» область³ превратилась в лоскутное одеяло. Значимость конференции была именно в том, что ее программа отражала «четырёхэмную» область в достаточно полной мере — этого не наблюдалось ни до, ни после.

Тоненькие брошюры были изданы не для «галочки», а как рабочий материал.

Ответ на Ваш вопрос о том, почему секции представлены в этих брошюрах не последовательно: программа конференции компоновалась в одной логике, брошюры — несколько в иной. К примеру, в третьем выпуске представлены именно близкие по сути секция 4 («Современные аспекты анализа нечисловых данных») и секция 7 («Программное обеспечение анализа социологических данных...»).

Что касается вопроса о том, почему нет тезисов В.А. Ядова и Г.С. Батыгина. Затрудняюсь ответить. Мне было поручено заниматься оргвопросами и координацией подготовки к конференции в целом, поскольку в период подготовки к ней заведующий отделом был вынужден уехать в Америку на длительный срок — кажется, на полгода. Могу только предположить, что причина отсутствия тезисов в том, что Владимир Александрович никогда не позиционировал себя как «методный» специалист. Что касается Геннадия Семеновича, который активно участвовал в работе конференции — выступал, разумеется, то он ведь к жанру тезисов относился всегда скептически (возможно, эта установка была уже в его молодые годы).

С одной стороны, судя по публикациям и конференциям, исследовательским проектам, первая половина 1990-х стала самой насыщенной и продуктивной в работе сектора методологии и методов социологических исследований. Огромный потенциал и задел на следующие годы. С другой стороны, именно в эти годы Батыгин

---

³ «Четырёхэмная» — от названия журнала. Речь идет о методологической триаде — методология, методы, математическое моделирование, — основоположником, защитником и проводником которой выступала Г.Г. Татарова. Именно так назван журнал — «Социология 4М: методология, методы, математическое моделирование» (выходит в свет с 1991 г., правда, последние по хронологии номера вышли в 2021-м). Основателем и первым главным редактором журнала был В.А. Ядов, затем долгие годы руководила редколлегией Г.Г. Татарова, в настоящее время главный редактор журнала — И.Ф. Девятко. — Прим. Д. Р.

работает над своими «Лекциями по методологии социологических исследований», запускается программа по социологии в Шанинке, ориентированная на методологические вопросы, развивается сотрудничество Батыгина с Александром Крыштановским и также осуществляются публикации, конференции, исследовательские проекты. Пересекались ли эти направления? Были ли какие-либо совместные планы, проекты, обсуждения? Сотрудничал ли Батыгин с Вашим сектором в эти годы? Или это были два относительно автономных направления развития отечественной методологии?

В те годы социальный фон всех процессов — ПЕРЕСТРОЙКА — объяснял все. Любой процесс имеет амбивалентный характер. Это же были годы деления Института на два, разрушения отдела как целостного образования и в то же время удовлетворения амбиций — в хорошем смысле — многих профессионалов. Мы ведь не умеем эволюционно развиваться, нам подавай революцию. Не хочется заниматься брызжанием (хотя мне полагается по возрасту), но результат можно уже оценить. Я позволила себе выделить 20 синдромов профессионального заболевания [7]. Развитие «*четырёхэтной*» области идет в основном вширь, а не вглубь. Опять все амбивалентно. С одной стороны, это здорово, а с другой — печально. Качество социологического объяснения реальности, методологическая культура эмпирических исследований разве повысились? Думается, нет, играем в бисер⁴. Не слышим друг друга. Не хочу садиться на своего любимого конька, связанного с процессами ИНТЕГРАЦИИ. И вообще, речь не обо мне.

Вернемся к Геннадию Батыгину. Я ведь не входила в его ближайший круг, иногда посещала его семинары в Институте⁵, читала его

⁴ На мелкотемье, фрагментарность современных социологических исследований сетовали многие социологи советского поколения. Так, А.Г. Здравомыслов не раз говорил, что самая большая его печаль — это отказ современных социологов от решения государственных, масштабных, глобальных задач, уход в микросоциологию, в которой осталось лишь микро, а социологии давно нет. — *Прим. Д. Р.*

⁵ Речь идет о знаменитом Батыгинском семинаре, который изначально был посвящен обсуждению междисциплинарных методологических проблем. В качестве участников на семинар приглашались филологи, биологи, этнологи, антропологи, представители всех областей гуманитарного знания, и не только. Семинар состоял из четырех частей, следование регламенту которых поддерживалось Батыгиным. В первой части (примерно 40 минут) выступал докладчик, и после окончания его выступления разрешалось задать короткие и четко сформулированные вопросы, уточняющие его мысль, проясняющие непонятое. Вторая часть состояла из небольшого застолья. Каждый участник приносил какую-либо снедь, пили чай. Эту часть нельзя назвать перерывом или кофе-брейком, поскольку она имела самостоятельное значение и длилась 20–30 минут. Во-первых, за столом в непринужденной обстановке сглаживались формальные различия, ре-

статьи. Его «Лекции» 1995 г. [1] были крайне оригинальны и интересны по структуре. В них очень полезный раздел по выборке, рефлексия о *триадах* Новака, о структуре *языка* социологического исследования и др. В сфере развития методологического знания в те годы много чего происходило позитивного. Появилось много новых учебников, журналы возникли и др.

Первый номер журнала «Социология 4М: методология, методы, математическое моделирование» вышел в 1991 г., а детище Геннадия Семеновича «Социологический журнал» — в 1994 г. За этим крылись, мне думается, благие намерения развивать *методологию* в разных направлениях. Хотели как лучше, а получилось что получилось. Оценка результатов зависит от цели, ради достижения которой они делаются. Но это уже о другом.

Важно то, что в те годы Батыгин проявил себя как профессионал высочайшего уровня, стал «грозою» в ученых советах, диссертационных советах, в экспертном совете ВАК. Соответственно, когда передо мной встал вопрос о защите докторской, без его одобрения было опасно выходить на защиту. Поскольку главными арбитрами в диссертационном совете по проблемам методологии математической формализации в социологии могли выступить только Г. Батыгин и В. Ядов. Геннадий Семенович результаты моего исследования («Типологический анализ

галии: на семинаре Батыгина все участники, вне зависимости от пола, возраста, научного звания, были равны в праве высказать суждение, и для этого требовался некоторый буфер, намек на неформальность. Во-вторых, многие приходили на семинар, чтобы повидаться с Батыгиным, решить какой-то вопрос. Перерыв создавал шлюз для таких разговоров. Наконец, в-третьих, именно во второй части формировался круг Батыгина, встречались друзья, слышался смех, велись разговоры о текущих заботах и переживаниях. Третья часть была дискуссионной. В ее регламенте предполагались краткие выступления участников семинара по заявленной докладчиком теме. Правда, выступления не всегда бывали краткие и не всегда по теме. Батыгин позволял, если это требовала логика изложения, выйти за рамки отведенного времени и обозначенной темы. На семинаре решались методические и методологические затруднения, каждый говорил о том, что его волнует, является частью его исследовательской жизни. Наконец, четвертая часть семинара вновь проходила за столом и затягивалась до полуночи, когда уже поднимался на четвертый этаж охранник и настоятельно просил разойтись. А расходиться совсем не хотелось. Гостем этих семинаров бывала Галина Галеевна Татарова. Всегда принципиальная, порой резкая, она вносила дополнительную дискуссионность, расширяла смыслы, требовала дисциплинированности в формулировании научного вывода. А еще у Галины Галеевны прекрасный голос, и порой, крайне редко, она подхватывала любимый напев Ядова, и тогда научный семинар трансформировался во что-то иное, диаметрально противоположное всему, что приходилось мне видеть в других встречах научных коллективов. — *Прим. Д. Р.*

в социологии: методологические предпосылки и эмпирическая интерпретация») [5] одобрил и согласился выступить в качестве официального оппонента. Кстати, и раньше по моему учебному пособию [6] его назначали «черным» рецензентом. Примечательно, что мои догадки «не Батыгин ли является рецензентом?» появились после того, когда рецензент попросил убрать хвалебные суждения и оценки в адрес книги «Лекции по методологии социологических исследований» [1]. Когда моя книга вышла в свет, рецензенты стали известны.

Так что, хотя я и не входила в его ближний круг, на некоторых важных этапах моей профессиональной жизни общение с ним было для меня важным.

А что действительно получилось? Какой Вам видится сейчас ситуация с методологией в нашей стране? Батыгин примерно 20 лет находился на фронтире методологических дискуссий, 20 лет его уже нет. Насколько различаются эти двадцатилетия? Насколько его вклад воспринят нынешним поколением исследователей? Как Вам это видится — как участнику как тех, так и этих методологических дебатов? Даже Вашему перечню профессиональных «заболеваний» уже почти десять лет. Неужели ничего не изменилось? И сохраняется ли инерционность, заданная прошлыми годами?

Такие были надежды на эту перестройку! Думается, они не оправдались в той мере, на которую мы рассчитывали. Я не вправе делать выводы по всей отечественной социологии, но по своей «четырёхэтной» области могла бы позволить ряд суждений, опираясь на наблюдения в процессе долгого членства: в экспертном совете ВАК, диссертационных советах, редколлегиях журналов. Однако не хочется повторяться. Не вижу в этом смысла. Наше сообщество крайне неоднородно, его проблемы связаны не только с отечественными реалиями, но и в целом с состоянием социологической методологии в мире.

Этот проблемный контекст к Батыгину не имеет отношения. Важно то, что он был удивительной личностью в науке, относился к редкому социальному типу среди социологов. Не только с изяществом владел «пером и словом», был энциклопедически образованным в истории и теории социологии, глубоко мыслящим социальным философом, но и удивительным образом мог спуститься — или подняться — на уровень методологии эмпирической социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995. — 286 с. EDN: YNBOTR
2. *Елизаров А.Е.* Опыт создания и эксплуатации сетей интервьюеров в Министерстве культуры РСФСР // Методы социологических исследований. (3-я Всесоюзн. конф., 4–8 декабря 1989 г., г. Звенигород

- Моск. обл.). Вып. 2 / Под ред. В.Г. Андреевкова, О.М. Масловой, Г.Г. Татаровой. М.: Печатно-множительная лаборатория Ин-та социологии АН СССР, 1989. С. 9–11.
3. *Романов П.В.* Опыт организации школы и сети анкетеров при Центре социально-педагогической деятельности «Вольтер» г. Куйбышева // Методы социологических исследований. (3-я Всесоюз. конф., 4–8 декабря 1989 г., г. Звенигород Моск. обл.). Вып. 2 / Под ред. В.Г. Андреевкова, О.М. Масловой, Г.Г. Татаровой. М.: Печатно-множительная лаборатория Ин-та социологии АН СССР, 1989. С. 16–18.
  4. *Татарова Г.Г.* «Методная» проблематика: история становления в Институте социологии РАН и современные вызовы // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 30–39. DOI: 10.7868/S013216251806003X EDN: XQOMLZ
  5. *Татарова Г.Г.* Типологический анализ в социологии: методологические предпосылки и эмпирическая интерпретация. Дис. ... д. социол. н. 22.00.01. М.: Институт социологии РАН, 1998. EDN: YNYYYY
  6. *Татарова Г.Г.* Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993. — 103 с. EDN: TFKHUX
  7. *Татарова Г.Г.* Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 153–165.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Татарова Галина Галеевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр методологии социологических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 125-00-71. **Электронная почта:** tatarova-gg@rambler.ru

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; директор, Научно-исследовательский центр полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). **Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru

Дата поступления: 04.10.2023.

SOTSIOLIGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 4. P. 141–150. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.7

Research Article

GALINA G. TATAROVA¹, DMITRY M. ROGOZIN^{1, 2}

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

²Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).

82, Vernadskogo avenue, 119571, Moscow, Russian Federation.

**“BATYGIN WAS A DEEP-THINKING SOCIAL PHILOSOPHER,
BUT COULD COME DOWN TO THE LEVEL OF EMPIRICAL SOCIOLOGY”**

Abstract: This interview is dedicated to remembering the Russian scientist G.S. Batygin (1951–2003), who made a significant contribution to the field of sociological methodology. Particular attention is paid not so much to his scientific thinking, associated with intense critical reflection on different methodological approaches in social theory, but to ideas about him as a personality type.

Keywords: Gennady Semenovich Batygin; sociology; methodology; methodological issues; “four-M field of study”.

For citation: Tatarova, G.G. “Batygin was a Deep-Thinking Social Philosopher, but could Come Down to the Level of Empirical Sociology”. Interview prepared by D.M. Rogozin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 141–150. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.7

REFERENCES

1. Batygin G.S. *Lektsii po metodologii sotsiologicheskikh issledovaniy*. [Lectures on the methodology of sociological research.] Moscow: Aspekt Press publ., 1995. 286 p. (In Russ.)
2. Elizarov A.E. Experience in creating and operating networks of interviewers in the Ministry of Culture of the RSFSR. *Metody sotsiologicheskikh issledovaniy*. (3-ya Vsesoyuzn. konf., 4–8 dekabrya 1989 g., g. Zvenigorod Mosk. obl.). [Methods of sociological research. (3rd All-Union Conference, December 4–8, 1989, Zvenigorod, Moscow region).] Vol. 2. Ed. by V.G. Andreenkova, O.M. Maslova, G.G. Tatarova. Moscow: Pechatno-mnozhitel'naya laboratoriya In-ta sotsiologii AN SSSR publ., 1989. P. 9–11. (In Russ.)
3. Romanov P.V. Experience of organizing a school and a network of questionnaires at the Center for Social and Pedagogical Activities “Voltaire” in Kuibyshev. *Metody sotsiologicheskikh issledovaniy*. (3-ya Vsesoyuzn. konf., 4–8 dekabrya 1989 g., g. Zvenigorod Mosk. obl.). [Methods of sociological research. (3rd All-Union Conference, December 4–8, 1989, Zvenigorod, Moscow region).] Vol. 2. Ed. by V.G. Andreenkova, O.M. Maslova, G.G. Tatarova. Moscow: Pechatno-mnozhitel'naya laboratoriya In-ta sotsiologii AN SSSR publ., 1989. P. 16–18. (In Russ.)
4. Tatarova G.G. “Method” Problems in the Institute of Sociology RAS: A History of its Making and Contemporary Challenges. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 6 (410). P. 30–39. DOI: 10.7868/S013216251806003X (In Russ.)
5. Tatarova G.G. *Tipologicheskii analiz v sotsiologii: metodologicheskie predposylki i empiricheskaya interpretatsiya*. Dis. ... d. sotsiol. n. 22.00.01. [Typological analysis in sociology: methodological premises and empirical interpretation. dis. ... d. sociol. sci. 22.00.01.] Moscow: Institut sotsiologii RAN publ., 1998. (In Russ.)
6. Tatarova G.G. *Tipologicheskii analiz v sotsiologii*. [Typological analysis in sociology.] Moscow: Nauka publ., 1993. 103 p. (In Russ.)
7. Tatarova G.G. Coherence of Integrative Processes as Precondition for Improvement of Empirical Research Quality in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 7 (363). P. 153–165. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina G. Tatarova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 125-00-71.

Email: tatarova-gg@rambler.ru

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Director, Field Research Center, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА). **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** rogozin@ranepa.ru

Received: 04.10.2023.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.8

EDN: QKTCLF

*А. Н. МАЛИНКИН*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ С.Л. ФРАНКА. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА: Г. ЗИММЕЛЬ, Э. ГУССЕРЛЬ, М. ШЕЛЕР

Аннотация. Статья является продолжением исследования эволюции социальной мысли С.Л. Франка, результаты которого начали публиковаться в предыдущем номере. В данной статье рассматривается концепция социальной философии С.Л. Франка, изложенная в его труде «Духовные основы общества». Главные идеи его концепции сопоставляются со взглядами Г. Зиммеля, Э. Гуссерля, М. Шелера. Автор приходит к выводу, что в основе социально-философской доктрины Франка лежит идея «богоподобного» («теоморфного») человека, постепенно преодолевающего в обществе и истории свою эмпирическую, естественно-животную природу и обретающего самого себя как личность в стремлении к Богу — высшей основе мироздания. Общественное и духовное бытие сливаются у Франка в онтологическое единство, которое фундировано в бытии человека — в истории его общества как «феноменологии духа» и «драматической судьбе Бога в сердце человека», а также в его «живом знании» о себе как «медиуме», «проводнике» высших начал и ценностей. Концепция социальной философии Франка сложилась, по мнению автора, под влиянием «философско-социологических» установок Г. Зиммеля, трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, а его философская антропология во многом близка ранним религиозно-философским идеям М. Шелера.

Ключевые слова: С.Л. Франк; Г. Зиммель; Э. Гуссерль; М. Шелер; социальная философия; метафизика общественного бытия; «живое знание»; человек; личность; Бог; ценности.

Для цитирования: *Малинкин А.Н.* Концепция социальной философии С.Л. Франка. Опыт сравнительного анализа: Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 151–168. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.8 EDN: QKTCLF

Взгляды Семена Людвиговича Франка (1877–1950) представляют для нас интерес в этой статье не в их разносторонности и системности — нас интересует только *концепция* его социальной философии, то есть ее идейное ядро, изложенное в книге «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1929) [9]. В нашей предыдущей статье мы показали эволюцию социальных идей Франка, предшествующую этому труду. Особенностью нашего подхода к исследованию творчества Франка, значительную часть жизни работавшего в Германии, является сравнительный анализ его идей со взглядами Г. Зиммеля, Э. Гуссерля, М. Шелера.

Франк характеризовал свою мировоззренческую позицию как «метафизический реализм». В его понимании последний был равноудален от идеализма и материализма. Мы попытаемся показать, какие основания имелись у него для такой квалификации своих воззрений. Чтобы избежать ловушки традиционной терминологии и понять, почему Франк считал себя реалистом, пусть и метафизическим, нужна текстологически обоснованная реконструкция интересующей нас части его воззрений и взглядов указанных немецких философов.

Мы исходим из того, что гуманитарное исследование должно базироваться прежде всего на фактах. Фактами же в сравнительно-аналитическом историко-философском исследовании могут быть только фрагменты текстов изучаемых философов, где их мысли представлены не в урезанном, а в развернутом полноценном виде. Отсюда соответствующая позиция автора в отношении цитирования. Не подкрепленные цитатами аналитические утверждения свидетельствуют об уровне компетентности аналитика, однако историко-философскими фактами не являются.

Метафизика общественного бытия

Франк приступает к построению своей социальной философии там, где, согласно Зиммелю, заканчиваются границы ведения социологии как социальной науки и начинается «философская социология». В «**Духовных основах общества**» (1929) он начинает с постановки тех вопросов, которые свойственны ей, в отличие от социологии, и, следовательно, определяют ее специфический дисциплинарный профиль. «Что такое есть собственно общественная жизнь? <...> Какое место занимает общественная жизнь в жизни человека, каково ее истинное назначение и к чему, собственно, стремится человек и чего он может достичь, строя формы своего общественного бытия? И наконец, какое место занимает общественная жизнь человека в мировом, космическом бытии вообще, к какой области бытия она относится, каков ее подлинный смысл, каково ее отношение к последним, абсолютным началам и ценностям, лежащим в основе жизни вообще?» [9, с. 15].

Вслед за Зиммелем, который видел специфику «философской» социологии в том, что она не имеет своей предпосылкой общество, но «скорее спрашивает о предпосылках самого общества», он ставит вопрос об онтологическом статусе социального явления и общественного бытия вообще: «Возможен ли в конкретном эмпирическом мире вообще какой-то третий род бытия, не совпадающий ни с материальным, ни с психическим бытием?» [9, с. 70]. Ответ: такова «объективная идея». В современной философии, утверждает Франк, это понятие утвердилось в трансцендентальной феноменологии Гуссерля. «Общественное бытие, будучи нематериальным, вместе с тем надындивидуально и сверхлично, отличаясь тем от бытия психического. Назовем такое объективное нематериальное бытие идеей — конечно, не в субъективном смысле человеческой мысли, а в смысле, близком к значению платоновских “идей”, в смысле духовного (но не душевного) объективного содержания бытия. Тогда мы скажем, что существо общественного явления как такового состоит в том, что оно есть объективная, сущая идея. Понятие такой “объективной идеи” не чуждо и современному философскому сознанию. Логика и теория науки в своей критике психологизма (например, в философии Гуссерля) показали, что, например, содержание математических и логических понятий мы обязаны мыслить как такого рода “объективные идеи”» [9, с. 70].

Критика Гуссерлем психологизма, продолжает Франк, показала и нечто большее, а именно что «существует сфера идеальных соотношений, вневременно сущая и потому независимая от сферы человеческой душевной жизни. Кроме области математики и логики, к этой сфере относится и предмет чистой этики. Истины нравственного сознания в своем бытии и значимости также независимы от душевной жизни людей, от их осознания, имея вневременную силу в самих себе, иначе бы они не могли властвовать над людьми». «По образцу этой объективно-идеальной сферы мы, по-видимому, должны мыслить и своеобразную природу общественного бытия», — заключает Франк и ссылается на социально-философские труды неокантианцев Когена, Штамллера, Кельзена, утверждавших трансцендентальный характер права и государства [9, с. 70–71].

Но специфика общественного бытия сложнее, делает важную оговорку Франк. При всем сходстве с математическими, логическими, этическими, правовыми объективными идеями социальное бытие имеет существенные отличия. Во-первых, оно не абстрактно и не вечно, а конкретно и временно. Во-вторых, эта изменчивость связана с конкретно-исторической жизнью людей, в конечном счете, с природой человека. Здесь Франк выходит из поля интеллектуального притяжения основателя трансцендентальной феноменологии Гуссерля и начинает сближаться с кругом идей, близких, в частности, к феноменологической социологии Шелера. Речь идет прежде всего о тео-

логическом измерении души и духа человека и о связи человеческой социальности с божественным началом.

«Своеобразие объективно-идеального бытия общественного явления мы можем усмотреть в том, — утверждает он, — что *оно есть образцовая идея, идея-образец, т. е. идея, самый смысл которой заключается в том, что она есть цель человеческой воли, телеологическая сила, действующая на волю в форме того, что должно быть, что есть идеал*. Поскольку общение между людьми совершается просто в порядке фактического взаимодействия их, фактической встречи и переплетенности их душевных процессов, оно еще не есть общественное явление. *Лишь когда единство, лежащее в основе этого общения, воспринимается и действует как сила или инстанция, которой подчинены участники общения, как образцовая идея, которую они должны осуществлять в своем общении*, мы имеем подлинно общественное явление» [9, с. 71] (курсив наш. — А. М.).

Примеры, которые приводит Франк, убедительны. Если союз дружбы или любви перестал иметь силу над душами его участников, то его больше нет. Частые встречи двух людей и их взаимная симпатия еще не есть социальный феномен «дружба» — он наблюдается лишь там, где люди сознают себя «друзьями» и подчиняют отношения своему идеалу дружбы, где дружба как социальное «единство» сознается ими как некое объективное самодовлеющее начало, значимое для них обоих.

Аналогичным образом и политическая «власть» в обществе существует не там, где один человек или группа путем насилия заставляют всех повиноваться себе, но там, где все или большинство признают повелевающих своими законными «властителями», то есть где отношения подчинены идее власти как образцу, который должен быть осуществляем в совместной жизни. Если никто более не повинуется воле монарха и не верит в его достоинство, то тем самым монархия как идея — а вместе с ней и ее конкретное воплощение — уже не существует, пишет Франк, она умерла. Эта идея независима от фактических субъективных душевных переживаний людей, в качестве объективного единства и незримой силы она довлеет над всеми членами общества. Таким образом, социальное единство как идея «в отличие от чистого идеального бытия математических или логических содержаний есть *интегральный момент коллективной человеческой жизни; она творится самими людьми, вырастает из их совместной, коллективной жизни и укоренена в ней, а потому и живет во времени, рождается, длится и исчезает*, подобно всякой иной жизни на Земле» [9, с. 72] (курсив наш. — А. М.).

Франк приходит к выводу, что своеобразную природу общественного бытия нельзя адекватно выразить ни в категориях чисто субъективного порядка, ни в категориях порядка объективного. По своей

природе, пишет он, общественное бытие выходит за пределы не только антитезы «материальное — психическое», но и антитезы «субъективное — объективное». «Оно сразу и “субъективно”, и “объективно”, как бы парадоксально это ни было с точки зрения наших обычных философских понятий. Определяя его как относящееся к субъективному миру, мы вынуждены отрицать или объявлять “иллюзией” его специфическую объективность, его независимость от человеческих чувств и мнений, его как бы принудительное господство над человеческой жизнью. Усматривая в нем “объективную сущую идею”, мы, с другой стороны, впадаем в опасность игнорировать его принадлежность к человеческой жизни, его зависимость от человеческого “признания”, его рождение из недр человеческого духа и постоянную зависимость от последнего, впадаем в опасность идолопоклонства, превращающего творение человеческого духа в какой-то “идол”, в силу сверхчеловеческую» [9, с. 72].

Но что же тогда делать? Как добиться взаимного соответствия понятийных средств мышления и трудноуловимых предметных реалий? Было бы ошибкой, пишет Франк, искать решение проблемы в приспособлении самого предмета к нашим неадекватным ему привычным категориям. Надо поступить наоборот: признать их неадекватность и выйти за их границы. К счастью, утверждает он, в отношении своего качественного характера общественное бытие не уникально: его онтологическая специфика сходна с той, что имеет место в другой широкой области бытия, которую мы называем сферой духа, духовной жизнью.

«Под духовной жизнью разумеется именно та область бытия, в которой объективная, надындивидуальная реальность дана нам не в форме предметной действительности извне как объект, предстоящей нам и противостоящей как трансцендентная реальность нам самим, “субъекту” и его внутреннему миру, а в форме реальности, присутствующей в нас самих, изнутри с нами сращенной и нам раскрывающейся. Такова реальность Бога, как она дана нам в первичном мистическом опыте — независимо от того, как отношение человека к Богу выражается в дальнейшей рефлексии, в производных богословских доктринах. Так же дана нам реальность начал, которые образуют отдельные моменты нашей идеи Бога, — реальность Добра, Красоты, Истины как неких объективно-надындивидуальных “царств”, открывающихся во внутреннем опыте... Реальность, данная в этом внутреннем, мистическом опыте, всегда выходит за пределы противоположности между “субъективной жизнью” и внешним ей “предметом”, дана не внешне-предметному созерцанию, а внутреннему живому знанию — знанию, в котором реальность сама раскрывается внутри нас» [9, с. 72–73].

«Общественное бытие, — продолжает Франк, — входит в этом отношении в состав духовной жизни и есть как бы ее внешнее выражение и воплощение. Та своеобразная объективность, которая ему присуща,

не есть какая-то иллюзорная “объективизация”, ложное гипостазирование субъективных порождений человеческой души, но и не есть внешняя человеку предметная реальность, подобная материальному миру. *Она есть подлинно объективная реальность, которая, как некий осадок, вырабатывается самим человеческим духом, выделяется им и неразрывно с ним связана.* Чуткое и правдивое сознание должно всегда ощущать даже в самом прозаическом, секуляризованном, “мирском” общественном явлении что-то мистическое» [9, с. 73] (курсив наш. — А. М.). Так, согласно Франку, мистичны государство, правовой закон, мистичны брачный и семейный союзы, и даже общественное мнение, нравы, мода. Мистичность¹ общественных явлений и сил, конечно, не означает, что они всегда имеют подлинно божественную природу, обязывающую нас к религиозному поклонению, оговаривается Франк, — «они могут быть и “ложными богами” и даже дьявольскими силами, которым мы не должны подчиняться и с которыми мы, напротив, обязаны бороться. Но это все же — начала и силы, выходящие за пределы субъективно-человеческого бытия, — сфера, в которой, по выражению Достоевского, в нашем сердце “Бог борется с дьяволом”» [9, с. 73–74].

Итак, согласно Франку, *общественное бытие* имеет, в сущности, *духовную природу*. Оно есть «живая, укорененная в человеческом сердце и властвующая над ним идея или жизнь, определенная идеальными силами, субъективно-объективное, человечески-сверхчеловеческое единство. <...> Общественная жизнь, — заключает он, — есть, таким образом, духовная жизнь как единство человечески-сверхчеловеческого бытия. То, что образует существо любой формы общественного союза или общественного отношения — будь то форма правления, как “монархия” или “республика”, или форма отношения между классами, как рабство, крепостное право или вольнонаемный труд, или личное отношение, как семья, союз дружбы, отношение между супругами, между родителями и детьми и т. п., — и в чем состоит само бытие этой общественной формы, есть объективная сверхчеловеческая идея, порожденная самим человеком и властвующая над ним через акт его веры в нее и служение ей» [9, с. 74] (курсив наш. — А. М.).

Такая трактовка социальности позволяет Франку называть общественную жизнь человека по сути своей «богочеловеческой», то есть незримо связанной с высшей силой мироздания. Человек, как он полагает, «не самодержавный творец и демиург своего бытия», и его «общественное бытие есть всегда больше, чем имманентное выражение чисто человеческих (в позитивно-натуральном смысле) страстей и субъективных стремлений»: на всех стадиях своего бытия, во всех

---

¹ За последние 100 лет первоначальный смысл понятий «мистика», «мистический» был настолько извращен и опошлен, что сегодня эти слова даже у многих образованных людей вызывают скепсис и отторжение.

исторических формах своего существования человек *«есть как бы медиум, проводник высших начал и ценностей, которым он служит и которые он воплощает, — правда, медиум не пассивный, а активно соучаствующий в творческом осуществлении этих начал»* [9, с. 75] (курсив наш. — А. М.). Здесь Франк фактически воспроизводит центральную идею «материальной этики ценностей» М. Шелера — идею *теоморфизма* человека, которая проходит через все его творчество с самого начала [5, с. 85–90] до самого конца. «В нем [человеке. — А. М.] Логос, “согласно” которому устроен мир, становится актом, в котором можно соучаствовать. Таким образом, согласно нашему воззрению, — писал Шелер, — *становление бога и становление человека с самого начала взаимно предполагают друг друга»* [13, с. 190–191].

Следует отметить, что Франк различает духовную жизнь в ее узком, или внутренне-глубинном, смысле и в широком, или отвлеченном. Общественная жизнь есть духовная жизнь именно во втором смысле. «От духовной жизни в узком смысле, т. е. от той ее стороны, с которой она есть жизнь внутренняя, связь человеческих глубин со сверхчеловеческими началами, общественная жизнь отличается тем, что она есть именно обнаружение, раскрытие и воплощение вовне этой глубинной стороны духовной жизни. <...> *Общественное бытие есть именно двуединство этой внутренней духовной жизни с ее внешним воплощением»* [9, с. 75] (курсив наш. — А. М.).

Религиозно-философская антропология — ядро социальной метафизики Франка

Сам факт, что человек оказывается в центре социальной философии Франка, разумеется, не свидетельствует о влиянии на него Шелера. Правда, не могут не удивить очевидные параллели в их взглядах, которые едва ли могли появиться случайно. Франк читал работы Шелера и ссылаясь на них. Свою социальную философию человека, которую можно квалифицировать и как философскую антропологию, Франк излагает во второй главе книги «Духовные основы общества» в параграфе 4 под названием «Природа человека и нравственное начало общественной жизни».

Идеальное начало, присущее общественной жизни и конституирующее ее объективную реальность, выступает в ней как *«образцовая идея, т. е. как идея, которая телеологически определяет человеческое поведение в качестве идеала или “должного”, осуществляемого в общении»*, утверждает Франк. Из этого следует, по его мнению, что *«начало, образующее существо общественной жизни, имеет нравственный (в широком смысле слова) характер»* [9, с. 75] (курсив наш. — А. М.). Категория должного есть некая первичная категория, считает Франк, ибо она конституирует нравственную жизнь и через нее — сущностное свойство человеческой жизни вообще. Человек никогда не удовлетворяется

своим фактическим состоянием, да и всей совокупностью природных свойств и возможностей, которыми наделен. На него действует идеальная сила должного, «голос совести — призыв, который он испытывает как исходящий из высшей, превосходящей его эмпирическую природу и ее преобразующей инстанции... И только в исполнении этого призыва, в выхождении за пределы своего эмпирического существа человек видит подлинное осуществление своего назначения, своего истинного внутреннего существа» [9, с. 76].

«Своеобразие человеческой природы заключается именно в преодолении и преобразении его природы. *В парадоксальной форме это можно было бы выразить, сказав, что человек всегда хочет быть чем-то бóльшим и иным, чем он есть; и, так как это хотение есть само его существо, можно сказать, что своеобразие человека в том и состоит, что он есть больше, чем то, что он есть.* Человек есть существо самопреодолевающее, преобразующее себя самого — таково самое точное определение человека, усматривающее своеобразный признак, которым человек отделяется от всех других существ на свете. Все попытки натуралистически определить своеобразие человека и найти его принципиальное отличие от животного оказываются неосуществимыми; даже указание на исключительное развитие рассудка или старое франклиновское определение человека как “существа, изготовляющего орудия”, оказываются, по новейшим исследованиям психологии животных, несостоятельными; в лучшем случае здесь может быть констатировано только количественное, но не качественно принципиальное отличие» [9, с. 76] (курсив наш. — А. М.).

В этом месте Франк ссылается на исследование В. Келера об умственных способностях человекообразных обезьян и добавляет: «Ко всей этой теме см. блестящую синтетическую сводку Max Scheler'a “Die Stellung des Menschen im Kosmos” (1928), теоретическая ценность которой совершенно независима от ее ложных религиозно-философских выводов» [9, с. 76]. Оценка Франком выводов Шелера в докладе «Положение человека в космосе» как ложных вполне понятна, ибо Франк мыслил себя находящимся в лоне христианской традиции, тогда как Шелер еще в начале 1920-х гг. начал отходить от христианства в сторону пантеизма Спинозистского типа (на основе переосмысления учения Будды о реальности) [4, с. 164–173].

Человек есть животное, продолжает Франк, с одной стороны, более развитое в интеллектуальном смысле — хитрое, предусмотрительное, сообразительное, — чем другие животные, с другой — в биологическом отношении более слабое и отсталое, чем другие животные, так как лишен богатства и безошибочности инстинктов, которые присущи другим животным видам, и наделен органами, менее приспособленными к защите и нападению. Эта идея Гердера, получившая благодаря Ницше распространение в формулировке «человек — большое живот-

ное», в первой половине XX в. обыгрывалась во многих философских доктринах, в том числе у Шелера. Но важно вовсе не это, а тот факт, что Франк воспроизводит смысловую логику Шелера в его раннем эссе «К идее человека» (1914), а местами буквально вторит ему.

«Только духовное начало в нем [в человеке. — А. М.], принципиально отличное от всех эмпирических качество (в том числе и интеллектуально-психических) и выходящее за пределы его эмпирической природы вообще, есть нечто присущее одному человеку и определяющее его подлинное своеобразие. <...> В нравственном сознании, которое есть практическое выражение этой духовной природы человека, человек, испытывая чувство должного, сознавая абсолютный идеал своей жизни, возвышается над своей эмпирической природой; и это возвышение и есть самое подлинное существо человека. Человек есть человек именно потому, что он есть больше, чем эмпирически-природное существо; признаком человека является именно его сверхчеловеческая, богочеловеческая природа. Человек не только знает Бога, причем это знание, религиозное сознание есть его существенный отличительный признак, так что человека можно прямо определить как то тварное существо, которое имеет сознательную внутреннюю связь с Богом; но это знание есть вместе с тем как бы присутствие Бога в нем самом; человек сознает Бога в самом себе, смотрит на себя как бы глазами Бога и подчиняет или стремится подчинить свою волю действующей в нем воле Бога. Это подчинение, это сознание высшей идеальной необходимости — в отличие от всякой эмпирической необходимости и от всякого произвольного, чисто человеческого хотения — и выражается в категории должного, которая определяет человеческую жизнь. Это существо выражается в нравственном или нравственно-правовом (в широком общем смысле) характере общественного бытия» [9, с. 76–77] (курсив наш. — А. М.).

Для сравнения приведем три фрагмента из эссе Шелера «К идее человека».

«Большое животное, животное, обладающее рассудком и применяющее орудия, — несомненно, весьма отвратительное создание — сразу же становится прекрасным, великим и исполненным благородства, стоит лишь осознать: это существо, способное трансцендировать себя от всей жизни и в ней самого себя благодаря все той же деятельности (которая до смешного легко может исключать себя из “сохранения жизни” с ее целями). В этом совершенно новом смысле “человек” есть интенция и жест самого “трансцендентного” — существо, которое молится и ищет Бога» [15, с. 28–29]. «Заблуждение предшествующих учений о человеке состоит в том, что на пути, лежащем между “жизнью” и “Богом”, они хотели сделать еще одну прочную остановку, нечто, определяемое как существо “человек”. Но такой остановки нет, и как раз неопределимость относится к сущности человека. Он — “между”, “граница”, “переход”, “богоявление” в потоке жизни, вечное “пре-

одоление” жизнью самой себя» [15, с. 29]. «Но, пожалуй, наиглупейшим из всего, что выдумали “мыслители модерна” (“Modernen”), является мнение, будто идея Бога — “антропоморфизм”. Оно абсолютно ложно. Единственно осмысленной идеей “человека”, скорее, следует считать “*тео-морфизм*”, идею некоего X, который есть конечное живое *отображение* Бога, Его подобие — одна из Его бесчисленных теневых фигур на великой стене бытия!» [15, с. 30–31]².

Таким образом, размышления о природе и сущности человека, его положении в мире и предназначении в истории, навеянные, может быть, и мыслями Шелера — самой яркой, по свидетельству Бердяева, звезды на немецком философском небосклоне с 1913 по 1923 г., — образуют идейное ядро социальной философии Франка. Религиозно-философская антропология не была для него каким-то вспомогательным, дополнительным средством. Общественно-историческое бытие человека, которое, по мнению Франка, может быть осмыслено адекватно только в «живом знании» социальной метафизики, он считал наиболее значимым проявлением человеческой сущности. Это в полной мере подтверждает его последний труд «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия» (1956). Анализ его содержания выходит за рамки нашей статьи. Заметим только, что в нем Франк ссылается, в частности, на третью главу работы Шелера «Сущность и формы симпатии» (1923) и утверждает, что Н.О. Лосский еще до Шелера разработал учение о непосредственном, интуитивном познании чужой человеческой души [12, с. 270].

Сравнительно-аналитические выводы

О влиянии на Франка социологии Зиммеля многое уже было сказано. Оно очевидно и в дополнениях не нуждается. Сложнее дело обстоит с Гуссерлем. Фрагменты его текстов здесь не цитируются, так как, с одной стороны, они заняли бы слишком много места, а с другой — при сравнении с Франком важны скорее философско-мировоззренческие установки Гуссерля, чем те или иные его высказывания. Влияние Гуссерля на Франка было мощным, но как бы атмосферическим (например, в том, что касается преодоления психологизма), поэтому его трудно квалифицировать и квантифицировать. Можно лишь указать на тот факт, что фундаментальный труд Франка «Предмет знания» изобилует ссылками на Гуссерля, его последователей и критиков. Франк и сам критикует Гуссерля [10, с. 104]. Между тем «трансцендентальная феноменология» была воспринята им как последнее слово философской мысли, ее неоспоримое новейшее достижение, правда, имеющее ограниченную (научной рациональностью) область применения.

---

² Ср. с высказываниями Франка: [8, с. 496–498].

С одной стороны, Франк опирается на неокантианский идеализм, прежде всего в трактовке «должного» В. Виндельбанда. Он переосмысливает неокантианскую методологию — гносеологический трансцендентализм — в трансцендентализм онтологический и фактически отождествляет так понятую трансцендентальность с «духовным бытием». С другой стороны, он опирается на традиции русской религиозной философии (в первую очередь на идеи Вл. Соловьева), переносит ее мировоззренческие установки и понятие «единство», трактуемое онтологически, подобно «всеединству», на общественное бытие и переосмысливает это понятие через «духовное бытие», уже истолкованное им онтологически-трансценденталистски. Таким образом, у Франка общественное и духовное бытие сливаются в онтологическое единство, которое фундировано в бытии человека — в истории его общества как «феноменологии духа» и «драматической судьбе Бога в сердце человека», а также в его «живом знании» о себе как «медиуме», «проводнике» высших начал и ценностей.

Решительное отождествление Франком общественного бытия с бытием духовным, общественной жизни — с духовной можно охарактеризовать как *спиритуализацию* общественного бытия и общественной жизни, прямо противоположную их материализации у К. Маркса. Различение Франком духовной жизни в узком и широком смыслах здесь не имеет принципиального значения. Действие природного начала в жизни общества признается Франком, однако оно уходит на второй план и низводится до подчиненного положения, подобно тому, как у Маркса по сравнению с экономическим «базисом» уходит на второй план и низводятся до подчиненного положения духовные начала, идеальные смыслы, культурные традиции и т. п. («идеология»). Это закономерное следствие принятия трансцендентализма в онтологическом понимании. Что означает это понятие? В.Е. Семенов характеризует онтологический трансцендентализм (в отличие от гносеологического, ориентированного на самопознание и устремленного к постижению субъективности, чистого Я) как «тео-агато-этический», то есть устремленный к Богу, Благу и нравственности. Онтологический трансцендентализм, пишет он, «принимает свои надкатегориальные универсалии в качестве трансцендентных и не интересуется их генетической родословной (что, вообще говоря, граничит с догматизмом и спекулятивностью)» [6, с. 656–657].

Можно ли согласиться в данном случае с Франком? На наш взгляд, спиритуализация общественной жизни, которая у него стремится к целостному охвату, подобно противоположной тенденции в социальной философии Маркса, вызывает некоторые сомнения. К примеру, Зиммель куда более осторожен в этом вопросе. Понятие «обобществление» (*Vergesellschaftung*), которое рассматривалось им как перманентный процесс социализации, идущий в каждом поколении по-своему

и с переменным успехом, позволяло ему дистанцироваться от тотальной спиритуализации социального бытия. Общественная жизнь представляет, по его мнению, взаимную обусловленность и одновременно чреватую конфликтами борьбу обобщественного, культурного и необобщественного, природного начал, коренящихся в человеке [3, с. 245, 245–246].

Шелер, изучавший социологию в Берлинском университете у Зиммеля, пришел в 1920-е гг. к позиции более реалистической, чем до Первой мировой войны, в вопросе о взаимодействии духовных и природных начал в человеке и обществе. Его поздняя метафизика не лишена «спиритуализма» в такой же мере, как и «натурализма». Он исходит из двуединства природного «порыва» и божественного «духа», а в своей философии истории и культуры выдвигает концепцию взаимной обусловленности и взаимодействия реальных и идеальных факторов. Причем под реальными факторами он имеет в виду не чисто природные инстинкты и исходящие из них влечения, коренящиеся в натуре человека (инстинкт размножения, инстинкт власти, инстинкт питания и самосохранения), а их *социально-институциональные опосредования и опосредствования*, соответственно, в виде (а) кровнородственных, этнических отношений и всевозможных проблем народонаселения; (б) всего многообразия властно-политических отношений; (в) народнохозяйственных проблем и экономических отношений [14, с. 10–15]. (Этот «нюанс» часто упускают из виду, ошибочно приравнивая реальные факторы к чисто природным.)

Таким образом, общественное бытие, согласно Шелеру, в сущности, антропоморфно, а потому пронизано как природными, так и духовными началами, поэтому оно выстраивается не по какой-то смысловой логике, проистекающей из рациональной воли человека, и не по внутренней закономерности форм духовной культуры, а по собственной логике — *социетальной*. В чем состоит эта логика? Она складывается как результирующая исторически-ситуативного взаимодействия «идеальных и реальных факторов». Реальные жизненные силы сами по себе не могут породить, создать никакую идею, но идея, лишенная их поддержки, никогда не сможет реализоваться. Чтобы идея воплотилась в жизнь, она должна стать для самих этих жизненных сил заманчивым идеалом, руководящим образом, за счет этого получить распространение в массах и стать частью их актуального интереса. Реальные факторы общественной жизни выполняют функцию шлюзов, создавая условия, благоприятные либо неблагоприятные для осуществления идей. «Лишь там, где какие-либо “идеи” *соединяются* с интересами, инстинктами, коллективными влечениями, или, как последние еще называют, “тенденциями”, они *косвенно* получают власть и возможность воздействия; например, религиозные, научные идеи», — отмечает Шелер [14, с. 12].

На первый взгляд Франк видит логику общественной эволюции аналогичным образом. «Движущей силой исторической жизни, — пишет П.В. Алексеев о социальной философии Франка, — ...не могут быть ни идеи, ни материальные потребности, а только сам человек во всей целостности своего душевно-духовного существа, вмещающего в себя сразу и идеи, и материальные потребности (отсюда ошибочность исторического идеализма и экономического материализма). Чтобы быть движущей силой, потребность, непосредственный импульс человеческой деятельности должны быть связаны с каким-либо идеальным началом» [1, с. 12]. Однако здесь нужна существенная оговорка: поскольку духовная связь человека с Богом есть, согласно Франку, сущностная доминанта всякого социального действия — то, что претворяет субъективные намерения и индивидуальные поступки в *исторические деяния*, — постольку можно говорить о спиритуализации Франком социальной и исторической жизни. Другой вопрос: имеется ли эта связь, не разорвана ли она современным Франку западным капитализмом, а если имеется, то какова ее направленность, ценностная определенность? (Ответы на эти вопросы Франк дает в работе «Основы марксизма» (1926), где осмысливает истоки русской революции и исторический опыт первых восьми лет большевистской России [7, с. 25–26, 48–49].)

Франк, как и Шелер, ставит перед собой задачу — «познать истинное, постоянное существо общественного бытия, обусловленное вечным существом человека» [9, с. 36]. Таковое он находит в феноменологических и онтологических необходимостях (закономерностях) общественного бытия. Но современная общественная наука, пишет он, имея в виду социологию, игнорирует религиозное убеждение человека в существовании ненарушимых божественных законов совместной жизни людей, исполнение которых дарует ему жизнь, а нарушение карается гибелью. Она признает только эмпирические, перманентно меняющиеся закономерности, тенденции общественной жизни. В остальном, даже в полагании нравственного идеала и общественных целей, общественная наука «мыслит человека неограниченно-державным, своевольным властелином его жизни», что является глубоким заблуждением. «В противоположность этому, — заявляет Франк, — социальная философия должна с самого начала исходить из религиозного убеждения (подтверждаемого историческим опытом и углубленным рассмотрением общественной жизни), что есть вечные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать безнаказанно и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений» [9, с. 35]. В том, что связь между Богом и человеческой социальностью в ее культурно-историческом измерении имеет необходимой характер, Франк и Шелер сходятся полностью.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что в основе социальной философии Франка лежит идея «*богоподобного*» («теоморфного») человека, постепенно преодолевающего в обществе и истории свою эмпирическую, естественно-животную природу и обретающего самого себя как личность в стремлении к Богу — высшей основе мироздания. Несмотря на то что Франк негативно оценил пантеистические «выводы» Шелера в его поздней работе «Положение человека в космосе», он, по нашему мнению, развивал идеи, близкие к ранним взглядам Шелера. Это относится уже не только к метафизике (онтологии, или «первой философии»), но и к эпистемологии (к феноменологии «живого знания» в «Предмете познания» [10], к философии любви в «Непостижимом» [8]).

Что касается вопроса о *мере* влияния идей Шелера, то едва ли ответ на него может быть однозначным. Имеет право на существование альтернативная версия, допускающая возможность совпадения смысловой логики двух мыслителей при идейной близости в ряде исходных мировоззренческих позиций. Этот интеллектуальный феномен, не такой уж и редкий в истории философии, именуют еще *конгенальностью*. При общности интеллектуальной атмосферы в Германии и России в начале XX в. решающую роль могла сыграть приверженность обоих мыслителей, с одной стороны, идее феноменологии, а с другой — христианской традиции. Важно отметить, что Франк еще в ранний период своего творчества занимался философией человека, разрабатывая проблемы «философской психологии», что получило отражение в его работе «Душа человека» [11].

В понимании общества Франк ориентируется на триединую духовную основу человеческой социальности: *солидарность, свободу, служение*. В ней главную роль играет (как и в социальной философии Шелера) солидарность. Она возникает из следования божественной заповеди «возлюби ближнего, как самого себя» и начинается с семьи. Солидарность с «ближним» закладывает фундамент для солидарности с «дальним», для подлинной созидательной свободы и верного служения народу, обществу, государству. Любовь, взятая во всех ее проявлениях, от любви к ближнему до любви к Богу, рассматривается Франком как высшее и наиболее полное выражение человеческого духа, а любовь к Богу — как высшая ценность. Все это в полной мере соответствует главным принципам «материальной этики ценностей» Шелера и его солидаристской социальной философии, фундированной аксиологически.

Есть ли основания считать мировоззренческую позицию Франка «метафизическим (или, иначе, мистическим) реализмом»? (Заметим, что поздний Шелер квалифицировал свою позицию как «исторический реализм» в противоположность гегелевскому идеализму и историческому материализму.) На наш взгляд, имеются, хотя и не бесспорные.

Если признать, что религиозно-антропологически фундированная онтологическая феноменология одинаково удалена как от материализма, так и от идеализма (с чем, может быть, не все согласятся), то «реализм» действительно подходит как понятие, опосредствующее эти противоположные категории. Правда, у Шелера, как мы отмечали выше, было все же больше оснований считать себя «реалистом», чем у Франка. Если у последнего общественная жизнь — часть жизни духовной, то в «социологии знания» Шелера дело обстоит, скорее, наоборот. И все же сходств в социально-философских концепциях Франка и Шелера много больше, чем различий. Назовем лишь некоторые.

Оба философа, с одной стороны, отвергают натуралистический редукционизм «социологии» О. Конта и «экономизма» К. Маркса, а с другой — критикуют идеализм Гегеля и неокантианский трансценденталистский панметодологизм (конструктивизм). Оба крайне специфически (в эмотивистско-интуитивистском смысле) интерпретируют понятия «дух», «духовная жизнь», «познание», «знание», что позволяет им усматривать третью линию между этими крайностями в феноменологии, которую они оба понимают в онтологическом и религиозно-антропологическом ключе. Оба исходят из двуединой сущности человека, хотя каждый по-разному; В.В. Зеньковский справедливо отмечает, что Франк, постулируя дуализм подлинного и мнимого в человеке (отпадение человека от Бога и создание себе ложных кумиров), «возводит эту двойственность в человеке к коренной двойственности в самой реальности» [2, с. 437]. И Франк, и Шелер персоналисты. Оба отстаивают свободу человека на метафизическом уровне: видят проблему не в том, чтобы выяснять, какую роль в истории и в обществе играет человеческая личность, — такая постановка проблемы, восходящая к Гегелю, К. Марксу и др., уже предполагает господство над личностью безличной исторической и социетальной силы (идеальной у Гегеля, материальной у К. Маркса), — но в том, чтобы представить человека создателем общества и творцом истории, пусть и в границах, полагаемых божественными заповедями.

У Франка и Шелера не история и общество «строят» нового человека по якобы неотвратимым научным законам, а сам человек, оставаясь таким, какой он всегда был и есть, «строит» формы своего общественного бытия, ориентируясь на идеалы, соответствующие вечному и неизменному порядку ценностей. Поскольку стремление осуществить идеалы на практике возможно только в общественной жизни, постольку человеку необходимо осознать ее «истинное назначение». Для этого и нужна социальная философия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.П.* Философская концепция С.Л. Франка // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 5–12.

2. *Зеньковский В.В.* Учение С.Л. Франка о человеке // Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк; [Примеч. Р.К. Медведевой]. М.: Изд-во «Республика», 1997. С. 432–437.
3. *Зиммель Г.* Как возможно общество? / Пер. с нем. А.Ф. Филиппов // Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 234–250.
4. *Малинкин А.Н.* Концепция феноменологии Макса Шелера: Шелер vs Гуссерль. М.: Русская школа, 2019. — 230 с. EDN: VRSTIK
5. *Малинкин А.Н.* Философская антропология Макса Шелера в 1912–1922 гг. // Шелер М. К идее человека / Пер. с нем., примеч. и коммент., сопровод. ст. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 73–136.
6. *Семенов В.Е.* Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западно-европейской философии. М.: РОССПЭН, 2012. — 687 с. EDN: SNCUTH
7. *Франк С.Л.* Основы марксизма. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926. — 50 с.
8. *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения / [С.Л. Франк; Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю.П. Сенокосова]. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 183–559.
9. *Франк С.Л.* Духовные основы общества / [С.Л. Франк; Сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев]. М.: Республика, 1992. — 511 с.
10. *Франк С.Л.* Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // Предмет знания. Душа человека / С.Л. Франк; [Вступ. ст. И.И. Евлампиева]. СПб.: Наука, 1995. С. 36–416.
11. *Франк С.Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк; [Примеч. Р.К. Медведевой]. М.: Изд-во «Республика», 1997. С. 4–206.
12. *Франк С.Л.* Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк; [Примеч. Р.К. Медведевой]. М.: Изд-во «Республика», 1997. С. 208–431.
13. *Шелер М.* Положение человека в космосе / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 129–193.
14. *Шелер М.* Проблемы социологии знания / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2011. — 320 с.
15. *Шелер М.* К идее человека / Пер. с нем., примеч. и коммент., сопровод. ст. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 5–71.
16. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung // Georg Simmel. Gesamtausgabe. Bd. 11. 1. Hrsg. v. O. Rammstedt. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. S. 7–863.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru

Дата поступления: 15.05.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 4. P. 151–168. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.8

Research Article

ALEXANDER N. MALINKIN¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

THE CONCEPT OF SOCIAL PHILOSOPHY BY S.L. FRANK.

EXPERIENCE IN COMPARATIVE ANALYSIS: G. SIMMEL, E. HUSSERL, M. SCHELER

Abstract. The article is a continuation of the study of the evolution of social thought by S.L. Frank, the results of which began to be published in the previous issue. This article deals with the concept of social philosophy of S.L. Frank, set forth in his work “The Spiritual Foundations of Society”. The main ideas of his concept are compared to the views of G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler. The author comes to the conclusion that Frank’s socio-philosophical doctrine is based on the idea of a “god-like” (“theomorphic”) person, who gradually overcomes his empirical, innate-animal nature in society and history and comes into his own as a person in pursuit of God — the highest foundation of the universe. The social and spiritual being merge, according to Frank, into one ontological unity, which is founded in the being of man — in the history of his society as a “phenomenology of the spirit” and “the dramatic fate of God in the heart of man”, as well as in his “living knowledge” about himself as a “medium”, “conduit” of higher principles and values. The concept of Frank’s social philosophy was formed, according to the author, under the influence of G. Simmel’s “philosophical sociology”, E. Husserl’s transcendental phenomenology, and his philosophical anthropology is in many ways close to Scheler’s early philosophical ideas.

Keywords: S.L. Frank; G. Simmel; E. Husserl; M. Scheler; social philosophy; metaphysics of social being; “living knowledge”; man; personality; God; values.

For citation: Malinkin, A.N. The Concept of Social Philosophy by S.L. Frank. Experience of Comparative Analysis: G. Simmel, E. Husserl, M. Scheler. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 151–168. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.8

REFERENCES

1. Alekseev V.P. The philosophical concept of S.L. Frank. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva*. [Spiritual Foundations of Society.] Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1992. P. 5–12. (In Russ.)
2. Zen’kovskiy V.V. The Teachings of S.L. Frank about Man. Frank S.L. *Real’nost’ i chelovek*. [Reality and Man.] Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1997. P. 432–437. (In Russ.)

3. Simmel G. How is Society Possible? Transl. from Germ. by A.F. Filippov. Zimmel' G. *Izbrannoe. Problemy sotsiologii*. [Georg Simmel. Favorites. Problems of Sociology.] Moscow; St Petersburg: Universitetskaya kniga publ., Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2015. P. 234–250. (In Russ.)
4. Malinkin A.N. *Kontseptsiya fenomenologii Maksa Schelera. Scheler vs Gusserl'*. [The Concept of Phenomenology by Max Scheler. Scheler vs Husserl.] Moscow: Russkaya shkola publ. 2019. 230 p. (In Russ.)
5. Malinkin A.N. The Philosophical Anthropology of Max Scheler in 1912–1922. Scheler M. Zur Idee des Menschen = To the idea of man. [Russ. ed.: *K ideye cheloveka*. Transl. from Germ., comment., afterword by A.N. Malinkin. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2022. P. 73–136.] (In Russ.)
6. Semonov V.Ye. *Dominiruyushchie paradigmy transtsendentalizma v zapadnoevropeiskoi filosofii*. [Dominating Paradigms of Transcendentalism in Western European Philosophy.] Moscow: Izd-vo ROSSPEN publ., 2012. 687 p. (In Russ.)
7. Frank S.L. *Osnovy marksizma*. [Fundamentals of Marxism.] Berlin: Yevraziyskoye knigoizdatel'stvo publ., 1926. 50 p. (In Russ.)
8. Frank S.L. Unfathomable. Ontological Introduction to the Philosophy of Religion. Frank S.L. *Sochineniya*. [Works.] Intro. comp., and notes by Yu.P. Senokosov. Moscow: Izd-vo Pravda publ., 1990. P. 183–559. (In Russ.)
9. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva*. [Spiritual Foundations of Society.] Comp. and intro. by P.V. Alekseev. Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1992. 511 p. (In Russ.)
10. Frank S.L. The Subject of Knowledge. On the Foundations and Limits of Abstract Knowledge. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka*. [The Subject of Knowledge. The Soul of Man.] Intro. by I.I. Evlampiev. St Petersburg: Nauka publ., 1995. P. 36–416. (In Russ.)
11. Frank S.L. The soul of man. Experience of Introduction to Philosophical Psychology. Frank S.L. *Real'nost' i chelovek*. [Reality and man.] Note by R.K. Medvedeva. Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1997. P. 4–206. (In Russ.)
12. Frank S.L. Reality and Man. Metaphysics of Human Existence. Frank S.L. *Real'nost' i chelovek*. [Reality and Man.] Note by R.K. Medvedeva. Moscow: Izd-vo Respublika publ., 1997. P. 208–431. (In Russ.)
13. Scheler M. The Position of Man in Space. Transl. from Germ. by A.F. Filippov. Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya*. [Selected Works.] Moscow: Izd-vo Gnozis publ., 1994. P. 129–193. (In Russ.)
14. Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens = Problems of the Sociology of Knowledge. [Russ. ed.: *Problemy sotsiologii znaniya*. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy publ., 2011. 320 p.] (In Russ.)
15. Scheler M. Zur Idee des Menschen = To the Idea of Man. [Russ. ed.: *K ideye cheloveka*. Transl. from Germ., comment., afterword by A.N. Malinkin. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2022. P. 5–71.] (In Russ.)
16. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen uber die Formen der Vergesellschaftung. Georg Simmel. *Gesamtausgabe*. Bd. 11. 1. Hrsg. v. O. Rammstedt. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. S. 7–863. (In Germ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

Received: 15.05.2023.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9

EDN: VNMZSB

С.Б. ОРЛОВ¹, Д.В. ЧЕРНЫШКОВ¹

¹ Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова».

659305, Алтайский край, Бийск, ул. имени Героя Советского Союза Трофимова, д. 29, каб. 215А.

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ ЗАВОДСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА БИЙСКА)

Аннотация. Статья посвящена такому научно-социальному феномену советского времени, как заводская социология. История становления и упадка этой интереснейшей прикладной дисциплины прослежена на примере города Бийска — одного из ведущих центров советской оборонной промышленности 1960—1980-х гг. В основу статьи положены личные воспоминания Сергея Орлова и Людмилы Мрачковской, которые в 1970—1980-е гг. трудились заводскими социологами на таких крупных предприятиях, как НПО «Алтай», Бийский химический комбинат и Бийский олеумный завод. В качестве нового источника информации о работе заводских социологов в научный оборот введены публикации из многотиражной газеты Бийского олеумного завода «За прогресс», которые помогают восстановить картину проблем, волновавших руководство советских предприятий. В заключение выдвигается несколько гипотез, призванных обозначить перспективу дальнейших исследований по теме заводской социологии.

Ключевые слова: заводская социология; история социологии; советская социология; социологическая служба; социологические исследования; Алтайский край; Бийск.

Для цитирования: Орлов С.Б., Чернышков Д.В. Феномен советской заводской социологии (на примере города Бийска) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 169—186. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9 EDN: VNMZSB

Наше время, когда изучение мнения и поведения больших групп людей стало неотъемлемым элементом управленческой практики, парадоксальным образом оказалось почти начисто лишено такой формы познания социальной действительности, как заводская социоло-

логия. Если при «тоталитарном режиме» мнения токаря и электрика, аппаратчика и швеи кого-то интересовали, то «свободная Россия», переходящая к эпохе «стабильности», трудящихся замечать почти перестала. Кроме того, сама история заводской социологии, бум которой пришелся на 1960–1980-е гг., изучена довольно слабо и в основном фрагментами разбросана по интервью и мемуарам столичных социологов старшего поколения. Кажется, она неинтересна сегодня даже тем, кто сам когда-то ею занимался... Что же заводская социология собой представляла и чем была? Попробуем это понять на примере одного провинциального города — Бийска.

Предпосылки и условия становления заводской социологии

Заводская социология во времена своего недолгого, но бурного расцвета стала в Советском Союзе главной прикладной разновидностью той «буржуазной лженауки», институциональная реабилитация которой состоялась лишь в конце 1950-х — 1960-е гг. (так, Советская социологическая ассоциация АН СССР была образована в 1958 г., Институт конкретных социальных исследований АН СССР — в 1968 г.). В условиях ограничений на теоретические обобщения, противоречащие официальной (псевдо)марксистской идеологии, она выступила советским эквивалентом функционировавшей на Западе индустриальной социологии.

Оба типа индустриального общества — и капиталистический, и социалистический, несмотря на различие в формах собственности на средства производства, решали одни и те же проблемы, находясь в рамках одной и той же парадигмы научно-технического прогресса. Поэтому для выработки грамотных управленческих решений требовалось максимально оперативно «переводить» стихийно формирующиеся настроения многомиллионной, постоянно растущей массы промышленных рабочих, а также инженерно-технических работников на понятный для корпоративной и государственной бюрократии язык однозначных категорий. По мысли Герберта Маркузе, подобная операционализация помогала индустриальной системе вовремя купировать подспудно нарастающее недовольство людей условиями их труда и складывающимися в ходе производственного процесса взаимоотношениями, а значит, «лечить» недуг неизбежно возникающего отчуждения: «Терапевтический характер операционального понятия проявляется наиболее ярко там, где концептуальное мышление методически ставится на службу изучения и совершенствования существующих социальных условий без изменения структуры существующих общественных институтов — в индустриальной социологии, изучении спроса, маркетинге и изучении общественного мнения» [10, с. 371–377].

Вместе с тем ряд исторических особенностей делает советскую заводскую социологию явлением уникальным. *Во-первых*, научно-техническая революция в СССР потребовала от общества не только расширенного спектра профессиональных навыков, но и организации качественно новых социальных отношений как на производстве, так и в быту. *Во-вторых*, косыгинские реформы 1960-х гг. позволили промышленным предприятиям накапливать материальные и финансовые ресурсы для удовлетворения социальных нужд своих работников (в жилье, детских садах, профилакториях, домах культуры и т. д.), что сразу же поставило вопрос об их (ресурсов) наиболее рациональном использовании. *В-третьих*, в связи с резким усложнением социальной системы назрела проблема (в дальнейшем так и не решенная) качественного совершенствования системы управления на уровне как государства, так и отдельных регионов и городов, социальный ландшафт которых во многом определяли именно трудовые коллективы больших заводов и фабрик.

Однако общественные науки в СССР не могли стать функциональной базой прикладной и, в частности, заводской социологии, поскольку их теоретической основой была объявлена сугубо идеологическая дисциплина — так называемый исторический материализм, который не столько эмпирически изучал общество, сколько предписывал, каким ему надлежит быть. К примеру, директор академического Института философии, а до того заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Федор Константинов указывал: «Конкретные социологические исследования означают творческое применение марксизма как метода познания и объяснения новых социальных явлений и процессов, структуры и механизма действия законов общественного развития» (цит. по: [18, с. 98]). В свою очередь, вице-президент Академии наук Петр Федосеев категорично отмечал: «Нет и не может быть социологии вне или над историческим материализмом». Попытки четко отделить прикладную социологию от истмата пресекались, и главенствующей в советской науке стала точка зрения, выраженная Геннадием Осиповым: «Опыт многих социологических исследований показывает, что, как бы ни была совершенна их методика, они оказываются безрезультатными и бесплодными, не имеют научного значения именно в силу пренебрежения общей теорией социального развития» [19, с. 99]. А когда в 1969 г. Юрий Левада в своих лекциях резонно заметил, что «попытки “пристегнуть” эмпирические исследования общества к ряду данных, полученных... в рамках передовой исторической науки или передовой философии... всегда оказываются чем-то искусственным и неудачным» [8, с. 13], это, как известно, кончилось для него довольно печально.

Поэтому массово возникающие в 1960–1970-е гг. заводские социологические службы самостоятельно осваивали азы научной работы

и создавали собственные, оригинальные методики исследования. Ученые такую самодеятельность, конечно, критиковали: «Низкий профессионализм лиц, занимающих должности социологов на предприятиях, самым серьезным образом сказывается на качестве проводимых ими исследований, на уровне и эффективности мероприятий социального планирования. Одного энтузиазма и желания заниматься заводской социологией недостаточно» [15, с. 168]. В то время, как известно, ни в одном вузе страны социологов не готовили — только математиков для обеспечения статистических исследований, так что в «прикладники» шли инженеры, филологи, журналисты и т. д. Естественно, их теоретическая база была практически нулевой, но чего было не отнять у людей, открывающих для себя terra incognita социологии, так это огромного интереса и того самого «дилетантского» желания работать.

Существовал минимум литературы, полезной и доступной заводскому социологу в провинции: монография «Человек и его работа» [5], книга «Движение рабочих кадров на промышленных предприятиях» [3], практическое пособие «Рабочая книга социолога» [17], а также подборки журналов «Экономика и организация промышленного производства» (издается с 1970 г. в Новосибирске) и «Социологические исследования» (издается с 1974 г. в Москве). Кроме того, в 1985 г. специально для функционировавших на предприятиях партийных комитетов КПСС вышло пособие «Как провести социологическое исследование. В помощь идеологическому активу» [7]. Однако общая скудость теоретико-методологической базы порой оказывалась стимулирующим фактором, что позволяло опираться в работе на конкретный исследовательский опыт.

В силу указанных причин на этапе зарождения заводской социологии для проведения исследований на советских предприятиях активно привлекались вузы и подразделения Академии наук, которые играли роль своего рода научных центров отечественной индустриальной социологии [6, с. 327]. В лидеры этой сферы, помимо Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербург), в 1960–1970-е гг. выдвигаются научные центры в Кохтла-Ярве и Львове, Уфе и Горьком (Нижний Новгород), Перми и Свердловске (Екатеринбург), Новосибирске, Томске и Красноярске, а также ряд других [19, с. 116]. Вслед за тем активно формируются собственно заводские социологические службы, входящие непосредственно в структуру изучаемых предприятий (самые известные примеры — станкостроительный завод «Красный пролетарий», ЗИЛ и АЗЛК в Москве, Кировский завод и приборостроительное объединение «Светлана» в Ленинграде, АвтоВАЗ в Тольятти и КамАЗ в Набережных Челнах, Пермский телефонный и Львовский телевизионный заводы, Тираспольское швейное объединение и ПО «Коммутатор» в Риге, Днепропетровский машинострои-

тельный и Калужский электромеханический заводы и проч.) [6, с. 328, 348; 15, с. 167–168; 19, с. 116–117].

В контексте изложенного выше следует рассмотреть и пример сравнительно небольшого (примерно 200 тыс. человек) города Бийска — второго по численности населения в Алтайском крае. Вначале, во время Великой Отечественной войны, Бийск пережил бурную индустриализацию (сюда были эвакуированы ряд стратегически важных предприятий из европейской части СССР), а затем, в 1960–1980-е гг., стал одним из ведущих центров советской оборонной промышленности со сложными наукоемкими производствами, развитой инфраструктурой (в том числе с собственным аэропортом, к настоящему времени, на фоне туристического бума на Алтае, превратившимся в развалины) и первоклассным человеческим капиталом (сюда приезжало по распределению много молодых красnodипломников из Ленинграда, Харькова, Казани и др.).

То, что происходило с заводской социологией в Бийске, где не ступала нога академического социолога, представляется нам во многом характерным для советской провинции.

Как это делалось в Бийске

Первая социологическая группа в Бийске была образована в марте 1974 г. — в Алтайском научно-исследовательском институте химических технологий (впоследствии научно-производственное объединение «Алтай») по инициативе его директора — Героя Социалистического Труда Якова Федоровича Савченко и секретаря парткома Бориса Петровича Орлова. Это предприятие открылось в 1958 г. и — наглухо засекреченное в первые годы существования — занималось проектированием и изготовлением твердотопливных зарядов для межконтинентальных баллистических ракет. Именно научный потенциал НПО «Алтай» и многочисленных фирм, вышедших в 1990-е гг. из его «шинели», позволил Бийску, давно пережившему пришедшийся на «застойные» времена расцвет, получить в 2005 г. статус наукограда.

Социологическая служба вначале насчитывала всего троих сотрудников. Эта группа входила в состав отдела № 33, который занимался автоматизацией управления технологическими процессами. Именно его вычислительный центр с самыми мощными в Сибири ЭВМ (сначала БЭСМ-6, затем «Эльбрус») использовался для обработки первичной социологической информации, полученной в ходе исследований.

Вскоре статус группы повысился: она была выделена в самостоятельную социологическую лабораторию, подчинявшуюся непосредственно гендиректору НПО. К концу 1977 г., когда инженером-социологом туда устроился старший из авторов данной статьи (С.Б. Орлов, филолог по образованию), она насчитывала шесть человек. Главными направлениями ее работы были:

а) постоянные исследования в течение года, общие для всех социологических служб страны.

Это, во-первых, *разработка и мониторинг выполнения плана социального развития*, который было件язано иметь каждое советское предприятие [1, с. 55; 19, с. 117–118].

Во-вторых, *анализ текучести кадров* на предприятии в целом и в отдельных подразделениях в частности. Не ограничиваясь только анализом статистических данных, сотрудники лаборатории посещали так называемый общественный отдел кадров, где раз в неделю проходили беседы с увольняющимися работниками для выявления истинных причин их ухода. Причем для качественного анализа текучести кадров была разработана уникальная методика, позволявшая не только заниматься мониторингом этого процесса, но и делать в данной области компетентные прогнозы для города и края в целом. (Отметим, что в это же время из Сибирского отделения Академии наук СССР на предприятие прислали методику исследования текучести кадров, где предлагалось измерять ее по абсолютной численности уволившихся, хотя любому начинающему социологу было件нятно, что для получения соизмеримых оценок эту величину необходимо делить на общую численность работников.)

В-третьих, *мониторинг социально-психологического климата* в структурных подразделениях.

В-четвертых, *оценка деловых и личностных качеств работников*, проводимая на трех уровнях: оценка вышестоящих нижестоящими, оценка друг другом людей с равным статусом и оценка нижестоящих вышестоящими;

б) разовые исследования, посвященные выявлению мнений работников по конкретным вопросам;

в) исследования по заказу разного рода организаций — от горкома КПСС до трамвайного управления. Так, например, в 1981 г. по заказу Приобского райкома (Бийск делился на Приобский и Восточный районы) было проведено крупномасштабное исследование эффективности использования персонала предприятий на сельхозработах и степени необходимости самих этих работ.

Основные применявшиеся методы исследования: статистический анализ и анкетирование с различными уровнями выборки. Максимальная по охвату выборка 1981 г. включала классические для мировой социологии 1500 человек.

К середине 1980-х гг. социологическая служба увеличилась количественно и усовершенствовалась качественно за счет психологов, официально став лабораторией социально-психологической адаптации. Новым видом работы было *тестирование прибывших по распределению выпускников вузов* (а их бывало до 400 человек в год) по нескольким тестам, каждый из которых состоял из 200 вопросов. Затем готовились

рекомендации для руководителей подразделения, куда направлялся работник, и на протяжении трех лет осуществлялся контроль его адаптации.

Гендиректор НПО «Алтай» Я.Ф. Савченко внимательно изучал результаты всех социологических исследований. К примеру, старший из авторов провел объемную работу по изучению степени удовлетворенности работников различными сторонами деятельности предприятия, а также социальной жизнью в квартале АБ, где большое количество многоквартирных домов и объектов соцкультбыта было построено именно за счет фондов НПО. Ознакомившись с отчетом, Яков Федорович вызвал социолога, подробно и даже вездливо расспросил о степени достоверности полученных результатов. В частности, его неприятно удивила высокая неудовлетворенность трудящихся отвлечением на строительство спорткомплекса «Заря» и сельхозобъектов в селе Акутиха, а также на работы на мясокомбинате (вряд ли западным социологам когда-нибудь посчастливилось проводить подобные исследования!). После этого Я.Ф. Савченко собрал научно-технический совет, где итоги анкетирования обсудили и вслед за тем приняли конкретные управленческие решения. Так, был составлен график отвлечений работников по отделам и цехам, согласованный с руководителями подразделений, а суммарный объем отвлечений — значительно сокращен. Позднее такого рода графики стали использоваться всеми предприятиями оборонного комплекса Бийска.

Вслед за лабораторией в НПО «Алтай» возникла социологическая служба при городском исполкоме, занимавшаяся планами социального развития на муниципальном уровне. По ее образу и подобию создаются лаборатории на других крупнейших предприятиях, по характерному стечению обстоятельств работавших опять-таки на «оборонку». Так, на приборостроительном заводе (впоследствии производственное объединение «Сибприбормаш») лаборатория была образована в конце 1970-х гг., и на первых порах ее численность достигала уже 20 человек. Затем организуются аналогичные группы на Бийском химическом комбинате (1981 г., численность — шесть человек) и на Бийском олеумном заводе (1983 г., численность — два человека). Все упомянутые предприятия, на которых трудились тысячи бийчан, являлись градообразующими.

Однако эффективность этих служб оказалась, мягко говоря, не очень высокой. Во-первых, там порой работали совсем случайные люди, не знавшие даже азов исследовательской работы. Так, на одном из семинаров по обмену опытом в краевой столице — Барнауле женщина-социолог из ПО «Сибприбормаш» на вопрос, сколько исследований они собираются провести за год, гордо ответила: «Пятнадцать!» (заводские социологи тех времен знают, что с нуля — от постановки задачи до выпуска отчета — в течение года можно было осуществить не

более двух-трех полноценных исследований). А затем, говоря о предполагаемой численности опрошиваемых, заявила о... 100%-ном охвате работников.

Во-вторых, само руководство предприятий иногда не знало, чего именно требовать от социологов, поскольку подобные службы часто создавались по принципу «у соседа (то есть в НПО “Алтай”) есть, значит, и у меня должно быть».

Кроме того, работа заводских «прикладников» иногда оценивалась в зависимости от сиюминутной конъюнктуры. Так, в 1986 г. старший из авторов, будучи уже начальником социологической лаборатории Бийского химкомбината, крупнейшего в СССР, провел вполне рядовое исследование степени удовлетворенности заводчан своим трудом (которая оказалась практически нулевой). В это время в стране шла очередная кампания по укреплению трудовой дисциплины. Посетивший комбинат заместитель министра машиностроения Леонид Забелин ознакомился с данным отчетом и использовал его в своем докладе в ЦК КПСС как пример успешного функционирования заводской социологии (хотя практически никаких мер, кроме формально изданных приказов, по данному исследованию принято не было). В другом случае тот же автор получил от городского управления КГБ заказ на проведение исследования по проблемам технической безопасности. Естественно, заказ согласовывался с директором химкомбината Анатолием Карповым и передавался через него. Исследование было проведено на должном уровне, но его результаты оказались ужасающими. Прочитав отчет, директор распорядился его никому не передавать. В итоге разразился скандал, жертвой которого стал сам социолог: ему, к тому времени уже кандидату наук, пришлось сменить место работы, уйти из заводской социологии.

Многотиражка — важный источник по истории заводской социологии

В 1965 г. из состава Бийского химкомбината был выделен олеумный завод, занимавшийся в основном производством взрывчатых веществ для военных и гражданских нужд (в лучшие годы там трудилось свыше 3000 человек). Его социологическую службу в 1983–1988 гг. возглавляла Людмила Семеновна Мрачковская, которая в интервью не только рассказала нам о своей работе, но и любезно поделилась старыми выпусками еженедельной (обычно двухполосной) заводской газеты «За прогресс», где наряду с обсуждением хода пятилетки и результатов соцсоревнований время от времени (раз-два в год) публиковалась информация по ее подразделению.

Примечательна сама трудовая биография нашей информантки. После окончания филологического факультета местного педагогического института она с конца 1960-х гг. работала редактором городского кинопроката. В 1977 г. Людмила Мрачковская, не будучи чле-

ном КПСС, окончила двухгодичные вечерние курсы «Методология и методика марксистско-ленинских социологических исследований» в университете марксизма-ленинизма при горкоме партии. По ее словам, записалась на эти курсы она просто из большого интереса. Занятия проходили дважды в неделю, в группе училось полтора десятка человек.

В 1982 г., узнав о вакансии на химкомбинате, она уволилась со своей престижной должности и трудоустроилась рядовым социологом. Через год, в апреле 1983 г., подобное подразделение создают на олеумном заводе, и Л.С. Мрачковская, уже получив необходимую практику, предложила свои услуги этому предприятию, чтобы, по ее словам, «стать самостоятельной». На БОЗе ее назначили старшим инженером-социологом. Социологическая служба из двух штатных единиц была первоначально образована в составе заводоуправления, однако позднее, в 1986 г., ее переподчинили отделу кадров и технического обучения, тем самым понизив в административном статусе.

В июне 1983 г. Л.С. Мрачковская опубликовала в многотиражке заметку с характерным заголовком «Изучать, чтобы знать». «Перед социологами стоит задача — проводить на предприятии социологические исследования с целью изучения микроклимата производства, причин текучести кадров, повышения производительности труда и эффективности производства, стабилизации трудовых коллективов и творческой активности трудящихся, — объясняла она заводчанам. — В настоящее время на заводе проводится исследование по изучению общественно-политической активности молодежи. <...> Юношам и девушкам пришлось задуматься над такими вопросами: “Связываете ли Вы свое будущее с работой на нашем заводе?”, “Как Вы оцениваете свой коллектив?”, “Что Вы приобрели для себя, работая в этом коллективе, и кто в этом помог?”, “Есть ли среди коммунистов человек, которому Вы бы хотели подражать?” и другие. Ответы на вопросы будут использоваться в обобщенном виде и послужат основой для изучения и улучшения форм работы с молодежью» [11]¹.

Уже спустя пару месяцев была напечатана заметка, где с опорой на проведенное социологическое исследование заместитель директора завода по кадрам сокрушался: «За истекшее полугодие на завод принято около 500 человек. За этот же период уволено 470 человек. Эти цифры говорят сами за себя. <...> Основной причиной увольнения называется отсутствие на заводе возможности скорого получения жилья, но часто

---

¹ Все упоминаемые в тексте заметки из многотиражки «За прогресс» можно прочитать в Приложении к этой статье на официальном сайте «Социологического журнала» по адресу: URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/9455/9247>

встречаются жалобы и на неудовлетворительную организацию труда. Эти и другие ответы — хороший повод для размышлений» [4].

В следующий раз упоминания о работе социологов встречаются в заводской печати через год, в сентябре 1984 г.: в довольно большой статье инженер-социолог А. Лобаскин делится результатами масштабного исследования проблемы пьянства на предприятии. По итогам анкетирования в двух цехах (по производству взрывчатки и в железнодорожном соответственно) он констатировал: «В сравнительно благополучном 5-м цехе 52% опрошенных были свидетелями появления рабочих в нетрезвом виде или употребляющих спиртное на работе. И что же они предприняли? 47% опрошенных — не обратили внимания, 21% — скрыли от руководства, 21% — сообщили начальнику смены, и только 5% помешали этому. В цехе № 40 эти показатели гораздо хуже» [9].

В 1985 г. в четырех цехах было проведено исследование по выявлению причин нарушений техники безопасности и пожарной безопасности. «Неоправданно высоким оказался процент нарушений, связанных с невыполнением типового порядка приема и сдачи смены, халатностью самих рабочих, некачественным инструментом, отсутствием контроля со стороны мастеров и со многим другим. <...> Анализ анкетного материала показал, что предельная внимательность при проведении производственных работ напрямую зависит от состояния морально-психологического климата в коллективе. Невнимание к личности рабочего, его психическому состоянию неизбежно ведет к психологической неудовлетворенности, снижению производительности труда и нарушению правил безопасности» [2].

В том же 1985 г. социологическая группа БОЗ занималась анкетным изучением организации жизни и отдыха молодых рабочих в заводском общежитии и выявила их претензии к бытовым условиям: большая часть опрошенных (74%) регулярно проводили свободное время за пределами общежития, «то есть не считают общежитие местом для полноценного отдыха», потому что там нет ни кружков, ни секций, ни встреч с интересными людьми. На вопрос «Какую роль играет комитет ВЛКСМ в организации жизни вашего общежития?» 28% ответили «никакую», 19% — «незначительную». А представители заводской администрации и «общественных организаций» (то есть профсоюзного и партийного комитетов) названы в общежитии «редкими гостями» [2].

В 1986 г. социологи проводили очередное изучение эффективности мероприятий по борьбе с пьянством и нарушениями трудовой дисциплины, а также исследовали адаптацию и закрепление в восьми цехах завода выпускников училищ и техникумов. Так, 17% опрошенных молодых рабочих тогда указали, что у них нет наставника. «Были отмечены и такие случаи, когда за молодыми специалистами закреплялись люди, не заслуживающие права быть наставником. <...> Результаты

анкетирования показали, что выбранная профессия нравится 79% опрошенных юношей и девушек. А вот тем, как складывается их трудовая деятельность, удовлетворены только 64%. <...> Не во всех цехах хорошие бытовые условия. <...> Многие жалуются на работу столовой. Зачастую молодые рабочие выполняют подсобные работы, а не трудятся по полученной специальности» [12].

В начале 1987 г. заводские социологи поделились отзывами с мест о бригадной форме организации труда, в рамках которой оценивался трудовой вклад каждого конкретного работника и в соответствии с этим повышался уровень его зарплаты, что приводило к ощутимому сокращению числа нарушений трудовой дисциплины, но при этом в масштабе всего предприятия эта форма приживалась почему-то с трудом. «Как показало исследование, работа по бригадному методу усиливает у рабочих чувство ответственности, заинтересованности в делах коллектива. 53% респондентов отметили: “Увеличилась взаимопомощь и поддержка в бригаде”». В то же время «рабочие отметили пункт о невозможности распределить работу так, чтобы удовлетворить всех (65%)» [14].

Последним газетным материалом Л.С. Мрачковской стала заметка, посвященная острому трудовому конфликту на литейном участке ремонтно-механического цеха. С помощью анкет и интервью там был проведен почти сплошной опрос — среди 90% работников, более половины из которых указали на необходимость замены начальника участка [13]. Начальника оставили на месте, а вот самой исследовательнице в начале 1988 г. с завода (и вообще из профессии) пришлось уйти, после чего история социологии здесь — и это в самый разгар перестройки и «гласности!» — фактически завершилась.

Рассказ нашей информантки вызывает противоречивые мысли по поводу реального статуса социолога на данном предприятии. С одной стороны, она исправно присутствовала на утренних планерках у директора вместе с главными специалистами и начальниками цехов. «Я была в курсе всех проблем, они откладывались у меня в мозгу, и по мере остроты темы я разрабатывала план исследований», — сообщила Л.С. Мрачковская. Социологи также участвовали в подготовке личных характеристик для переаттестации кадров, а их отчеты с обработанными вручную (без ЭВМ!) результатами социологических исследований и конкретными рекомендациями столь же исправно ложились на стол руководству. С другой стороны, бывший главный инженер (1982–1987) и директор (1987–2008) Бийского олеумного завода Анатолий Ананьин, к которому мы обратились с вопросами во время работы над статьей, не смог припомнить *ни одного* управленческого решения, которое было бы принято на основе данных исследований.

В целом это подтверждает сказанное выше: руководители советских предприятий далеко не всегда сознавали, зачем им в действи-

тельности нужны социологи и как можно использовать результаты их работы.

Заводская социология на финальном этапе

В начале 1980-х гг. руководство страны наконец-то обратило внимание на социологию. Так, в июне 1983 г., за восемь лет до распада Советского Союза, генеральный секретарь Юрий Андропов, до того многолетний руководитель *самого информированного* ведомства в стране, на пленуме ЦК КПСС сделал знаменитое заявление: «Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок. <...> Жизнь постоянно выдвигает все новые и новые проблемы, с которыми связано движение нашего общества вперед. Тем более что теперь имеется и опыт социалистического развития ряда других стран, который требует внимательного изучения, оценки и обобщения. Словом, на роль общественных наук в современных условиях обязательно надо обратить внимание в новой редакции Программы КПСС»².

И уже вскоре на заседании президиума Академии наук все тот же Петр Федосеев призвал Институт социологических исследований сосредоточиться на «выявлении общей картины развития социалистического общества на современном его этапе», а для этого «объединить все социологические подразделения, существующие в стране, и прежде всего многочисленных заводских социологов, координировать их усилия, оказывать им методическую помощь» (цит. по: [6, с. 19]). Впрочем, во всем Советском Союзе, где насчитывалось чуть более 500 предприятий с собственной социологической службой, данная помощь выразилась главным образом в организации курсов повышения квалификации заводских социологов Москвы и Московской области [6, с. 13, 22].

Отметим, что и на Алтае делались попытки некоей координации работы «прикладников». С начала 1980-х гг. проходили регулярные встречи социологов Бийска и работников Горно-Алтайского обкома партии, которые пытались проводить исследования в своей автономии, входившей тогда в состав Алтайского края (ныне это самостоятельный субъект Федерации — Республика Алтай). А с 1985 г. в краевой столице организовывались семинары для заводских социоло-

---

² См.: Речь Генерального секретаря Центрального комитета КПСС товарища Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. // Советская культура. 1983. 16 июня. № 72. С. 2.

логов Бийска, Рубцовска и Барнаула под патронатом Святослава Григорьева, заведующего кафедрой общей социологии Алтайского госуниверситета и основателя так называемой Алтайской социологической школы. Однако особенно полезными они не стали и к 1988 г. прекратились.

К началу же 1990-х гг., когда госпредприятия были отпущены в свободное плавание по волнам рынка, история заводской социологии в стране, за редкими и счастливыми исключениями [16], сходит на нет. В Бийске лаборатория при НПО «Алтай» в 1992 г. была переведена в только что созданную престижную школу — Бийский лицей-интернат, где вяло просуществовала еще несколько лет. Социологическая группа при химкомбинате была распущена в том же 1992 г., — лишь двое ее сотрудников перешли в отдел маркетинга приватизированного (и позднее ликвидированного) предприятия. В штатном расписании олеумного завода вакансия социолога пережила 1991 г. только потому, что после запрета КПСС на эту ставку временно перевели последнего секретаря заводского парткома. А группы на «Сибприбормаше» и при горисполкоме закрылись еще в конце 1980-х гг. От социологических служб одного из самых развитых промышленных центров Сибири не осталось ничего.

Заключение

В завершение, не претендуя на универсализацию описанного выше опыта, все же позволим себе на его основе выдвинуть несколько гипотез.

1. Наиболее активно заводская социология развивалась там, где руководители предприятий испытывали особую потребность в достоверной информации о настроениях, проблемах и нуждах вверенных им коллективов (прежде всего на стратегических и градообразующих производствах). В этом случае административный статус социологической службы либо изначально был высоким, либо повышался со временем (она переходила в непосредственное подчинение директору), как в НПО «Алтай». В противном случае, если это было чем-то вроде веяния моды среди местной партийно-хозяйственной номенклатуры, ее либо сразу, либо так же со временем делали придатком какого-либо структурного подразделения (пример Бийского олеумного завода).

2. В условиях фактического отсутствия доступа к рабочим материалам заводских «прикладников», глубоко погребенным в архивах уцелевших предприятий либо давно отправленным в мусорную корзину, ценным источником информации о заводской социологии, еще только ждущим добросовестного исследователя, становятся старые подшивки многотиражных газет (такую газету старалось завести каждое уважающее себя советское предприятие). Наряду с воспоминаниями самих

социологов эти материалы помогают восстановить подлинную картину проблем, беспокоивших советский хозяйственный менеджмент: неудовлетворенность людей условиями труда и, как следствие, слабая трудовая мотивация и дисциплина, большая текучесть кадров, пьянство на рабочем месте, низкий авторитет начальства и т. д. Иногда социологические отчеты становились тем зеркалом, в которое было неприятно заглянуть и самим управленцам, а получение негативных результатов исследований могло повлечь столь же негативные карьерные последствия для социологов, если те вдруг наивно уверовали, что от них всегда ждут только правду и ничего кроме правды (опыт С.Б. Орлова и Л.С. Мрачковской).

3. Заводская социология в СССР во многом держалась на плечах подобных энтузиастов, которых, несмотря на довольно жесткие идеологические ограничения, в эту профессию приводил огромный интерес к познанию социальной действительности. Это подтверждается тем, что порой они переходили на должности социологов с более статусной и лучше оплачиваемой работы (пример Л.С. Мрачковской). При этом в отсутствие профильных вузовских программ обучение приемам и методам сбора социологической информации могло проводиться как на самом рабочем месте (случай С.Б. Орлова), так и в рамках местного партийного обучения, в том числе для беспартийных специалистов (случай Л.С. Мрачковской).

4. Коллапс заводской социологии в ходе распада СССР был вызван радикальной трансформацией породившей ее социальной среды (развитого индустриального общества высокой сложности, социальная жизнь которого строилась в основном вокруг трудовых коллективов крупных госпредприятий) и, как следствие, резким понижением социального статуса производительного труда, который перестал считаться предметом, достойным большого интереса. Только этим, на наш взгляд, можно объяснить быстрое исчезновение всех социологических служб в Бийске на рубеже 1980–1990-х гг., несмотря на то что сам объект исследования заводской социологии никуда не делся.

Разумеется, подтвердить либо опровергнуть данные гипотезы можно только широким обобщением опыта заводских социологов из самых разных уголков страны, если таковое когда-нибудь будет предпринято. Перспективным представляется изучение и самой социальной группы «заводские социологи», объединявшей в свое время тысячи исследователей. Пока же всего этого не сделано, история отечественной заводской социологии, по большому счету, останется не написанной. Надеемся, что наш анализ того, как функционировали заводские социологические службы в отдельно взятом провинциальном городе, станет хотя бы небольшим шагом на этом огромном пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Р.Н.* «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследования социально-профессиональных групп в СССР в 1960–1980-е годы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50–59. EDN: STFCCKF
2. *Востокова Л.* Интервью с социологом // За прогресс: орган парткома, профкома, комитета комсомола и администрации Бийского олеумного завода. 1986. 8 января. № 1.
3. Движение рабочих кадров на промышленных предприятиях. Теоретические и методологические вопросы анализа текучести / Под ред. Е.Г. Антосенкова. М.: Экономика, 1974. — 287 с.
4. *Замчалов Б.* Причина текучести кадров // За прогресс. 1983. 10 августа. № 29.
5. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П.* Человек и его работа (социологическое исследование). М.: Мысль, 1967. — 392 с.
6. *Иванов В.Н.* Социология в СССР (записки директора института). Изд. 2-е. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 400 с. EDN: VBIQTV
7. Как провести социологическое исследование. В помощь идеологическому активу / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985. — 223 с.
8. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии // Левада Ю.А. Сочинения. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 7–296.
9. *Лобаскин А.* Необходим комплекс мер // За прогресс. 1984. 19 сентября. № 34.
10. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2003. С. 251–515. EDN: QOCENB
11. *Мрачковская Л.* Изучать, чтобы знать // За прогресс. 1983. 22 июня. № 23.
12. *Мрачковская Л.* На завод пришел новичок // За прогресс. 1986. 27 августа. № 33.
13. *Мрачковская Л.* Что показало экспресс-исследование // За прогресс. 1988. 6 января. № 1.
14. *Мрачковская Л., Тырышкина Л.* Год назад созданы бригады в первом цехе // За прогресс. 1987. 1 июля. № 25.
15. *Подмарков В.Г., Зайцев А.К., Новиков В.В.* Проблемы заводской социологии // Социологические исследования. 1977. № 3. С. 162–169.
16. *Попова Н.В.* Социология на предприятии Урала: заметки заводского социолога // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 60–66. DOI: 10.7868/S0132162517070078 EDN: YZLIVF
17. Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1976. — 512 с.
18. *Филиппов А.Ф.* Советская социология как полицейская наука // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 91–105. EDN: SYNZNB

19. Щербина В.В. Заводская социология и управленческое консультирование в советский и постсоветский периоды // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 115–124. EDN: IQFUCX

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Орлов Сергей Борисович — доктор социологических наук, профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова». **Телефон:** +7 (913) 249-93-83. **Электронная почта:** sborlov@mail.ru

Чернышков Дмитрий Викторович — кандидат философских наук, научный сотрудник, научно-образовательный центр инновационных исследований в общественных науках, Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова». **Телефон:** +7 (960) 962-98-34. **Электронная почта:** d_vch@mail.ru

Дата поступления: 10.07.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 4. P. 169–186. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9

Research Article

SERGEY B. ORLOV¹, DMITRY V. CHERNYSHKOV¹

¹ Biysk Technological Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University. 29, Geroya Sovetskogo Soyuza Trofimova str., office 215A, 659305, Biysk, Altai region, Russian Federation.

THE PHENOMENON OF SOVIET FACTORY SOCIOLOGY (BASED ON BIYSK CITY)

Abstract. This article is devoted to such a scientific and social phenomenon of the Soviet era as factory sociology. The history of the formation and decay of this extremely interesting applied discipline is traced using the example of Biysk city, one of the leading centers of the Soviet defense industry in the 1960's – 1980's. The article is based on the personal memories of Sergey Orlov and Lyudmila Mrachkovskaya, who in the 1970's and 1980's worked as factory sociologists at such large enterprises as the Research and Production Association "Altai", the Biysk Chemical Combine, and the Biysk Oleum Plant. Publications of the corporate newspaper of the Biysk Oleum Plant "Za progress" ("For Progress") have been introduced into scientific circulation as a new source of information about the work of factory sociologists, and this helps in understanding problems that were of concern for the management of Soviet enterprises. In conclusion, several hypotheses are put forward to indicate the horizon for further research on the topic of factory sociology.

Keywords: factory sociology; history of sociology; Soviet sociology; sociological service; sociological research; Altai region; Biysk.

For citation: Orlov, S.B., Chernyshkov, D.V. The Phenomenon of Soviet Factory Sociology (Based on Biysk City). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 169–186. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9

REFERENCES

1. Abramov R.N. “Structuralists” and “Industrial Sociologists”: on the History of Studying Social Professional Groups in the USSR, 1960–1980th. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2014. No. 10. P. 50–59. (In Russ.)
2. Vostokova L. The interview with a sociologist. *Za progress*. [“For Progress”, organ of the party committee, the trade union committee, the committee of the Komsomol, and the administration of the Biysk Oleum Plant.] 1986. January 8. No. 1. (In Russ.)
3. *Dvizhenie rabochikh kadrov na promyshlennykh predpriyatiyakh. Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy analiza tekuchesti*. [The movement of workers in industrial enterprises. Theoretical and methodological issues of the staff turnover analysis.] Ed. by E.G. Antosenkov. Moscow: Ekonomika publ., 1974. 287 p. (In Russ.)
4. Zamchalov B. A cause of staff turnover. *Za progress*. 1983. August 10. No. 29. (In Russ.)
5. Zdravomyslov A.G., Yadov V.A., Rozhin V.P. *Chelovek i ego rabota (sotsiologicheskoe issledovanie)*. [Man and his work (a sociological study).] Moscow: Mysl publ., 1967. 392 p. (In Russ.)
6. Ivanov V.N. *Sotsiologiya v SSSR (zapiski direktora instituta)*. [Sociology in the USSR (notes of a director of the institute).] 2nd ed. Moscow: U Nikitskikh vorot publ., 2018. 400 p. (In Russ.)
7. *Kak provesti sotsiologicheskoe issledovanie. V pomoshch' ideologicheskomu aktivu*. [How to conduct a sociological study. To help ideological activists.] Ed. by M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. Moscow: Politizdat publ., 1985. 223 p. (In Russ.)
8. Levada Yu.A. Lectures on sociology. *Sochineniya*. [Writings.] Moscow: Publisher Karpov E.V. publ., 2011. P. 7–296. (In Russ.)
9. Lobaskin A. A set of measures is needed. *Za progress*. 1984. September 19. No. 34. (In Russ.)
10. Marcuse H. One-dimensional man. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitygo industrial'nogo obshchestva*. [Eros and civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Industrial Society.] Transl. from Eng., afterword, note by A.A. Yudin; Comp., preface by V.Yu. Kuznetsov. M.: AST, 2003. P. 251–515. (In Russ.)
11. Mrachkovskaya L. Studying for knowing. *Za progress*. 1983. June 22. No. 23. (In Russ.)
12. Mrachkovskaya L. A novice came to the plant. *Za progress*. 1986. August 27. No. 33. (In Russ.)
13. Mrachkovskaya L. What exactly the express study showed. *Za progress*. 1988. January 6. No. 1. (In Russ.)
14. Mrachkovskaya L., Tyryshkina L. Work teams were created in the workshop No. 1 one year ago. *Za progress*. 1987. July 1. No. 25. (In Russ.)
15. Podmarkov V.G., Zaytsev A.K., Novikov V.V. Problems of factory sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1977. No. 3. P. 162–169. (In Russ.)
16. Popova N.V. Sociology at an Urals Enterprise: Notes of Factory’s Sociologist. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 7. P. 60–66. DOI: 10.7868/S0132162517070078 (In Russ.)
17. *Rabochaya kniga sotsiologa*. [The workbook of sociologist.] Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka publ., 1976. 512 p. (In Russ.)
18. Filippov A.F. The Soviet sociology as a police science. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2014. No. 3. P. 91–105. (In Russ.)

19. Shcherbina V.V. Factory sociology and management consulting in the Soviet and post-Soviet periods. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 6. P. 115–124. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey B. Orlov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Biysk Technological Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University. **Phone:** +7 (913) 249-93-83. **E-mail:** sborlov@mail.ru

Dmitry V. Chernyshkov — Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Scientific and Educational Center for Innovative Research in Social Sciences, Biysk Technological Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University.

Phone: +7 (960) 962-98-34. **E-mail:** d_vch@mail.ru

Received: 10.07.2023.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2023 ГОДУ

EDN: ZLENIB

Том 29. № 1. DOI: 10.19181/socjour.2022.29.1

Том 29. № 2. DOI: 10.19181/socjour.2022.29.2

Том 29. № 3. DOI: 10.19181/socjour.2022.29.3

Том 29. № 4. DOI: 10.19181/socjour.2022.29.4

	Том 29, номер	Стр.
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ		
<i>В.Б. Звоновский, А.В. Ходыкин</i> Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области)	№ 1	8–35
<i>А.Ю. Мягков</i> Сенситивные исследования: опыт ретроспективного анализа и концептуализации	№ 3	8–28
<i>А.Б. Мартыненко</i> Разработка инструментария для измерения эмоциональной составляющей волонтерской деятельности и его апробация	№ 4	8–30
МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		
<i>В.И. Корсунова, Б.О. Соколов</i> Динамика поддержки эмансипативных ценностей в России в ходе пандемии COVID-19	№ 2	8–24
<i>Д.О. Тимошкин, Д.С. Пчелкина, А.С. Самарин, В.В. Хворостов, Р.В. Томилин</i> Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корее)	№ 2	25–50
СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА		
<i>О.Д. Стребков</i> Самопрезентация и успех на цифровых платформах на примере рабочих, занимающихся строительством и ремонтом	№ 3	70–92
<i>И.Л. Сизова, Н.С. Орлова, Е.Д. Елагина</i> Компетентность работников в условиях социально-экономической неопределенности	№ 4	31–55
СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ		
<i>А.В. Меренков, И.Г. Полякова</i> Теоретические подходы к изучению мотивации суррогатного материнства	№ 3	49–69

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

Е.С. Богомяжкова, Е.А. Орех, М.Е. Глухова
Телемедицина в российских мегаполисах:
проблемы и перспективы № 3 29–48

Н.Л. Русинова, В.В. Сафронов
Влияние сетевых статусных ресурсов на здоровье:
значение культуры доверия между людьми № 4 100–122

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.С. Попов, А.В. Стрельникова, Е.А. Григорьева
Учителя в условиях «кризисной цифровизации»:
на пороге «нового луддизма»? № 1 55–77

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова
Мобилизация ресурсности научно-педагогического
сообщества в российских вузах:
от проблемы к концепции № 1 78–96

Т.В. Гаврилюк, Т.В. Погодаева
Переход к обучению по индивидуальным
образовательным траекториям в оценках студентов
и преподавателей (на примере Тюменского
государственного университета) № 2 51–73

О.Б. Солодовникова, Е.Е. Малькова
Исследование удовлетворенности преподавателей своей
работой: концептуальная рамка для России № 4 56–76

П.А. Амбарова
Целостность, структурность и функциональность
повседневных практик научного наставничества
как предмет микросоциологического анализа № 4 77–99

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

А.Н. Малинкин
С.Л. Франк на пути к социальной философии.
Опыт сравнительного анализа:
Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер № 3 93–108

А.Н. Малинкин
Концепция социальной философии С.Л. Франка.
Опыт сравнительного анализа:
Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Шелер № 4 151–168

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

И.А. Шмерлина
Философия славянофильства и субъективная школа
в социологии: опыт компаративного анализа № 2 74–100

С.В. Орлов, Д.В. Чернышков
Феномен советской заводской социологии
(на примере города Бийска) № 4 169–186

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

М.В. Масловский
Анализ «переплетения»
советской и китайской моделей альтернативного модерна
в исторической социологии Й. Арнасона № 1 97–112

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ**К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ****Леокадии Михайловны Дробижевой (1933–2021)**

С.В. Рыжова
Этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой:
формирование подходов к изучению
российской идентичности № 1 36–54

Г.А. Погосян
Общие контуры национальной идентичности
у современных армян № 4 123–140

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

М.В. Богданова
«Значение имеет не столько радиус, сколько орбита»:
о стиле научной коммуникации профессора Батыгина /
Интервью и публикацию писем подготовил Д.М. Рогозин № 1 113–129

Г.А. Погосян
«Для многих из нас Геннадий Батыгин явился своего
рода проводником в мир высокой профессиональной
социологии» / Интервью подготовил Д.М. Рогозин № 2 101–109

И.Н. Тартаковская
«На профессиональном пути со мной остался урок
Батыгина — всегда проверять себя на обоснованность
выводов» / Интервью подготовил Д.М. Рогозин № 3 109–122

Г.Г. Татарова
«Батыгин был глубоко мыслящим социальным
философом, но мог спуститься на уровень эмпирической
социологии» / Интервью подготовил Д.М. Рогозин № 4 141–150

К 85-ЛЕТИЮ Г.Е. ЗБОРОВСКОГО

Б.З. Докторов
Человек, который чувствует, ценит и изучает Время.
Профессору Г.Е. Зборовскому — 85 лет № 3 123–131

К 100-ЛЕТИЮ В.Н. ШУБКИНА (1923–2010)

Я.У. Астафьев, Е.Д. Вознесенская, О.Ф. Фирсова
Вспоминая сегодня Владимира Шубкина № 3 132–145

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин, А.В. Кортаев
Глобальное старение
как интегральная проблема будущего № 2 110–131

И.Г. Дежина
Научная политика в России в 2018–2022 гг.:
противоречивые сигналы № 2 132–149

А.В. Шпилов
Возможно ли существование общества без развития? № 3 146–161

ИССЛЕДОВАНИЯ СМЕРТИ (DEATH STUDIES)

В.В. Солодников
Похороны и социальные представления о семье № 1 130–140

Т. Уолтер, Т. Бейли
Как похороны воплощают понимание семьи:
данные массового наблюдения /
Пер. с англ. А.А. Зайцевой, У.А. Ивановой № 1 141–160

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ*А.Ю. Согомонов*

Идейно-терминологический трансфер
и генезис российского модерна
(отклик на книгу: Лаборатория понятий: перевод и языки
политики в России XVIII века / Под ред. С.В. Польского
и В.С. Ржеуцкого. М.: НЛО, 2022) № 1 161–176

С.В. Козин, Т.П. Жидяева

[Рец. на кн.] От precarious занятости к прекарнизации
жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2022 № 1 177–191

А.А. Поплавская

Фриланс — свобода «от» или «для»?
Рецензия на книгу: Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы
знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости.
М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022 № 2 170–182

Д.Б. Литвинцев

Домашний vs институциональный.
Размышления над книгой L. Series “Deprivation of liberty
in the shadows of institutions” № 2 183–191

А.Л. Темницкий

Потенциал использования метода типологического
анализа в социологической диагностике социальных
феноменов № 3 162–177

Э.Г. Задорожнюк, Ю.В. Калинина

[Рец. на кн.] Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О.
Воспроизводство специалистов интеллектуального труда:
социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023 № 3 178–190

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ*К 100-летию со дня рождения Л.Н. Когана*

Н.Н. Маликова, Г.Е. Зборовский
Социолог как объект музейного дискурса № 2 150–169

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2023 ГОДУ**

№ 4 187–190

СОДЕРЖАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕВо всех
номерах 6–7

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова

Оригинал-макет: И.М. Ситдиков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.

Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2023. Том 29. № 4. Подписано в печать 25.12.2023.
Формат бумаги 70x100 1/16. Печать офсетная.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.
Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:
ООО «Галлея-Принт»
Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б